

КОЛЛЕКЦИОННАЯ

ФАНТАСТИКА

ОРУЖЕЙНИК КЕЙД

САЙРЕЛ ДЖАД ОРУЖЕЙНИК КЕЙД

САЙРЕЛ ДЖАД

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

Сайрел Джад

ОРУЖЕЙНИК КЕЙД

**Компания ГРИФ-Ф
МОСКВА
1995**

ББК 84.7 США
Д17

Сайрел Джад
Д17 Оружейник Кейд. /Пер. с англ. —
М.:Компания ГРИФ—Ф Лтд., 1995.—384с.

Перевод с английского
Л.А. Гридневой

Перепечатка как отдельных частей, так и всего произведения в целом возможна только с разрешения Компании ГРИФ—Ф Лтд. (Издательство ГРИФОН).

ISBN 5-85211-017-5 © Компания ГРИФ-Ф Лтд.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Далеко внизу, под ночными сонными коридорами и комнатами, в древних подвалах из толстого бетона и стали монотонно и размеренно работало реле, подключенное к отлаженному механизму. И его тихий гул пронизывал здание насквозь. Сам воздух был заполнен множеством разнообразных звуков; мягким жужжанием, разносившимся по пустым помещениям, глухими ударами пищевых машин в кухне, где огромные ковши размешивали варево на завтрак, уханьем поршня, закачивавшего воду наверх.

Оружейник Кейд, посвященный Брат Ордена Оружейников, примерный последователь Клейн-дао и преданный гражданин своей Империи, ворочался в спальном мешке на чистом, до блеска выскобленном пластиковом полу. Он краем уха улавливал предутренние звуки работавших механизмов и узнавал едва различимые изменения в ритме ударов. Еще не до конца освободившись от сна, он прислушивался к привычным звукам, с которых начинался каждый день: скрип засовов на окнах и дверях, нестройный шум пробуждающегося мира.

Таков закон: Императору подобает править.

А Ордену Оружейников с Верховным Понти-

флексом во главе подобает повиноваться Императору и служить ему.

И пока этот закон незыблем, страхи и хаос не коснутся прекрасного и гармоничного мира.

Слова сами собой возникали в сознании еще до того, как Кейд до конца успел проснуться и открыть глаза. Они всегда отчетливо и ясно всплывали в его мыслях с тех самых пор, как он, будучи шестилетним ребенком, поставил между собой и своими родными непреодолимый барьер принадлежности Ордену Оружейников. И вот уже в шеститысячный раз его день начинается с осознанного утверждения учения Клейн-дао.

Оконные засовы закрипели в давно разболтавшихся пазах, и тут же первые лучи восходящего солнца пробились сквозь узкие щели высоко над головой. По телу Кейда пробежала неожиданная дрожь, и он наконец проснулся, в одну секунду вспомнив, какое сегодня утро — утро Битвы.

Мощный, холодный поток воздуха со свистом вырывался из кондиционера, морозя кожу. Однако Кейд даже не обращал внимание на прохладу. Его охватила настоящая лихорадка: привыкший к работе организм сегодня как никогда требовал действий. Кейд выскользнул из спального мешка и несколькими точными движениями сложил его в маленький пакетик, способный уместиться в кармане плаща. За многие годы утренние процедуры превратились в процесс автоматических действий: расстегнуть кабуру, вытащить оружие, вскрыть и проверить энергоблок, замкнуть водозащитную изоляцию, сложить пояс и спальный

мешок в специальный запирающийся ящик, встроенный в стену.

Утро Битвы! С приподнятым настроением и даже с особым удовольствием Кейд выполнял мельчайшие детали утреннего распорядка. Его тело, вышколенное многолетними тренировками, действовало отлаженно и четко, как машина, в то время как сознание мало-помалу вработывалось в будущие события дня.

Кейд размышлял о гражданах Империи, которые, в этот ранний час, лениво развалившись в своих постелях, нерадиво шамкают приветствие Императору, а потом обжираются за ломящимися от яств столами. Он размышлял и об учителях Клейн-дао, которые едва проснувшись, придумывают хитроумные поучения: как и что должен чувствовать оружейник. Он думал и о своем собственном дивизионе — Звезде Франции — который, после утомительной ночи медитации, уже не казался таким блестящим и великим.

Мелькнула мысль и об Императоре — Нисполанном свыше Целителе, Мудрейшем Учителе и Верховном Правителе — мысль страшная и болезненная, словно вспышка бластера: так быть не должно.

Кейд оборвал себя, ощущая, как чувство вины заполняет сознание. Он Оружейник — ему не подабает так думать. Он постарался отвлечь внимание от этих мыслей и с ужасом заметил, что оружейник Харро до сих пор нежится в своем мешке, позевывая и потягиваясь.

Его разинутый рот — это же так негигиенично! Кейд уже хотел было возмутиться, но только резко произнес:

— Утро Битвы, брат!

— Ну и что из того? — захлопнув рот, вежливо поинтересовался Харро, ни сколько не смущаясь.

— Вставай, — холодно отрезал Кейд, — и готовься к достойной смерти, если понадобится, или к жизни, полной славы и праведной службы.

Однако, похоже, марсианин совершенно пропустил мимо ушей весь этот выговор, хоть и принялся лениво выбираться из мешка. Интересно, а какие у них там, на Марсе, конвенты?

— А сколько времени до душа? — спросил марсианин как бы между прочим.

— Двадцать или тридцать секунд, — пренебрежительно бросил Кейд.

И тут Харро принялся суетиться с такой скоростью, которая при других обстоятельствах, наверняка, сделала бы ему честь. Кейд с нескрываемым отвращением следил за тем, как марсианин кинулся к стенному шкафу и принялся торопливо, как попало, запихивать в него неупакованный, полный воздуха, спальный мешок. Портупею с кабурой он швырнул сверху, едва успев в последнюю секунду замкнуть изоляцию. И в тот момент, когда щелкнул замок стенового ящика, открылись потолочные щели, и пронизывающе-резкий, холодный душ хлынул на них со всех сторон. Бодрящие струи воды хлестали двух голых мужчин, каскадами скатывались по стенам и воронкой уходили в небольшое отверстие в полу. После такой процедуры Кейд всегда чувствовал себя свежим и чистым, словно заново родившимся.

Он старался не думать о марсианине и его лени. Благоговейно сжимая оружие, он смотрел

на потоки воды, скатывающиеся по стенам и мысленно приветствовал этот очищающий душ, как делал это каждый день в течение многих лет. Сомнения и колебания отлетели пустой шелухой. Первое прикосновение оружия к губам — во имя Мудрейшего Учителя, второе, к груди — во имя Целителя, и наконец последнее, ко лбу — во имя Великого Правителя, Императора.

Он старался не думать, что кроме него в комнате находится и Харро, который салютовал очищающей силе воды с непроверенным блоком. Это одно само за себя говорит. Выходит, слухи об условиях службы на Марсе верны. Впрочем, распушенность в мелочах — это еще пол-беда, но вот пронести опасную лень и нерадивость сквозь очистительные воды Утра Битвы — это уже было выше понимания Кейда. Да, какой-нибудь зеленый новичок мог встретить душ неготовым, оруженосец даже мог бы забыть проверить энергоблок заранее, но как же Харро сумел подняться до ранга Оружейника? И зачем такого послали ему, Кейду, да еще и в канун Утра Битвы? Даже сейчас, в такой важный и ответственный для всех день, его медитация была нарушена.

Его готов был захлестнуть гнев. Но гневу не место сейчас в его душе, в это славное Утро Битвы, когда впереди предстоит урок Клейн-дао и ответственный день. Кейд постарался выкинуть из головы посторонние мысли и сосредоточиться только на будущих событиях.

Поток воды иссяк, щели в потолке закрылись, засвистел воздух в кондиционерах, высушивая комнату. И Кейд принялся молча одеваться, ста-

раясь не обращать внимание на нерасторопного марсианина.

Каждый предмет его формы имел свое предназначение, привнося в его сознание умиротворение и торжественность.

Нижнее белье: как и без него, без Ордена Империя беззащитна и обнажена перед лицом многочисленных врагов.

Рубашка: Орден стоит на страже Повелителя, раб своего Учителя, преданное сердце Империи, от работы которого зависит жизнь всего общества.

Рейтузы: Орден Оружейников — опора Империи, без него государство не сумеет устоять, но и без мощи и влияния Империи Орден сам по себе — ничто.

Ботинки: Оружейники идут туда, куда направляет их властная рука Императора, и в этом их слава и почет.

Шлем: Орден повинуется Императору — Мудрейшему Учителю, Ниспосланному свыше Целителю, Великому Правителю — ум и жизнь Империи.

Плащ: как он, Орден окутывает собой всю Империю, защищает ее и оберегает.

Кейд снова отсалютовал, трижды приложившись к оружию: к губам — во имя Учителя, к груди — во имя Целителя, ко лбу — во имя Императора и Повелителя.

Он быстро отключил герметизацию и пристегнул оружие к поясу. По зданию прокатился гулкий звон гонга, призывающий к завтраку. Кейд направился к небольшому шкафчику за двумя дымящимися плошками горячего варева, только

что приготовленного в гигантских котлах на кухне Конвента.

— Послушай-ка, брат, — окликнул Кейда Харро.

Конечно, никому не запрещалось за завтраком разговаривать, но как правило, ни у кого не возникало желания болтать за едой. Кейду пришлось напомнить себе, что Харро новичок в их Конvente и может не знать всех традиций и обычаев.

— Да, брат, — нехотя откликнулся он.

— А здесь, в вашем Конvente, еще есть марсиане?

— Насколько я знаю, ты — единственный, — ответил Кейд сухо и мысленно поздравил себя с этим фактом. Если все марсиане такие нерадивые, то прощай порядок. — А почему тебя это интересует?

— Да так... мне было бы спокойней среди своих, — натянуто произнес Харро, — особенно во время Битвы.

В первую секунду Кейд даже не нашелся, что ответить. Станный какой-то разговор получается. Этот Харро, он что, не считает себя членом Ордена? Среди них здесь, в Конvente, было много новичков, Оруженосцев, Воинов, Оружейников, Наставников и даже сам Арль — Понтифекс Конвента. Но все они считали друг друга братьями — старшими или младшими, но братьями. Все они были одной огромной семьей — одним организмом.

— Ты и так среди своих, — как можно более мягко произнес Кейд, стараясь не поддаваться порыву гнева. — Мы все твои братья.

— Но я ведь новичок среди вас, — возразил Харро, отставляя плошку с недоеденным варевом. — Я здесь никого не знаю, и братья вашего Конвента совсем чужие мне.

Ну что ж, это можно было понять. Он и сам хорошо помнил свою первую Битву за родной дивизион — Звезду Франции. Это произошло сразу после того, как он навсегда покинул Денверский Конвент, где провел детские годы и молодость.

— Очень скоро твои братья из нашего дивизиона окажутся с тобой бок о бок в Битве, — терпеливо напомнил он новичку. — Воин, который будет биться рядом с тобой — совсем не чужой.

— Ну, это будет завтра, — Харро неловко улыбнулся. — И это если я еще переживу сегодняшний день. Но в любом случае, я здесь надолго не останусь.

— А куда же потом? — не сдержал любопытства Кейд.

— Обратно, на Марс.

— Такого быть не может, — Кейд даже перестал есть. — Рожденные на марсе Оружейники должны сражаться за Звезды Земли. А рожденные на Земле Оружейники сражаются за Звезды Марса. Таков закон Ордена.

Харро лишь меланхолично пожал плечами:

— Может и так, брат, но только в письме отец писал мне, что Понтифекс нашего дивизиона — Звезды Марса — обратился к Императору с просьбой предоставить в его распоряжение всех людей, рожденных на Марсе. Я тоже вхожу в их число.

— Твой дивизион — Звезда Франции, — резко выпалил Кейд, теряя самообладание.

Только вчера он получил письменное назначение Харро, скрепленное подписями и печатями Верховного Понтифекса и Великого Наставника. Кейда так и подмывало возмутиться, но он все-таки взял себя в руки и промолчал.

— Но если это воля Императора, то какие могут быть разговоры? — неожиданно бросил он. — Но только почему ты называешь воинов “людьми”, как каких-нибудь гражданских? И почему ты выделяешь “своих людей” среди остальных братьев Ордена?

Какую-то секунду Харро колебался, но затем все-таки ответил:

— Институт Ордена нов для Марса. Шестьсот лет — не такой уж большой срок. У нас есть поговорка: Земля — неизменима, Марс же всегда молод и непостоянен. Мои родители — Эрик Хогнесс и Мэри Лара, которые, много-много лет назад, проводили картографирование северного полушария Марса. А вот ты, даю голову на отсечение, наверняка ничего не знаешь о своих предках и чем они занимались.

— Думаю, — холодно парировал Кейд, — они делали для своего дивизиона все, что было в их силах. Как я теперь выполняю службу для своего.

— Ну, конечно, — пробормотал Харро и смущенно замолчал, вынужденный уступить под давлением неоспоримых аргументов.

Кейд оставил пустые площадки новичку и направился к двери.

По коридору уже строем маршировали воины и Оружейники, собираясь на утреннюю лекцию

Клейн-дао. Кейд молча присоединился к ним, стараясь отогнать от себя все опасные сомнения, подозрения и глупые мысли, приходившие в голову все это утро.

Разместившись в лекционном зале на первом ряду, он с удовольствием отметил, что учитель Клейн-дао еще не пришел, а значит у него будет немного времени сосредоточиться и отбросить все лишнее перед занятием. Кейд погрузился в размышления, и когда наконец появился учитель Клейн-дао, опасное настроение рассеянности и неверия, уступило место готовности воспринять великие слова учения, как и подобает Оружейнику.

Как замечательно ощущать свою причастность к Ордену Оружейников! Как приятно чувствовать себя братом Учителей Клейн-дао, Воинов, Старших Оружейников — Кнехтов! Раздражение и подозрительность исчезли без следа, словно их и не было.

Кейду за свои годы принадлежности к Ордену приходилось слышать многих учителей, преподававших учение. Но сами основы и законы Клейн-дао никогда не изменялись и не варьировались независимо от того, трактовал их умудренный опытом, седой Учитель, или едва оперившийся выпускник Академии, как вот этот парень, вышедший сейчас на трибуну перед аудиторией. Впрочем, так и должно быть. Закон и должен оставаться законом для всех и всегда.

Впрочем, в Утро Битвы, как казалось Кейду, лучше всего было выступить опытному проповеднику, Старшему Учителю. Это бы скорее подобало такому важному событию.

Кейд поймал себя на этой мысли и сразу же одернул. Опасная гордыня незаметно подкрадывается к его душе — он даже почувствовал отвращение к самому себе. И ощутив прилив раскаяния, он с особым вниманием вслушивался в слова молодого Учителя на трибуне:

— Начиная с создания Мира, десять тысяч лет назад, существует Орден Оружейников. Он верой и правдой служит Императору в лице Верховного Командующего и дивизионов-Звезд. Учение Клейн-дао говорит о воинах: "Они должны быть бедны, потому что богатство поработывает душу человека. Страх утраты лишает его мужества, и Воин перестает быть воином. Они должны быть целомудренны, потому что любовь к женщине порочна, она убивает любовь и верность к Императору и Правителю. Они должны быть покорными слову командира, поскольку дух неповиновения может заставить Воина отказаться даже от самой славной и почетной смерти" Таковы слова Клейн-дао, произнесенные еще десять тысяч лет назад при сотворении мира.

Как все это замечательно, думал Кейд, какое гармоничное соединение: сотворение миров, Великий Правитель во главе империи, Орден, который повинуется слову Императора и философия Клейн-дао, наставляющая и вразумляющая, как и почему надо нести груз службы. Прекрасная гармония всей этой системы никогда не перестанет внушать ему благоговейный страх и восхищение. Он вдруг подумал, а не является ли само по себе такое сотворение Порядком, который служит основанием всего остального общества?

Учитель подался вперед, обращаясь непосредственно к передним рядам.

— Оружейники, вы — мощь Ордена. Вам завидуют все, вы — никому. Клейн-дао говорит о вас: "Вы должны быть всегда погружены в гармонию каждодневной службы. Это словно не имеет ничего общего с музыкальным инструментом, оно означает отработанность и слаженность деталей. Оружейники должны быть погружены в медитацию и занимать свои мысли лишь службой Императору, учением Клейн-дао, не отвлекаясь на мирские проблемы и дела"

Старая добрая философия! — подумал Кейд. В ее лоне он чувствовал себя спокойно и уверенно, точно младенец в привычной колыбели. Ему так нравились простые и понятные утверждения учения, неожиданные и даже оригинальные метафоры, встречавшиеся в Размышлениях о Власти. Многие Кнехты и Оружейники развлекались тем, что играли жизнями простых людей. Такое же озорство проявлялось и в учении Клейн-дао, когда он пытался подыскать метафоры или аналогию кухонных и заводских терминов. Учителя всегда утверждали, что рассматривать низший люд равным Оружейникам, Кнехтам и Воинам равносильно смертному греху. Учение Клейн, во всей своей глубине и обширности, не подвластно их скудным умам.

— Если Воин или Оружейник не вполне владеет медитацией, если их мысли заняты греховными мирскими делами, беды не избежать. И Клейн-дао учит вас, как этого избежать.

И мысли Кейда снова устремились к тому, что он так любил с детских лет. Как и наставлял

молодой Учитель, Оружейник думал о великолепии философии Клейн: как старательно лелеяли и развивали его во всех Конвентах Ордена, во всех городах, во всех дивизионах. Учение укоренилось на Венере, на холодных лунах многих планет, на трех искусственно созданных планетоидах и конечно же Марсе. Так что же случилось с Харро? Почему он так дурно истолковывал философию Клейн? А может учителя на Марсе не потрудились как следует объяснить ему учение? Но ведь даже простой люд, глупый и забытый, слушает проповеди учителей и даже усваивает основы философии. И в то же время Кейд прекрасно знал, что воинское изучение Клейн-дао куда глубже и основательней, чем у любого гражданского.

— ... и потому я перехожу к предмету, который вызывает во мне душевную боль.

Кейд заставил себя отбросить посторонние мысли и сосредоточиться на словах учителя. Это была решающая часть речи, которую он ожидал с таким нетерпением.

— Совсем не просто вынашивать в мыслях заранее спланированное злодеяние. Но должен сказать вам, что именно такие черные замыслы наполняют сердце Понтифакса Звезды Маскови. Из надежных источников нашим наставникам удалось узнать, что гордыня и алчность завладели сердцем нашего северного собрата. С сожалением мы все узнали, что Звезда Маскови собирается захватить Алсас-Лоран силами своих Оружейников. С сожалением могу заметить, что весь наш дивизион должен быть готов к любому повороту событий, ибо сегодня Утро Битвы.

Сердце Кейда заколотилось от ярости об одном упоминании гордыни и алчности. Страшнее греха не придумаете.

— Учение Клейн-дао говорит о таких: "Порочность ходит с вами рука об руку" И каждый Оружейник должен приложить все усилия, чтобы остановить несправедливые, противоправные действия преступников, каким бы рангом они не обладали. Надо противостоять таким монстрам, которые на своем пути сметают все и не останавливаются ни перед чем, пока не достигнут цели. Как видите древнее Учение, созданное еще до эпохи развития электроники было полно метафор и ассоциаций... но это так, к слову. Я говорил вам, что сегодня Утро Битвы, еще до того, как сядет солнце многие из вас могут погибнуть. И потому я повторяю вам, не ведаящим, что приготовила им переменчивая Фортуна: продолжайте выполнять свое правое и славное дело без гордыни и сомнений, и помните, что бы с вами не происходило, нет такого человека в Империи, который хотел бы поменяться с вами местами.

Проповедник сошел с трибуны, и Кейд склонил голову, приветствуя учителя. Да, Клейн-дао для Оружейника то же самое, что хороший энергоблок для оружия. Ему нравилось повторять мысленно эту фразу — такая короткая и емкая. В ней — весь смысл его существования, его службы, его философии. И если у Оружейника нет времени вспоминать законы и положения Клейн-дао, стоит только вспомнить эту короткую фразу, и все становится на свои места, словно бы ты вновь прослушал проповедь умудренного опытом учителя.

Кейду хотелось побольше подумать надо всем этим, но тут на трибуну вышел Понтифекс, окруженный Наставниками. Он бросил взгляд на небольшое оконце, в которое пробивались первые утренние лучи, яркими бликами ложившиеся на пол, затем повернулся к аудитории и начал:

— Братья, — произнес он, и в зале мгновенно установилась мертвая тишина, — наша разведывательная служба сообщила, что приблизительно сто Оружейников сейчас уже летят к Алсас-Лоран с неизвестной северной базы. Их задача — захватить Форбак-Саралский треугольник на границе нашего дивизиона. Время прибытия не известно. Могу только сказать: сегодня во второй половине дня, ближе к вечеру. О стратегической важности данной территории говорить не придется. Она была строго засекречена до тех пор, пока информация о ней не попала в северный дивизион. В этом районе найдены залежи железной руды.

Шепоток пронесся по аудитории, и Кейд тоже не удержался от удивленного восклицания. Залежи руды на Земле?! На древней планете, где в течение десяти тысяч лет разрабатывали месторождения? Этого просто не могло быть! Предполагалось, что все ресурсы истощились еще пять тысяч лет назад. Вот почему колонизировали кроваво-красный Марс, вот почему с него уже пять тысяч лет подряд на Землю поставляется железо и другие минералы.

— Спокойно, братья! Спокойно! — Понтифекс вскинул руку, призывая к тишине. — Стратегический план операции совершенно такой же, как при рейде на Аакон в прошлом месяце — две роты

боевые, и одна — в резерве. Первая рота под моим началом будет базироваться в Дуизи, примерно в сорока километрах к югу от треугольника. Вторая, под руководством Оружейника Кейда, — в Метсе, в пятидесяти километрах к западу от территории. Третья будет находиться в резерве и располагаться в Нанси, в семидесяти километрах к юго-западу. Все три роты отправятся на места дислокации немедленно после окончания нашего брифинга на двухпилотных флаерах.

Снова по залу пробежал шепоток. Понтифекс на секунду замер, выжидая, когда Оружейники и Воины успокоятся.

— После прибытия на место и установления связи, моя рота и рота Оружейника Кейда вышлют воздушных разведчиков, чтобы прозондировать обстановку в треугольнике. Если с воздуха не будет замечено никакой активности вражеских войск, разведчики десантируются на парашютах и выяснят обстановку непосредственно на земле. Все приказы, которые мне придется отдавать во время боевых действий, будут полностью зависеть от их рапортов. Итак, братья, размещайтесь по скуттерам и немедленно поднимайтесь в воздух. Пусть ваши деяния сегодня будут правыми и славными.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кейд действовал сосредоточенно и спокойно, как всегда в критических ситуациях. Он выскочил из здания Конвента и побежал к летному полю, которое располагалось всего в двухстах метрах от главного корпуса. Он даже не запыхался, когда вскочил в кабину маленького, двухместного скуттера, стоявшего наготове. Его пальцы привычно пробежали по панели управления, а взгляд скользнул по многочисленным датчикам и приборам. Он уже давно не полагался на автопилот, когда было необходимо взять на себя управление двенадцатью скуттерами, которые сейчас ждали взлета.

Когда двигатель машины заработал на полную мощность, в кабину впрыгнул напарник Кейда — Амигер Кембл. Не успела его спина коснуться спинки сидения, как кейд движением руки бросил скуттер вместе с эскадрильей вверх, прижав Оружейника к ложементу. Тот едва не крикнул, ощутив свалившуюся на него тяжесть.

Париж под ними стал быстро растворяться в дымке. Прекрасный, старый город, которым Кейд привык любоваться только из окон Конвента. Где-то далеко внизу под ними проскользнул Рейский собор — единственное, что удалось разглядеть.

Торможение и посадку на площадке в Метсе Кейд провел так же жестко, как и взлет. Он никогда не щадил ни себя, ни другого, если к тому не обязывали обстоятельства. Но Кейд и предположить не мог, что именно этим и славится среди своих братьев по Ордену.

— Брат, — сухо обратился он к Амигеру, который недовольно потирал спину, — свяжись с ротами, дислоцированными в Дуизи и Нанси.

Кейд с отвращением наблюдал, как Кембл принялся манипулировать картой и приборами. Он словно фокус показывал, выставляя себя таким мастером собственного дела. Однако у него ушло почти две минуты, чтобы настроить приборы на авангардное подразделение и резервную базу.

Опасная гордыня, раздраженно думал Кейд, с нетерпением ожидая возможности связаться с Понтифексом. И в то же время он ощущал и собственную вину. Гнев на собрата — тоже не меньший грех. Кейд постарался стряхнуть с себя лишние эмоции и сосредоточиться на выполнении предстоящего задания. он внимательно следил, как приземляются остальные машины.

— Брат Кейд, — слышался в интеркоме голос Понтифекса. — Выпускай разведчиков.

— Выпускаю, — откликнулся он, махнув двум скуттерам, которые не успели приземлиться.

Те развернулись и улетели. Вскоре с них поступило первое сообщение:

— Не замечено никакой активности врага.

Однако Кейд не торопился с выводами. Второе сообщение убедило и его, и Понтифекса, что дела идут нормально:

— Встретились с группой разведчиков из первой роты. Находимся над Форбаком. Никакой активности врага.

— Брат Кейд, — скомандовал Понтифекс, — прикажи своим разведчикам десантировать. Мои скуттеры обеспечат прикрытие.

— Разведчики второй роты, — заговорил в микрофон интеркома Кейд, — Оружейник Аррис, возьми на себя управление скуттера Оружейника Мейнала. Брат Мейнал, десантируй на Форбак и проведи разведку на местности. Воин Реймонд, твоя задача — Саррегеминс. Воин Бонфилз, высаживайся на Саррабль.

Прошло всего несколько минут и все трое рапортовали о благополучном приземлении.

— Ни одного человека поблизости, — сразу же сообщил Оружейник, высадившийся в Форбаке, — нахожусь в квадрате деревни, направляюсь к телефонному коммутатору. Никаких.., — затем послышался звук пистолетного выстрела и наступила мертвая тишина.

На частоте Реймонда и Бонфилса Кейд связался с командиром и резервной ротой.

— Прикройте! Форбак захвачен. Оружейник Аррис, немедленно возвращайся на базу!

И снова в интеркоме зазвучал голос Понтифекса:

— Всем скуттерам первой роты немедленно возвращаться на базу. Братья Реймонд и Бонфилс, доложите!

Однако откликнулся только Реймонд:

— В Саррегенимах никого нет. Я укрылся в подвале булочной и наблюдаю из окна, которое выходит на площадь. Я вижу движение в зданиях

напротив — городская мэрия, телефонная станция, водная станция и еще какое-то здание.

— Брат Бонфилс, докладывай!

Никакого ответа.

— Брат Реймонд, держись. Мы готовимся к атаке. Если противник перейдет в наступление, открывай прицельный огонь. Твоя жизнь в твоих руках. Постараемся прийти на помощь как можно быстрее.

— Да, брат.

— Третья рота, в Нанси, готовность номер один. Вторая авангардная и резервная роты, приготовиться к соединению с первой авангардной через десять минут в 10.36, в двух километрах к югу от центральной площади Саррабля. Скуттеры сажать в боевом порядке, приготовиться к бою, фронтальной атаке с тех флангов. Резервная рота будет левым крылом, вторая авангардная — центром, первая авангардная — правым крылом. Оружейник Кейд, подбери группу опытных Воинов. Вам предстоит высадка в центре Саррабля с целью захвата здания мэрии с помощью боевых групп первой роты. Вперед, братья!

— По машинам! — скомандовал Кейд по интеркому своей роте, переключил управление скуттеров на свой пульт управления и поднял в воздух разом всю эскадрилью.

Они прибыли на место соединения первыми. Машины стройной линией приземлились на небольшой площадке. Вскоре справа выстроилась первая рота, а потом слева — резервная.

Ожидая дальнейших событий, Кейд с раздражением думал, что его ординарец Кембл неудовлетворительно исполнил свои обязанности свя-

зиста. Однако Оружейнику не подавало жаловаться и хныкать.

— Брат, — обратился он к Кемблу, — я выбрал тебя для поддержания связи между ротами и получения приказов Понтифекса. Это очень почетно...

Новичок горделиво выпрямился:

— Еще бы, брат, — откликнулся он, едва скрывая довольную усмешку, которая играла на тонких губах.

Кейд понял, что продолжать бесполезно и отдал приказ по интеркому:

— Оружейник, Оррис. Остаешься здесь, с ординарцем Кемблом на борту. По моему сигналу поднимешь машину в воздух и направишься к зданию городской мэрии Саррабля. Там выбросишь брата Кембла с парашютом. После выполнения задания вернешься сюда, на теперешнюю позицию и выступишь участвовать в наземной атаке.

Ординарец выбрался из скуттера Кейда и направился к машине Орриса, но вдруг остановился и горделиво повернулся к Кейду. На его губах играла торжествующая улыбка:

— Даю голову на отсечение — я успею их всех уложить прежде, чем они до меня доберутся.

— Вполне вероятно, брат, — откликнулся Кейд, едва скрывая усмешку.

Кембл повернулся и зашагал дальше, вдоль стройной линии скуттеров. Кейду не хотелось портить настроение новичку или запугивать его. Но он прекрасно понимал, что скорее всего Кемблу при всей его самонадеянности, осталось жить считанные минуты. Ребята из северного дивизио-

на ничуть не слабее, чем из Звезды Франции, и если дело коснется боевых действий — а в этом кейд несколько не сомневался — то еще не известно, чья возьмет. Ему не хотелось сомневаться в силах собственных собратьев, но скорее всего, стрелки успеют открыть огонь задолго до того, как Кембл откроет парашют. Понимает ли он это? Если и нет, то тем лучше. Как бы там ни было, они должны пожертвовать воином. Несколько секунд паники или хотя бы замешательства среди врагов стоят куда больше, чем жизни даже тридцати опытных Оружейников.

Часы показывали 10.36. Военные высыпали из машин, в считанные мгновения построившись в правильные шеренги. Правая поднятая рука Понтифекса на правом фланге скользнула вниз, и братья устремились вперед твердым, решительным шагом...

Кейд не смотрел себе под ноги. Все его внимание приковывали кусты впереди, — не таится ли за ними враг — деревья — не прячется ли на его ветвях вражеский разведчик, — бугорки и рывины — не окопался ли там воин, готовый выстрелить им в спину, когда цепь минует опасное место.

Он лишь физически ощущал собственные ноги, закованные в крепкие армейские башмаки, но испытывал не усталость, а радость и удовлетворение от осознания своей причастности к Битве. Это правое дело — воля Императора, и Оружейнику подабает идти вперед, исполнять свою службу и сложить голову, если того требуют обстоятельства.

Где-то справа впереди полыхнуло пламя: узкий

оружейный луч. И тут же у Кейда в шлеме зазвучал голос Понтифекса:

— Обнаружен вражеский наблюдательный пост. Охранник уничтожен. В городе поднята тревога.

Кейд обернулся к Оружейнику, который шел рядом:

— Нас засекли на вражеском наблюдательном посту. Передай по цепи.

И слова легким шепотком полетели по линии воинов. Это в определенной степени дисциплинировало их. Кто-то приостановился, сравнившись с цепью, кто-то прибавил шагу, чтобы догнать своих собратьев. Вскоре воины шли вперед отлаженным, стройным порядком, словно на параде.

Все это кейд отметил машинально, неосознанно. Но в ту же секунду примерно в тридцати метрах слева от него отлично замаскированный вражеский воин открыл огонь по шеренгам. Несколькими точными выстрелами снайпер убил пару Оружейников прежде, чем его уложили. Кейд едва ли обратил на все это внимание. В бою случается всякое, и когда Оружейник вступает в Битву, ему не полагается бояться смерти. Возможно и его впереди ожидает враг, готовый пальнуть ему в спину, когда он пройдет мимо.

А лес становился все гуще и гуще. Кейд уже даже потерял из вида первые шеренги.

— Выпускай разведчиков, — скомандовал по интеркому голос Понтифекса.

Кейд жестом приказал двум оружейникам направиться вперед и разведать обстановку.

Сейчас, в этой лесной чаще, его руки служили огромную службу, передавая команды и

информацию по шеренгам. Стоит только поднять обе руки вверх и вся рота, затаив дыхание, двинется вперед с особой осторожностью — впереди смертельная опасность. Развести руки, а потом сомкнуть их над головой, и Воины все, как один, возьмут оружие на изготовку — впереди враг, поджидающий возможности начать атаку.

Но на сей раз Кейду пришлось резко махнуть руками. Шеренги попадали, как по команде. А те, кто не успел или замешкался, лицом к лицу столкнулись с ухмыляющимся оскалом смерти. Пятьдесят воинов скосила ее огненная коса.

Улыбаясь собственным мыслям, Кейд лежал под кустом, вжавшись в прохладную, мягкую траву и взглядом обшаривал местность впереди себя сантиметр за сантиметром. Где-то там, среди зарослей скрывался отлично замаскированный боевой патруль противника, который уложил пятьдесят солдат.

Он уловил подозрительное движение совсем близко, в нескольких метрах от себя, и тут же открыл огонь. Куст вспыхнул, точно факел, пламя всколыхнулось едва ли не до макушек деревьев, и что-то темное метнулось в сторону разбрасывая искры. Человек пробежал несколько шагов и молчком рухнул в опаленную траву. Вот и еще один противник уничтожен. Его обугленный труп так и останется валяться среди зарослей, пугая обитателей леса.

Кейд профессионально перекатился за соседний кустик, прекрасно понимая, что по выстрелу его могли засечь. Так и случилось. Пламя ударило именно туда, где секундой раньше лежал Оружейник. Но Кейд уже выглядел второго снай-

пера, похоже, он засел на одной из нижних веток дерева. Одно неосторожное движение в кроне, и Кейд ответил метким выстрелом. Тело с глухим стуком свалилось на землю.

Если все и дальше будет идти так же удачно, — подумал Кейд, приподнимаясь и осматривая шеренги, залегшие по линии, — то вполне вероятно, ему сегодня удастся пережить Битву.

Впереди вскинулась вверх рука разведчика, давая понять, что марш окончен. Шеренги замерли на месте, ожидая дальнейших распоряжений. Разведчик подбежал к Кейду.

— Еще метров десять кустарника и подлеска, а потом начинается город. Три ряда четырехэтажных каменных зданий, а затем площадь. Подлесок чист, но окна зданий выходят прямо на нашу сторону...

— Нависной огонь, — рассеянно пробормотал Кейд, просчитывая в уме все варианты возможных действий.

Из груди молодого ординарца сорвался хриплый выдох. Кейд повернулся к нему, чтобы отчитать, но в эту минуту в разговор вмешался Харро, отчасти слышавший донесение разведчика.

— Мне тоже все это не нравится, Оружейник, — недовольно произнес марсианин, нервно покусывая губы. И нотки сочувствия, проскользнувшие в его голосе, окончательно сломили мужество молодого разведчика:

— Я не могу этого вынести, — истерично забормотал он, с отчаянием глядя на Кейда. — Такое впечатление, будто они надвигаются на тебя отовсюду... и никакого укрытия! От них

невозможно спрятаться... нам надо бежать! Бежать отсюда!

— Брат! — обратился Харро к Кейду, и на сей раз в его голосе не было ни страха, ни жалости. Похоже, он наконец справился с постыдными эмоциями и теперь говорил серьезно и о деле. Однако Кейду совсем не хотелось его выслушивать в такой момент.

— В чем дело? — раздраженно огрызнулся он.

— Брат, у меня есть одна идея..., — начал было Харро, но засомневался и умолк. Однако стоило Кейду нетерпеливо отвернуться, как марсианин неожиданно выпалил:

— Брат, нам надо использовать нависной огонь. Все равно об этом никто не узнает.

— О чем ты говоришь? — безучастно поинтересовался Кейд. — Здесь ведь нет поблизости ни одного достаточно высокого дерева.

— Послушай, Кейд, давай не будем притворяться друг перед другом, — вздохнул марсианин, ухватив Оружейника за рукав. — Я — далеко не единственный, кому пришла в голову такая идея! Да и в конце концов, какая разница? Я имею в виду..., — у него перехватило горло и он замолчал, вопросительно глядя на Кейда.

Тот рывком высвободил руку.

— Я рад, что стыд наконец заставил тебя умолкнуть, — с отвращением произнес Кейд. — Я прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду, — он обернулся к остальному отряду и крикнул: — Отправьте трусливого Оружейника обратно на базу! Немедленно! Ему не место среди братьев, — и когда подошли два солдата, он продолжил:

— Я хочу, чтобы ты понял, как постыдно поддаваться страху. Твоя несдержанность, Оружейник Харро, показывает, насколько ты далек..., — Кейд на секунду замолчал, не в силах от возмущения произнести ни слова. — Ты думал, мы станем стрелять из скуттеров по домам?

Марсианин долго смотрел себе на ноги. Лицо его побледнело от стыда и страха, затем он все-таки поднял взгляд на командира.

— Я очень ошибался, брат. Прошу оказать мне честь и разрешить вызвать огонь наших людей на себя, — хрипло выдавил он.

Кейд презрительно скривил губы:

— Ты не заслуживаешь никакой чести, марсианин. Даже если твоя шеренга решит удовлетворить твою просьбу, свою трусость ты уже не искупишь ничем, — и он многозначительно взглянул на марсианского Оружейника.

Харро вытер ладонью взмокшее от пота лицо.

— Прошу тебя, не отправляй меня на базу. Если я переживу сегодняшний день, мне обязательно надо вернуться на Марс с остальными нашими людьми, — с горечью произнес он.

— Ты не заслуживаешь даже этого, Оружейник Харро, — строго отчеканил Кейд в неожиданно наступившей тишине.

Огонь на какое-то мгновение стих, как видно, враги ждали ответных действий. Воины Французского дивизиона придвинулись поближе к Кейду, ожидая развязки. И тот не мог не воспользоваться ситуацией, чтобы не дать лишний урок своим солдатам:

— Клейн-дао говорит, — начал он громко, обращаясь сразу ко всей команде, — “Человече-

ство в целом склонно к гуманности, вот почему так хорошо живется мошенникам” Если вы так же плохо знаете философию Клейн, как и хорошие манеры, то должен вам напомнить: посох — это лишь орудие, с помощью которого в древние времена люди помогали себе в пути. Клейн-дао — посох для каждого из вас, и его постулаты и законы вам не подобает забывать. Я буду подчиняться заповедям великого учения, которые призывают к сочувствию и жалости. Я не стану отсылать тебя, Харро, на базу. Но нам нужен Оружейник, который бы вызвал на себя огонь противника. Нам надо засечь их и уничтожить. Ты слышишь меня?

Марсианский Оружейник что-то рассеянно бормотал про себя, затем поднял на Кейда сосредоточенный взгляд и громко ответил:

— Да, брат, слышу, — однако губы его по-прежнему продолжали беззвучно двигаться.

Не обращая внимания, Кейд продолжал:

— Надо засечь и выяснить сколько их. Открой по ним беглый огонь и ворвись в здание.

— Да, брат, я вызову их огонь на себя, — решительно откликнулся Харро.

Кейд неожиданно резко обернулся и натолкнулся на остальных членов своего отряда, которые сгрудились за его спиной, с любопытством ожидая, чем закончится дело.

— Вы, воины, — яростно рявкнул он, — или болтливые кухарки?! А ну, живо по местам, пока враг не расстрелял вас, как стадо баранов! И лучше бы хороший бой выбил из ваших голов все, что произошло. Такие вещи незачем запоминать. Это позорно.

Он вызвал по интеркому первый и третий отряды и доложил о создавшейся обстановке, правда, ни словом не упомянув о случившемся. Он и сам-то постарался как можно быстрее забыть этот неприятный эпизод. Если кто-то из солдат проявляет трусость, то вина ложится и на командира.

— Правильное решение, — одобрительно откликнулся Понтифекс. — Немедленно начинайте атаку. Захватите ближайшие к лесу дома, ваши координаты у нас есть. Как только вы начнете штурм, мы к вам присоединимся. Действуйте!

Харро, стоявший рядом с Кейдом, продолжал бормотать себе под нос. Однако теперь уже явно слышалось:

— Таков закон: Императору подабает править. А Ордену Оружейников, с Верховным Понтифексом во главе, подабает повиноваться Императору и служить ему верой и правдой. И пока этот закон незыблем, страхи и хаос не коснутся прекрасного и гармоничного мира. Так было и будет до окончания времен.

Кейда раздражало это глухое бормотание, но заткнуть рот Оружейнику он не мог. Харро вызвался отвлечь на себя огонь противника, и значит добровольно становился живой мишенью. Как правило, во время такого задания Оружейнику легче думать о чем-то возвышенном и отвлеченном, чем о предстоящей опасности. Он рисковал жизнью, и должен был готовиться к любому исходу.

Кейд даже удивился той отчаянной решимости, с которой Харро выскочил из леса и со всех ног бросился к близ лежащим домам. Его плащ

за спиной развевался, обнажая красный кант, которым изнутри был подбит край — знак марсианского происхождения, а сверху коричневый — принадлежность Звезде Франции.

Первый выстрел из окна к счастью не задел Харро.

— Засек, — откликнулся один из снайперов, залегших за кустами сплошной линией.

Выстрел из другого окна задел левую руку Харро. Однако марсианин продолжал бежать, не обращая внимания на кровь, которая струйкой сбегала по рубашке. Он даже умудрился увернуться от второго выстрела того же снайпера.

— Засек, — бросил второй солдат, расположившийся рядом с Кейдом.

Выстрел из третьего окна задел петлявшего Харро по раненной руке. Однако и это не остановило марсианина. Он продолжал бежать целенаправленно и быстро, не сбавляя скорости.

— Засек.

Следующий выстрел из соседнего окна ударил по ногам бегущего. Харро кубарем полетел на землю.

— Засек.

Среди группы нетерпеливых штурмовиков, заставших чуть впереди, за деревьями, пронеслась волна шепота и оживления. Кейд резко и жестко вскинул руку, заставив всех замолчать.

— Он продолжает ползти, — тихо произнес он в наступившей тишине. — Они наверняка попытаются его добить.

Неожиданно из маленького, совершенно безобидного, на первый взгляд, оконца на лестничной клетке полыхнуло пламя.

— Засек.

— Все, Харро выполнил задание, — не без горечи заметил Кейд в пустоту — Пока сохраняется незыблемый порядок, в этом мире будет существовать гармония... Снайперы, готовсь! Штурмовики, готовсь! Снайперы, огонь! Штурмовики, вперед!

Кейд и сам бросился во главе шеренги, на ходу проламывая себе дорогу сквозь кусты. Ему приходилось нырять и пригинаться под прицельным ливнем огня, который смерчем проносился над головой с обеих сторон. Снайперы за спиной зарядов не жалели, буквально пригвоздив вражеских солдат в здании. В несколько секунд бешенный огонь противника был почти подавлен. Почти, потому что еще оставалась парочка снайперов, которая непереставая палила по нападавшим. Им удалось сразить двух штурмовиков прежде, чем отряд во главе с Кейдом миновал открытое пространство, разделявшее ряд домов и лес, и подобрался к зданию.

Вышибив боковую дверь, они вломились в коридор и, как собаки-ищейки, облазили все этажи, добывая раненых врагов. Операция была завершена. Здание захвачено. Кейд мысленно подсчитал: два штурмовика и один марсианский Оружейник.

Остальные члены команды, держа наготове оружие, пробрались сквозь подлесок и вошли в дом.

Кейд распределил людей у нижних окон, а сам поднялся на второй этаж и сел на голый пол, прислонившись спиной к стене. Он чувствовал необходимость немного отдохнуть и сосредото-

читься. Как видно, все три населенных пункта придется брать с такими же трудностями. Враг не собирался уступать и надеялся выстоять.

Кейд выглянул в окно и заметил местных жителей, которые нестройной вереницей тянулись по дороге. Они с неохотой пропускали гудящие машины, а водители высовывались из окон и ругались, грозя кого-нибудь придавить. Грузовики были до отказа забиты домашним скарбом. Хнычущие во все горло детишки. Грязные, оборванные женщины, сгорбленные мужчины без возраста. Казалось, этому потоку не будет конца. Крики, ругань, проклятья. Почти всегда гражданские узнавали о будущих событиях задолго до их начала. Кейд представления не имел, как это происходит. Но почти всегда, когда им приходилось захватывать населенные пункты, жителей в них уже не было. На сей раз, похоже, их здесь держали силой и теперь, когда явились Оружейники дивизиона Звезда Франции, они поспешили уйти.

Конечно, месторасположение залежей — строжайшая тайна, но когда вражеский дивизион пришел сюда, оказалось, что эту тайну знает даже самый сопливый малыш. Этого было достаточно, чтобы городок стал плацдармом.

Кейд посмотрел на часы. Наступил полдень. Им ничего не оставалось делать, как ждать подхода первого и третьего отделения. Однако, несмотря на заверения Понтифекса, пока рот нигде не было видно. Впрочем, вся эта канитель могла растянуться и на неделю: попробуй-ка очистить от врага три деревни. Может только если попытаться захватить здание городской мэрии? Это

наверняка сломит сопротивление противника. А когда они наконец доберутся до Саррегемины, то найдут в подвале Брата Реймонда...

Мысль о подвале болезненно резанула Кейда. Как же он мог забыть? Неужели на него так действует усталость? Кейд почувствовал укол совести. Ведь так никто и не проверил подвал у этого дома... если, конечно, он есть. И все потому, что там нет окон. А ведь это тоже хорошее убежище для противника.

Кейд устало поднялся на ноги и опустился на первый этаж. Лестница никуда не вела, но неожиданно он заметил проем в стене за пустым старым шкафом. Держа наготове оружие, Кейд отодвинул в сторону шкаф и заглянул в темное отверстие. Ступеньки вели вниз, в подвал, на дне которого мерцал тусклый огонек.

Дряхлое, старое лицо, заскорузлое, морщинистое и уродливое, уставилось на из полутьмы.

— Выходи, гражданин, — приказал Кейд. — Я хочу взглянуть на тебя.

— Не могу, сэр, — скрипуче пропищало лицо старушечьим голосом. — Не могу. К моему стыду, моя дочь, ленивая неряха, бросила меня и моего брата здесь, внизу. Когда пришли военные, она так и заявила, что ни она сама, ни ее жирный боров-муженек не станут о нас заботиться. Им, видишь ли, своя жизнь дорога. А я не могу подняться к вам, сэр. К моему стыду, ноги у меня совсем не ходят.

Кейд нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Он сунул за пояс оружие, понимая, что никакой опасности нет. Да и какую опасность могла пред-

ставлять собой старая развалюха грязная и вонючая...

— Тогда пусть твой брат подойдет ко мне, — бросил кейд, скорее больше для собственного успокоения.

— Ах, сэр, — пищала старая карга, не закрывая морщинистый рот ни на мгновение. — Мой дорогой братец вряд ли теперь вообще когда-нибудь поднимется. Уж такое горе... И все моя ленивая неряха-дочь и ее жирный боров-муженек... все они виноваты: не оставили ему приличной пищи... а он у меня человек болезненный, желудок у него больной, ему надо кушать только ливерное мясо, а какое тут ливерное мясо... сами ведь понимаете... вот он и умер. А вы ведь Воин, правда?

Старая карга тарахтела без умолку, и Кейда уже начало это раздражать.

— Я — Оружейник, гражданка, из дивизиона Звезда Франции, — недовольно огрызнулся он. Ему не нравилась болтливость старухи и то, что она понизила его в звании. — А у тебя, как я понял, здесь и пища имеется? — спросил он, неожиданно почувствовав голод.

Уже прошло несколько часов с тех пор, как он ел последний раз. Прошло слишком много событий, во время боя он совершенно забыл о еде, а теперь вот при первом же упоминании вспомнил.

— Есть, сэр, правда, не слишком хорошая... не такая, какую кушал мой дорогой братец. У пища в бутылочках и коробочках... ну, сами знаете, а еще сладкие пирожки, — шамкала старуха разогревая аппетит. — Вы спуститесь ко мне, Воин?

Кейд нахмурился, но пропустил мимо ушей ее обращение. Хотелось есть, и он не видел ничего зазорного, если возьмет немного еды у этой гражданской. В конце концов, местное население должно поддерживать родной дивизион.

Он стал осторожно спускаться по полуистертым, крутым ступенькам, погружаясь в темноту. Подвал был довольно большой, он вел вперед широким коридором, а потом сворачивал налево. Старуха шаркала рядом, освещая дорогу чадающей свечой. Кейд ожидал увидеть стол или кладовую, но тусклый свет выхватил из темноты лишь полуистлевшие останки мужчины, небрежно прислоненные к стене. Кейд с отвращением поморщился, ощутив трупный запах.

— Пожалуйста побыстрее, гражданка, — поторопил ее Кейд, видя, как старуха шарит рукой в складках юбки. — Я возьму пищу и поем наверху.

— О, сэр, это не такое скорое дело. Мне надо отпереть три замка у этой двери, — и старая карга махнула свечой в темноту, едва не загасив пламя. — У меня вся пища заперта... а вы же сами понимаете, руки у меня старческие, медлительные, едва двигаются, это вот у вас, как я посмотрю, у молодых, все делается быстро. Но если хотите, я могу дать вам немного выпить. А вы в самом деле Воин?

Кейд пропустил мимо ушей ее вопрос. Ему нетерпелось взять еду и подняться наверх. В любую минуту могло поступить сообщение от Понтифекса, а он тут, в подвале, тратит время со старухой полоумной и назойливой,

Старая карга взяла с пола кувшин и принялась наливать в жестяную кружку сидр.

— А это у вас за поясом что, сэр? Оружие, да? — не переставала пищать она. — А это правда, что стоит им только коснуться человека, и он тут же сморщивается и обугливается?

Кейд молча кивнул, с трудом сдерживая раздражение. Она была стара и глупа, но собиралась накормить его.

— А правда, что обугленный мертвый гражданский ничем не отличается от обугленного Воина?

Ее болтовня зашла слишком далеко. Кейд развернулся и ударил ее тыльной стороной ладони по мягким, морщинистым губам. Старуха дернулась, сидр из кружки выплеснулся на пол. В углу рта появилась крошечная капелька крови. Старуха захихикала, отерев рот ладонью. Кажется, она даже не обиделась. Кейд снова почувствовал себя виноватым. Дух гордыни все-таки жил в нем. Ему не следовало обращать внимания на глупую болтавню старой бабки, да к тому же поддаваться гневу. Гнев — это грех. Оружейнику не подабает отдавать себя в руки этому унижительному чувству. Кейд перестал злиться на старуху, желая только одного, чтобы она поскорее открыла проклятую дверь, достала еду, а потом он уйдет.

Он почти автоматически взял из ее рук кружку с остатками сидра, а она снова принялась возиться с ключами, продолжая бормотать себе под нос:

— Я знаю, что это правда. Правда. Когда говоришь правду, всегда так получается. Я назвала своего зятя жирным боровом, и он ударил меня

по губам. Я сказала дочери, что она нерадивая, ленивая дрянь, и она тоже ударила меня по губам. Это всегда так случается... когда говоришь правду.

Злость снова начинала закипать в душе Кейда. Ярость — это грех, уговаривал он себя. Оружейнику подабает держать себя в руках. Он залпом опрокинул в рот остатки сидра, вытер губы тыльной стороной ладони и взглянул на старуху. Та продолжала возиться с ключами. Теперь ее бормотание превратилось в нечто нечленораздельное. Кейд наклонился, чтобы поставить кружку на пол, но тут голова закружилась, и он рухнул, словно подкошенный.

Он сразу не сообразил, что произошло, и ужаснулся такому глупому и никчемному исходу. Он, Оружейник, умирает, отравленный старой болтливой идиоткой! Он потянулся было за оружием, но рука к его удивлению наткнулась на пустой пояс. Он поднял взгляд на старуху, она стояла рядом, довольно улыбаясь: растянутые губы обнажали черные пеньки сгнивших зубов. В скрюченных пальцах она держала оружие. Его оружие!

В какую-то долю секунды он ощутил, как постыдный ужас захлестывает сознание. Вот сейчас она выстрелит... Но нет, лучше умереть, пусть мучительно и позорно, но умереть, а не пережить собственное бесчестие и с этим страшным клеймом навсегда распрощаться с Орденом.

Но старуха и не собиралась стрелять. Она спрятала оружие за пояс длинной юбки и визгливо расхохоталась. Потом сорвалась с места и,

приплясывая, поскакала по ступенькам: вверх-вниз, вверх-вниз...

— Я тебя обманула! — визжала она. — Я всех обманула! Я обманула свою неряху дочь и ее жирного муженька. Я и не хотела уходить с ними! — она остановилась, ее визгливый хохот превратился в отвратительное похрюкивание.

Она подошла к полуразложившемуся трупу, подхватила его и дюйм за дюймом потащила по лестнице. Все это Кейд видел, как в тумане. Перед глазами плавала мутная дымка. Ему хотелось вскочить и раздавить эту грязную тварь одним ударом. Но он не мог даже пошевелиться. Через секунду и сознание начало уплывать. Погружаясь во тьму, ему показалось, как морщинистое лицо мелькнуло у самого его носа.

— Мне нужен был Воин, сэр! — визгливый голос старухи плыл по пустому подвалу, эхом раскатываясь в воздухе. — Мне очень нужен был Воин. И теперь он у меня есть!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ярость... ярость... она билась пульсирующей болью, завладевая всем его существом, вытесняя из сознания все остальные чувства и эмоции. Ярость — это грех. Но вся его нелепая смерть была одним сплошным грехом.

Кейд тяжело вздохнул, не без горечи ощущая, что ему все еще хочется жить. Но его окутывала страшная тьма, непроглядная и неведомая, а тело было совершенно чужим, неподатливым и непослушным.

Как он мог прийти к такому бесславному, бессмысленному концу? Он — надежная опора Императора! Бывалый Оружейник, который всегда жил по законам и канонам Клейн-дао и исполнял службу подабающе своему положению. Как он мог допустить такой позор!?

Ему хотелось закричать от боли и обиды, но губы, словно покрытые льдом, предательски молчали. Он не мог выдать из себя ни слова протеста. Даже собственное тело предало его.

Тело, но не горячее сердце Оружейника. Оно по-прежнему билось, билось горячо и отчаянно, разгоняя ярость по артериям и заставляя сопротивляться нелепому концу, который ждал его впереди. Нет, ярость — это грех. Кейд усилием воли заставлял себя подавить это отвратительное

чувство, словно дубинкой загнать его внутрь и уничтожить. Смерть Оружейника, какой бы она не была, нельзя назвать нелепой и никчемной. Оружейник идет туда, куда направляет его властная рука Императора. Он исполняет свою службу, и если исполняет ее, как подабают, то любой грех бежит перед ее лицом.

Эта ясная и простая мысль скользнула по сознанию молнией, заставив по-иному взглянуть на все, что с ним произошло. Уродливое лицо смерти исчезло. Теперь Кейд думал только о том, удалось ли ему выполнить свое предназначение. Служба — вот что главное. И если смерть пришла к нему, он должен встретить ее лицом к лицу, не отворачиваясь, и не отводя взгляда, как и подабают настоящему Оружейнику. Кейд вдруг почувствовал уверенность в себе и умиротворение. Он как бы нашел свое место в этом мире, и уже ничто другое его не волновало.

Ярость и мирская тщета — лишь испытания, посылаемые ему перед очистительным концом.

Кейд взглянул на уродливое лицо, нет, это была не маска смерти. Морщинистая старушечья физиономия. Сердце забилося с удвоенной силой. Значит еще не конец? Значит ему еще предстоит жить и бороться?! Сознание прояснилось до конца. Он увидел перед собой еще одно лицо: молодой красивой женщины. Оно склонилось над ним так низко, что дыхание коснулось щеки.

Он жив, а значит еще есть надежда. Мертвые губы ожили, он заставил их двигаться:

— Тщета — это грех! — медленно прошептал он в пустоту.

— Отлично, — тут же откликнулась девушка,

но не ему, а той старой карге, которая стояла рядом. — А теперь оставь нас. Тебя ждут в соседней комнате.

— Воин жив, — продребезжал в ответ высокий старческий голос. — Я ухаживала за ним днем и ночью, не спускала с него глаз, только поэтому он и выжил. Моя дочь-неряха никогда бы не поверила, что я способна на такое. Она оставила меня подыхать в подвале дома, а ее жирный боров — муженек...

— Оставь нас! Немедленно! — молодая женщина была одета в грубую цветастую одежду члена коммуны, однако голос выдавал в ней привычку повелевать. — Иди, они не станут тебя больше ждать.

Кейд невольно вздрогнул, когда клешнеобразные сморщенные руки старой карги вцепились в его руку.

— Он жив, — проскрипела старуха и захихикала, обнажая черные пеньки сгнивших зубов. — У него даже кожа теплая, — ее прикосновение не вызывало ничего, кроме отвратительного чувства гадливости.

Да, это совсем не походило на приятное прикосновение женских нежных пальцев. В ней давно уже все умерло. Наверное, еще много лет назад она миновала возраст греха.

Кейду показалось, будто по руке пробежали насекомые. Изнутри поднялась волна дурноты. Он попытался вырвать из цепких пальцев руку, но к удивлению обнаружил, что его связали.

Наконец старуха отпустила его и шаркающей походкой двинулась к двери. Девушка проводила ее взглядом. А Кейд, стараясь не упустить драго-

ценное время попытался проверить на прочность веревки, скрутившие его. Пути оказались не слишком крепкими и подались почти сразу. Однако когда старуха скрылась за дверью, и девушка повернулась к нему, он перестал растягивать веревки, чтобы ненароком не привлечь к себе внимание. Если и надо действовать, то очень осторожно и внезапно. Только так он сумеет завоевать свободу.

Кейд ждал, что девушка заговорит с ним, но она молчала, в упор глядя ему в лицо. Он же старался на нее не смотреть, внимательно изучая каждую деталь комнаты: пол, стены и потолок, которые плавной дугой переходили друг в друга, изогнутую дверь, повторявшую форму помещения, единственный стол, стоявший недалеко от кровати — жесткой и неудобной, насколько он мог почувствовать собственной спиной.

Девушка неожиданно отошла к столу, на котором стояли какие-то медицинские принадлежности, отвинтила крышку у небольшого пузырька, оторвала маленький кусочек ватки и обмакнула его в бесцветную жидкость. Кейд не без тревоги заметил, как в ее руках блеснула игла. Это еще зачем? Может она собирается ввести ему какой-нибудь наркотик?

— Кейд, — окликнула его девушка, подходя ближе.

Однако Оружейник продолжал внимательно наблюдать за ее руками, сейчас именно они казались ему сосредоточием опасности.

— Кейд, ты меня слышишь? Ты понимаешь, что я говорю? — теперь ее голос потерял власть, он звучал мягко и мелодично.

При этих словах Кейд невольно перевел взгляд на ее красивое молодое лицо. Всего один раз в жизни женщина назвала его по имени — в день, когда он вступил в Орден. Еще до того, как он успел дать обет, мать поцеловала его, ласково и нежно, — он и теперь помнил ее мягкое прикосновение — и прошептала на ухо его новое имя. Как сейчас эта незнакомая девушка. С того самого дня, его одиннадцатого дня рождения, ни одна женщина не посмела искушать его плотским грехом, обращаясь к нему по имени.

Ему понадобилась вся его воля, чтобы выкинуть из сознания все эти никчемные теперь воспоминания. Ему надо быть начеку, готовым к любым испытаниям. И лучше, если он не станет думать ни о чем, кроме долга и службы.

— Кейд, — позвала она снова. — У нас слишком мало времени. Сейчас сюда явятся. Ты понимаешь?

Он подавил в себе желание откликнуться на это обращение. Надо быть бдительным и не поддаваться искушению. Его загоняют в западню.

Девушка вернулась к столу, положила ватку с иглой и снова подошла к постели, опустилась на ее край, взяла ладонями лицо Оружейника и повернула к себе.

Кровь бросилась в голову Кейда, он почувствовал, как волна жара поднимается по груди к лицу. С самого детства к нему никто так не прикасался. Разве что мать, когда он был еще маленьким мальчиком. Кейд вдруг с ужасом ощутил, как все его существо наполняется жгучим наслаждением. Прикосновение было нежным, мягким, ласковым, как... как шелковистая цер-

мониальная одежда Императора, когда целуешь ее в Великий День Аудиенции. Она касается твоего лица, когда ты опускаешься на колени, и волна самозабвенного восторга захлестывает тебя.

То же самое он чувствовал и сейчас. Но это был не день аудиенции. И не церемониальная одежда Императора касалась его лица, а теплая, живая ладонь девушки. Но контакт с любой женщиной — грех. И эта мысль отрезвила его. Он резко затряс головой, освобождаясь от греховного прикосновения.

— Извини, — сказала она, убирая руку. — Извини, Воин, — и вдруг залиvisto расхохоталась, запрокидывая назад голову и обнажая белые крепкие зубы. — Я совсем забыла о твоём звании и не обратилась к тебе должным образом. К тому же осквернила твоё целомудрие своим прикосновением, — она перестала смеяться и ее брови хмуро сошлись на переносице. — Ты хоть понимаешь, в какой переплет попал? Что тебе дороже: дурацкие ритуалы Ордена или преданность Императору? — ее голос зазвучал резко, с упреком.

— Воины идут туда, куда направляет их рука Императора, — нараспев произнес Кейд, впервые за это время услышав хрипкое звучание собственного голоса, который сейчас казался совершенно чужим. — Это почетно. Оружейник — это достойная опора Императорского оплота. Без Ордена Империя не сможет устоять, но и без Империи Орден — ничто.

Ботинки, рубашка, рейтузы... Он физически ощущал, что на нем другая, не форменная, одеж-

да. Он с трудом приподнял голову, но резкая боль прорезала затылок. Однако разглядеть он все-таки успел: яркая пижама, вся в малиновых пятнах, на ногах мягкие сандалии на кожаной подошве. Его нарядили в позорную гражданскую одежду. Вся его форма, вместе с поясом и оружием исчезли, словно их никогда и не было. Кровь снова прилила к лицу, но на сей раз от ярости.

— Что это за непотребное место! — взорвался он. — Именем Ордена я требую вернуть мне мою форму и оружие, пока...

— А ну-ка, закрой рот, дурак! — и в этом грубом приказе послышалось столько силы и властности, что Кейд в самом деле замолчал. — Если ты не заткнешься, они сюда явятся. И тогда тебе конец. А теперь внимательно слушай и запоминай. Ты пленный из группы, которая участвует в заговоре против Императора. Сейчас я не могу сказать тебе больше, но мне приказали ввести тебе препарат, который...

Она резко оборвала себя, и он тоже услышал тяжелые шаги, приближающиеся с коридора к двери. Он покосился в ту сторону, а девушка неожиданно сделала движение рукой. Что-то маленькое, гладкое и холодное коснулось его губ.

— Открой рот, ты, идиот! Глотай! Быстрее! Это...

Дверь бесшумно распахнулась. Кейд закрыл глаза, делая вид, будто до сих пор не пришел в себя. Конечно, девчонка наверняка выдаст его, но ему хватит несколько секунд оглядеться и сориентироваться в обстановке. Он незаметно сбросил

сил с губ пилюлю, которую ему положила девушка.

Тем временем незнакомец вошел в комнату, гулко топая подкованными башмаками.

— Я ищу своего двоюродного брата, — заявил он, особенно ни к кому не обращаясь.

— Ты же видишь, здесь твоего брата нет, — спокойно парировала девушка. — Если хочешь, я могу тебя к нему отвести.

Она подошла к мужчине и прикоснулась к его плечу:

— Идем, — властно приказала она.

Выражение лица мужчины ни на секунду не изменилось. Он развернулся на каблуках и послушно зашагал к двери. Но тут в комнату вихрем ворвался третий. Это был невысокого роста мужчина, шуплый, встрепанный, угловатый, с резкими чертами лица. Его серый мундир службы Клейндао, был подпоясан армейским широким ремнем, из-под четырехгранной шапочки в разные стороны торчали взлохмаченные волосы. Форма ладно сидела на его жилистой фигуре, портянки аккуратно обтягивали икры. Он тяжело дышал и, едва ступив за порог, с грохотом захлопнул за собой дверь и привалился к ней спиной. Такое поведение показалось Кейду по меньшей мере странным. Сквозь полуопущенные веки он с интересом наблюдал за тем, как же будут развиваться события дальше.

— А вот и твой двоюродный брат, — холодно произнесла девушка, и в ее тоне Кейду послышалась досада. — Теперь он сам с тобой поговорит.

Кейд постарался расслабиться на постели. Он уже давно перестал бороться с веревками. Теперь

от тугих узлов осталась одна видимость. Руки у него были свободны и он приготовился действовать в любую секунду, как только подвернется случай.

Человек в серой форме кивнул в сторону Кейда:

— Как он? Какие-нибудь проблемы?

— Да нет, все в порядке, — пренебрежительно бросила девушка, словно речь шла о каком-нибудь безобидном пустячке, а не о плененном Оружейнике. Кейда это несколько задело. — Он только пришел в себя.

— Отлично, — послышался резкий вдох, судя по тону, мужчина нервничал, и довольно сильно. — Я твой двоюродный брат, — затем произнес он ровным голосом, как видно, обращаясь к другому военному. — Пойдешь со мной.

— Ты мой двоюродный брат, — ответил голос безлико и монотонно, точно у зомби. — Должен доложить, что миссия выполнена. Удалось убить...

— Идем со мной. Сделаешь рапорт в...

— ... убить Проповедника, руководившего..., — не останавливаясь, рапортовал монотонный голос, не обращая внимания на все попытки остановить его.

— ... в другой комнате. Ты доложишь мне ли...

— ... руководившим третьим районом Клейн-Служ...

— ... лично, но только в другой комнате.

Кейд слегка приподнял веки и заметил смятение, написанное на лице второго, в сером, который продолжал твердить рапорт, несмотря на все попытки брата остановить его.

— ... Службы. Миссия выполнена. Должен ли я приступить к самоликвидации? — наконец завершил он, и вопрос неловко завис в неожиданно наступившей тишине.

Теперь у него времени оставалось в обрез. Он уже окончательно освободил руки, готовый действовать. Именно в этот момент мужчина в серой форме и повернулся к нему:

— Похоже, все в порядке, — он подошел поближе к постели и наклонился к Оружейнику.

Кейд намеренно приоткрыл веки и безучастно взглянул в сухое, угловатое лицо.

— Кажется, он приходит в себя. Мне лучше увести этого парня отсюда, пока не стряслось беды.

— Да, пожалуй, — согласилась девушка, и в ее тоне было столько детской наивности, что поверить ему было легко. Однако Кейд нутром чувствовал, что она затеяла какую-то двоякую игру. Зачем? С какой целью? — Это один из ваших? — и она кивнула в сторону второго мужчины в форме.

Военный отошел от постели и направился к двери, затем остановился:

— Да нет, просто я принимаю у него рапорт. Им командует Латер.

— Латер — новичок, — словно между прочим, бросила девушка.

— Ну.., — наступила неловкая минута смущенного замешательства. Кейд полностью открыл глаза и заметил, что военный стоит в дверях, как видно, сомневаясь: уходить ему или нет. — А может мне лучше остаться? Он ведь все-таки Оружейник, ты знаешь, он может и...

— Я же сказала, я сама с ним справлюсь, — довольно резко парировала девушка. — Ты лучше займись своим человеком, пока он... Берегись! — неожиданно выпалила она.

Кейд вдруг заметил, как безжизненные до сих пор глаза зомби зажглись странным, внутренним огнем. Он буквально не сводил взгляда с иголки на столе. Потом он увидел Кейда, растянувшегося на постели, и лицо его перекосила гримаса ужаса:

— Не позволяй им сделать это с тобой! — неожиданно завопил он низким хриплым голосом, всем телом подаваясь вперед. — Не давай им прикасаться к тебе! Они сделают тебя таким же, как и я!

Плюгавый в форме вытаращил глаза и весь сжался, словно его собирались стукнуть. Лицо побледнело, подбородок затрясся. Кейду даже стало противно. А вот девушка действовала быстро и решительно. Она схватила со стола иголку и, прежде чем мужчина успел закрыться рукой, всадила ее ему в предплечье. Через секунду все было кончено. Инъекция подействовала почти мгновенно. Зомби сник, на его лице снова появилось бессмысленное выражение, тупое и неприятное.

Кейд мысленно отдал должное этой гражданской. На чьей стороне она ни была, а действует отлично. И реакция у нее хорошая. Это надо будет учесть, когда он начнет осуществлять свой план.

— Успокойся, — мягко произнесла девушка, откладывая пустой шприц. — Все в порядке.

Маленький мужчина подошел к зомби почти вплотную и в упор посмотрел ему в глаза:

— Ты пойдешь со мной, — нараспев произнес он. — Ты пойдешь со мной.

Кейду уже однажды доводилось видеть гипнотизера за работой, но психическое воздействие в сочетании с наркотиками давали уникальный результат. Зомби послушно поплелся к двери за маленьким человеком в форме. Они скрылись в коридоре. Теперь Кейд остался один на один с женщиной. Другой такой возможности может не подвернуться.

Он дождался, когда шаги стихнут, а затем одним прыжком вскочил с постели. Девушка обернулась, на ее лице был написан не страх, а удивление. Она открыла было рот, но в этот самый момент кулак Кейда, описав дугу, врезал ей по виску.

Глаза закатились, так и не успев поднять тревоги, она мягко повалилась на пол.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Теперь ему предстояло выбраться отсюда. Это была сложная задача тем более, что он представления не имел, где находится и кто эти люди — решившие сделать из него зомби. Так или иначе он должен был добраться до ближайшего Конвента и рассказать своим собратям обо всем, что с ним произошло. Позор его теперешнего положения сейчас казался ему чем-то далеким и мало-значительным по сравнению с происшедшими событиями.

Он посмотрел на девушку, ничком лежавшую на полу у его ног, и с отвращением почувствовал прикосновение грубой гражданской одежды к коже. Рука машинально легла на левое бедро. Пусто. Он совершенно забыл, что теперь он абсолютно безоружен. Ну что ж, это еще одно испытание его мастерства. Оружейник должен уметь вершить службу при любых обстоятельствах. И если ему придется бороться голыми руками — он не задумываясь бросится в бой.

Его годами обучали не поддаваться страху. Кейд и теперь не собирался сдаваться. У него есть главное оружие: его мужество, мастерство и учение Клейн-дао, а оно для Оружейника, как энергоблок для оружия.

Он невольно вздрогнул, когда вспомнил, с

каким спокойствием эта гражданская говорила о заговоре против Императора. Порядок незыблем: Императору подабают управлять. Неужели найдется некто, кто рискнет нарушить этот закон?

Кейд внимательно осмотрел безликую серую комнату. Здесь ему ничего не может пригодиться. Он подошел к двери и прислушался. В коридоре стояла тишина. Так или иначе, а выход здесь должен быть. Это место — логовище ядовитых пауков, его надо смести с лица земли, чтобы и саму память о нем искоренить навсегда. И чем быстрее он сбежит отсюда, тем быстрее это произойдет. Не без гордости он подумал, что именно ему повезло оказаться здесь, а не какому-нибудь новичку-Ординарцу, который бы и предпринять ничего толком не сумел.

Кейд осторожно приоткрыл дверь и выглянул. За ней оказался довольно длинный пустой каменный коридор, метров пятьдесят. Он соединял собой две комнаты: эту, безликую, и еще одно помещение побольше. Осторожно, на цыпочках, пробираясь вдоль стены, Кейд вдруг почувствовал странную уверенность в том, что находится довольно глубоко под землей. Он даже не мог бы объяснить, откуда вдруг у него взялось это ощущение, просто интуиция, вероятно, выработанная за многие годы опасных боев.

В конце коридора он обнаружил шесть дверей. Кейд прислушался. За пятью из них слышались голоса. Он открыл последнюю дверь и вошел в пустую комнату — приблизительно десять на двадцать метров — хорошо освещенную многочисленными матовыми плафонами. Она, как видно, служила залом для различных собраний,

поскольку весь центр был заставлен многочисленными рядами скамеечек, а у дальней стены высилась небольшая трибуна с кафедрой. Вдоль боковой стены расположились три, завешанные шторками, кабинки, о назначении которых Кейд даже и не мог догадаться. Однако ему пришлось нырнуть в одну из них, когда за дверью послышались шаги и голоса.

Кабинка оказалась внутри разгороженной на две секции тонкой материей. Чтобы спрятаться понадежней, Кейд перешел в крайнюю, у стены и замер, стараясь не выдать себя движением. Он успел вовремя скрыться, потому что в этот момент дверь распахнулась, и в комнату начали заходить люди. Сам того не зная, Кейд выбрал идеальную позицию для наблюдения. Внутренняя тонкая марля, отбрасывавшая тень, скрывала его от посторонних глаз в полутьме кабинки, в то время как более плотная, полузадернутая внешняя штора позволяла ему следить за всем, что происходит в комнате.

Вошедшие люди, похоже, принадлежали одной коммуне. Однако вместо пышного многоцветия, привычного для гражданских, они носили темно-коричневую форму. Они о чем-то переговаривались полупшепотом, и Кейд никак не мог разобрать тему разговора.

Люди в коричневой форме расселись на первом ряду скамеек, и только потом стали заходить остальные, на сей раз одетые броско и разноцветно. Они молча заняли свои места. Кейд насчитал пятьдесят человек.

Когда в зале наступила тишина, один из сидевших на первом ряду, поднялся и повернулся

лицом к аудитории. Кейд приготовился слушать, но вместо этого человек принялся производить руками в воздухе замысловатые движения. Сидевшие повторяли в точности все, что делал стоявший, и до Кейда даже не сразу дошло, что все это напоминает обряд инициации оружия, принятый в Ордене. Его охватила глухая ярость. Вы еще за это заплатите, мысленно пообещал он.

— Первый из Первых старого доброго Каира! — хорошо поставленным, зычным голосом произнес стоявший.

При этом он продолжал делать движения руками, и все остальные послушно повторяли за ним.

Это длилось несколько минут, и Кейду уже начинало надоедать такое однообразие. Хотя, похоже, сидевшие граждане, участвовали в ритуале с огромным удовольствием и самозабвением. На многих лицах был написан восторг.

— О вас должен узнать мир, как о Первых из Первых, — наконец произнес человек в коричневой форме.

При этих словах большая часть аудитории поднялась, молча построилась в шеренгу и удалась. Кейд с изумлением заметил, что многие из них плакали.

Когда дверь за ними закрылась, говоривший произнес:

— Первые из Первых второй степени, — огни погасли, и только маленькое пространство на сцене освещалось мощной голубой лампой.

Выступавший отошел немного в сторонку и стал повторять те же самые движения, только значительно медленнее. На сцену вышли актеры,

и все действия ритуала с немymi жестами превратилось в некую пьесу, которую разыгрывали перед оставшейся аудиторией люди в коричневой форме. Кейд с удивлением наблюдал за происходившим, ничего толком не понимая. Он представления не имел о смысле и значении того, что показывали. Однако судя по восторженной тишине, которая царила в зале, действие производило на них огромное впечатление.

Но почему, почему они так реагировали на весь этот вздор? К чему эта напряженность и восторженность? Мысль, которая в следующую секунду пришла ему в голову, не обрадовала его своей оригинальностью. А что, если он попал в так называемое "Тайное Место"?

Прожив почти всю свою сознательную жизнь среди братьев Ордена, Кейд имел мало представления о мистических культах, которые расплодились в Империи за последние годы, как грибы после летнего дождя. Насколько он помнил, основных было пять, и каждый претендовал на роль ведущего, главенствующего и древнейшего. Более того, все они выглядели совсем уж смехотворными, стоило только немного поразмыслить над их постулатами и законами. Ни один здравомыслящий человек не станет их приверженцем. Впрочем, что можно взять с этих глупых гражданских. Они верят каждому слову своих проповедников, большинство среди которых обычные жулики, набивающие карманы таким образом. Вот почему они с такой яростной жесточенностью нападали друг на друга, стремясь перетящить в свое лоно побольше паствы.

Кейд ни на секунду не сомневался, что весь

этот балаган с мистическими культами на руку их лидерам. Вот поэтому-то они и забивают головы гражданских всякой чушью. А ведь сами настолько тупы, что не в состоянии усвоить даже элементарные постулаты Клейн-дао. Впрочем, надо отдать должное: последователей у этих культов достаточно много.

Вот, например, Джош-Мистик. Разработал целый язык, Хиббер, кажется. На нем и были записаны все законы нового учения, которое напрочь отрицало любую науку. Кейд даже нахмурился, вспомнив, сколько хлопот им доставили новоявленные последователи этого дурацкого учения во время открытия нового госпиталя для Оружейников. Им тогда даже пришлось применить силу. Это было единственное течение, среди культовых, с которыми Кейду пришлось столкнуться лично. Он знал о существовании еще нескольких, но с названием Каиро — нет.

Глядя на фанатично сосредоточенные лица Кейд вдруг понял, насколько это страшно. Если они с таким самоотвержением воспринимают учение, то точно так же могут воспринять и все что угодно, даже заговор против Императора. Они с одинаковой фанатичностью будут и проповедовать свою философию, и пойдут на смерть, если это понадобится их лидерам.

Неожиданно загорелся свет. Спектакль был прерван появлением двух человек в серой форме. Один из них оказался угловатый маленький мужчина, разговаривавший с зомби. Он подошел к выступавшему и принялся что-то нашептывать ему на ухо.

Кейд не слышал их разговора, но не составля-

ло труда догадаться, о чем идет речь. Дождаться развязки он не стал. Выскочив из кабинки, он со всех ног бросился к двери.

Маленький мужчина обернулся:

— Взять его! — заорал он, указывая пальцем на Кейда.

— Кошунство!

— Шпион!

— Хватайте его! Хватайте!

Толпа загомонила, но естественно никто не двинулся с места. Не то испугались, не то просто растерялись в замешательстве. Кейд расталкивая локтями толпу, пробивался к выходу, а его никто даже не пытался задержать. Однако, когда он схватился за ручку и с силой рванул на себя, оказалось, что дверь заперта.

Кейд отскочил к стене и прижался к ней спиной, готовый дать отпор.

— Хватайте его! — крикнул маленький мужчина в форме. — Это шпион! Он хотел вывести наши самые сокровенные ритуалы!

— Это ложь! — рявкнул Кейд, перекрывая гомон толпы. — Я — Оружейник Кейд из Ордена Оружейников. Я принадлежу французскому дивизиону. Граждане, именем Ордена, я приказываю вам открыть дверь и выпустить меня отсюда.

На тощем лице плюгавого расплылась самодовольная ухмылка:

— Смешно слушать, шпион, — с насмешкой бросил он в наступившей тишине. — Если ты Оружейник, где же твое оружие? Где форма? И если ты принадлежишь французскому дивизиону, то что же ты делаешь здесь, в Болтиморе?

Граждане стояли, изумленно раскрыв рты.

Кейд и сам на долю секунды растерялся. В Болтиморе? Неужели пока он находился без сознания, его привезли сюда? Зачем?

— Валите его на пол, возлюбленные! — приказал мужчина в серой форме. — Хватайте его и держите!

Толпа вокруг оживленно загалдела, начиная придвигаться к Кейду. Он не знал, что предпринять. Их было слишком много. Он бы все равно не сумел справиться со всеми сразу. Они надели на него, и как он не отбивался, скрутили руки за спину и поволокли на середину комнаты. Кейд лишь успел заметить, как мелькнуло рядом лицо человека в сером, потом почувствовал укол иглы в руку. Он прекрасно понимал, что это может значить. Этим уколом они превращали его в безвольную куклу, неспособную даже двинуть пальцем. А интересно, сколько же он лежал без сознания? И какую дозу наркотиков в него вкачали?

Болтимор!

Эти проклятые тайные общества расползлись по всему миру, как паразиты. Он с таким же успехом мог оказаться в Занзибаре или в своем родном Денвере, а не во Франции... или Болтиморе. Они вообще могли убить его, и никто бы ничего не узнал. Нет, как бы там ни было, а эти общества пора уничтожать. До сих пор им придавался официальный статус сподвижников Клейн-дао. Лидеры теперешних многочисленных культов когда-то и в самом деле были последователями этого гармоничного учения. Но теперь все встало с ног на голову. Истинные ценности заменились на ложные и несправедные. Кого-то это и

могло одурачить до сегодняшнего дня, но теперь...

— Вы двое! — скомандовал человек в сером. — Поднимите его и несите за мной. Он больше не будет сопротивляться.

Оружейник идет туда, куда направляет его всевластная рука Императора, пронеслось в мозгу. Кейд попытался отбиваться, когда двое дюжих ребят подхватили его и понесли вон из комнаты. Однако ничего не произошло. Он не сумел шевельнуть даже пальцем. Его, как какой-нибудь тюк, бесцеремонно подхватили и потащили, держа за руки и за ноги. Кейд даже не мог удержать голову, она запрокинулась назад, и он видел только одного парня, и потолок.

Тщета — это грех. Все внутри разрывалось от ярости и ненависти, сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Ярость — это грех. Кейд пытался взять себя в руки и успокоиться. Сейчас он все равно ничего не в состоянии сделать. Его охватило странное, давно забытое чувство полной беспомощности. Он переживал его только однажды в далеком детстве, будучи совсем маленьким. Теперь оно вернулось, но к нему примешивался стыд. Он — опытный Оружейник, прошедший многолетнюю закалку, позволяет гражданским издеваться над собой и унижать его достоинство! В который раз Кейд пожалел, что яд, который подсунула старуха, не оказался смертельным.

Его затащили обратно в безликую комнату и швырнули на жесткую постель, с которой он поднялся всего пятнадцать минут назад. Он чув-

ствовал, как его ремнями прикручивают к ложу, затем услышал ележный голос человека в сером:

— Благодарю вас, мои возлюбленные братья, во имя милосердного Кайр, благодарю.

Он услышал удаляющиеся шаги, затем дверь закрылась. Он остался один на один со своим мучителем. Ах, как бы он хотел сейчас вскочить и вцепиться в эту мерзкую тощую шею, свернуть на бок маленькую головку, и почувствовать, как хрустят под рукой позвонки... но нет, он вынужден лежать, неподвижный, беспомощный, жалкий... Ярость охватила все его сознание, когда совсем рядом послышался знакомый женский голос:

— Да ты, Оружейник, совсем кретин!

— Это точно, — радостно поддакнул мужчина. — Однако ума ему не занимать, и хитрости тоже. Как раз то, что нам и нужно. Орден дал ему хорошие знания, вот их-то мы и используем, — удовлетворение прозвучало в его тоне. — Да, он умен и умеет убивать. А уж о силе я и не говорю. Посмотри-ка, какой он тебе поставил синяк.., — по всей видимости, мужчина сделал какое-то движение, поскольку девушка оборвала его неожиданно резко:

— Убери руки! Это тебя не касается. Со мной все в порядке, — затем уже более спокойно: — А куда ты хочешь его высадить?

— Какая разница? Может, где-нибудь в парке, — пожал плечами мужчина.

— Если он в таком состоянии свалится со скамейки, его могут арестовать и вся операция полетит к чертям. Где-нибудь в многолюдном месте, в какой-нибудь забегаловке, его можно

будет посадить на стул, а руки и голову положить на стол, чтобы он не свалился.

— Ты права, — подхватил мужчина. — Мы можем оставить его у хозяйки Кэннон. Как ты на это смотришь? Неплохая идея? Целомудренный Оружейник в заведении хозяйки Кэннон! — и он довольно фыркнул.

Девушка залилась серебристым смехом.

— Ты очень остроумен. Ладно, мне надо идти, — наконец произнесла она весело, направляясь к двери.

— Отлично. Отлично, моя возлюбленная сестра, во имя милосердного Кайро.

Кейд услышал, как дверь закрылась. Он лежал на жесткой постели, спиной ощущая твердую поверхность и глядя в серый потолок, который напоминал безликую пустоту. Неожиданно послышался щелчок и перед глазами возникло небольшое черное пятно.

Где-то рядом раздался голос мужчины в сером:

— Ты наверное уже заметил, что в этой комнате пусто. Здесь ничто не привлекает внимания: никаких углов, выступов, линий. Эта комната — словно пустота, в которой взгляду не за что зацепиться. Ты можешь смотреть только на это черное пятно перед глазами. Впрочем, можешь и не смотреть, мне все равно. Но хочешь ты того или нет, а твое сознание уже в моих руках. Через некоторое время ты заметишь, как это самое пятно начнет пульсировать, то приближаясь и становясь больше, то отодвигаясь и исчезая. В этом нет ничего мистического, все объяснимо. Просто твои глазные мускулы не могут обходиться без работы, они должны находиться в посто-

янном напряжении, и черное пятно в пустоте — отличный объект. Ты можешь даже закрыть глаза, но тебе будет трудно представить в воображении что-нибудь кроме этого пятна. И оно все время будет двигаться, — голос стал мягким, мелодичным, он плыл и растворялся в сознании, как сладкий яд, — к тебе и от тебя. Оно будет двигаться постоянно, и ничего кроме точки ты видеть не будешь... все остальное перестанет для тебя существовать...

Кейд старательно сопротивлялся назойливым словам, но это было чистой правдой. Пятно начало двигаться, медленно, но уверенно. Оно надвигалось на него, становясь больше, потом назад — в пустоту. Оно уменьшилось и почти исчезло, растворясь за гранью видимости, а потом вдруг выплыло из серости и стало надвигаться снова, заполняя собой пространство.

Кейд пытался уцепиться за привычные и знакомые понятия. Орден, как плащ, он окутывает Империю и защищает ее от внешних врагов. Он — оружейник, он — опора Империи...

И словно прочитав эти мысли, человек в сером снова заговорил. И каждое его слово вливалось в сознание, растворялось в нем и отравляло все существо:

— Зачем бороться со мной, Оружейник Кейд? На тебе нет больше формы, нет оружия. Ты больше не оружейник, и не принадлежишь Ордену. Для тебя сейчас существует только одно — черное пятно, которое движется, то надвигаясь, то снова удаляясь. Зачем сопротивляться мне? Сопротивляться пятну? Зачем вступать в борьбу, которая заведомо обречена на провал? Ты не

знаешь, что делать? Я скажу тебе: перестань сопротивляться. Перестань бороться со мной. Теперь ты больше не Оружейник, ты потерял свое оружие и форму. Теперь ты такой же гражданский, как все мы здесь. И значит я — твой друг. Зачем же сопротивляться собственному другу? Делай то, что я говорю тебе: лежи спокойно, наблюдай за движущимся пятном, только оно теперь существует для тебя...

У него и в самом деле не было ни ботинок, ни рубахи, ни плаща, ни оружия. Он теперь гражданский, и этот человек в сером — его друг. Зачем же бороться с собственным другом? Во всем виновата только эта проклятая девица. Она довела его до такого состояния, она из него, оружейника, сделала... впрочем, разве он теперь может себя называть Оружейником? Нет. У него ведь ничего нет: ни ботинок, ни плаща, ни оружия...

— Ты ничего не знаешь, ты ничего не знаешь, ничего не знаешь..., — медленно, нараспев повторял назойливый голос.

Где это? В комнате, или у него в голове? Кейд почти совсем потерял ощущение реальности. Ярость и гнев, которые захлестывали его, начинали потихоньку уступать место равнодушию и спокойствию. Ярость — это грех. Не все ли равно ему теперь, что произойдет дальше? Долг? Орден? Служба? Он перестал быть Оружейником, а значит все это его не касается. Это Оружейник идет туда, куда направляет его всевластная рука Императора. А он теперь — просто человек, для которого все на свете, кроме этого черного пятна, потеряло смысл.

— Ты пойдешь во Дворец и убьешь Верховного Правителя собственными руками. Ты пойдешь во дворец и убьешь Верховного Правителя своими собственными руками...

Далекий огонек тревоги загорелся в глубинах его сознания. Кейд захотел закричать, сорваться с места и разрушить ту нереальность, которая окружала его. Он пойдет во Дворец и убьет Верховного Правителя своими собственными руками...

... кто же он такой? Кем был? Он совершенно не помнил.

Он просто пойдет во Дворец и убьет Верховного Правителя своими собственными руками. Убьет и все. Что может быть проще? А зачем? Этого он не знал. Впрочем, сейчас это не имело ни малейшего значения. Он просто пойдет во Дворец и убьет Верховного Правителя...

Далекая, едва тлеющая искорка собственного "я" потухла. Он продолжал лежать на жестком ложе, наблюдая за движущимся пятном, не в силах уже больше предотвратить то, что неминуемо должно было случиться.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Чернота и глухие удары... ощущение ускорения... тяжесть во всем теле... только через несколько минут Кейд начал воспринимать некоторые звуки: шум двигателя, свист ветра, чьи-то голоса совсем рядом:

— Ты думаешь, ему удастся все это сделать? — встревоженно поинтересовался грубый мужской голос.

— Кто ж его знает, — откликнулся второй.

— Вообще-то, он — Оружейник. У них отличная подготовка. Он тебе хребет может сломать в одну секунду.

— Глупости все это, — фыркнул второй. — Не верю я.

— Да ты только посмотри на него. У него же мускулы стальные!

— А ты думаешь, почему его взяли в Орден?

— Да нет, не скажи. Они у них там сами такими делают. Их же берут туда еще детьми и тренируют долгие годы. Думаю, Оружейник нам подойдет. Он-то сумеет сделать все как надо.

— Наверное.

— Ну, если кто и сможет, то только Оружейник. Если этот провалит операцию, попробуем с другим. Их в Ордене много, сколько надо, столько и используем.

— Это очень опасно, — в голосе мужчины послышались тревога и сомнения.

— Да какая там опасность. Мы все провернули просто отлично. Знаешь, кто его поймал? Старая карга.

Толчок.

— Ты должен доставить его к хозяйке Кэннон.

— Ничего себе! Это же два квартала, а он весит больше меня...

— Знаю, но это задание. Я-то в форме. А вообще-то, что офицеру Клейн-дао делать у хозяйки Кэннон?

— Но... впрочем, ладно. Я только думаю, сумеет ли он все это повернуть?

Темная улица накренилась, готовая свалиться Кейду прямо на голову. Оба мужчины выругались, подхватили его под руки. Стены домов и мостовая встали на свои места. Потом все задвигалось странными рывками. Улица запрыгала, завертелась. Кейду захотелось зажмуриться, чтобы не видеть этого головокружительного мелькания. Потом он оказался в хорошо освещенном месте с яркими огнями и гомоном толпы.

— Полегче, парень, полегче... Осторожнее! Вот сюда! Тут такой уютный край стола, просто прелесть. Садись на стул... Да держись ты, держись, не заваливайся... Черт тебя дери, — тупой удар в живот. — Ага, вот так-то лучше. Два виски, дорогуша.

— Что это с твоим приятелем? — поинтересовался глухой женский голос.

— Да так, пьян немного. Я его тут оставлю. Пусть слегка поспит и отрезвеет. Это у него частенько случается. Ничего страшного. А я вот

пропущу стаканчик и пойду. Да ты не беспокойся, он парень тихий, буянить не станет.

— Ну-ну.

— Ладно-ладно, сдачу можешь оставить себе, дорогуша.

— Ну, тогда совсем другое дело.

Несколько секунд мужчина молчал.

— О, да ты уже никак вернулась? Быстро ты.

— Вот ваш виски.

— Отлично! Ну, за твои глазки, милашка! — грубая ладонь похлопала Кейда по плечу. — А с тобой, парень я пока прощаюсь. Встретимся на первой полосе газет. Ха! — это понравилось мужчине. — Встретимся на первой полосе газет, — с удовольствием повторил он.

Он исчез, и перед глазами всплыло другое, расплывчатое пятно, оно пододвинулось совсем близко и шумно задышало в лицо:

— Эй, паря, может купишь мне выпивку? Тебе-то самому уже, похоже, хватит. Ты вон и так нализался изрядно. Не будешь против, если я возьму твою? А меня зовут Арлен. Я с юга. Тебе нравятся южные девочки? — пятно отодвинулось, потом снова качнулось вперед. Женская ладонь коснулась руки. — Слушай, да что с тобой такое? Тебе плохо? Если ты спишь, то какого черта у тебя глаза открыты? Это что, шутка такая, да? Шутка? Ну ты и хохмач! Сдохнуть можно!

Пятно уплыло в кружащуюся перед глазами яркую пустоту. Через некоторое время появилось другое. Оно дохнуло в лицо противным винным перегаром.

— Привет, парень! Как насчет хорошей ком-

пании! — пророкотало пятно добродушным мужским голосом. — Я видел, как ты ловко отбрил Арлен. Правильно, эта дура ничерта не знает, кроме “купи мне выпивки” Черт с ней. Ты, видать, парень компанейский. Чем интересуешься? Лошадьми, картами, битвами. Лично я просто балдею от всего военного. Хочешь скажу? Скоро я поеду посмотреть собственными глазами на Занзибара. Обожаю Оружейников. Слушай, а этот Оружейник Войс — вот это мужик! Только в этом году успел принять участие в семнадцати рейдах и убить девятерых. Вот это Оружейник, я понимаю! Не какой-нибудь там сопливый новичок, который и оружие-то в руках не умеет держать. Слушай, парень, а пока мы тут трепимся, может ты мне закажешь выпивки, а то у меня что-то в горле пересохло. Эй, ты слышишь меня или нет? Да что с тобой такое? Хо, вот это да! Ну ты только посмотри на него! Я с ним сижу, треплюсь, а он в отключке! Ну надо же: глаза открыты, а сам в отключке!

Пятно снова исчезло. Боль стала разливаться по затекшим от долгой неподвижности мускулам. Необычная ясность пронзила сознание, словно молния.

Иди во Дворец и убей Верховного Правителя своими собственными руками!

Руки на столе слабо шевельнулись, стремясь сжаться в кулак. И это привычное движение вдруг вызвало лавину воспоминаний, которые быстро превратились в стройную картину происшедших событий. Кейд с привычной легкостью разложил информацию по полочкам, стараясь вникнуть в смысл того, что с ним случилось.

Тебе не раз приходилось убивать людей голыми руками — одним лишь ударом ребра ладони по шее. А если позволяло время, ты хватал врага за горло и пальцами ломал позвонки.

Иди во Дворец и убей Верховного Правителя своими собственными руками!

Рука, словно чужая, сгребла стоявший перед ним пустой стакан и раздавила его с глухим хрустом, оставив лишь мелкие осколки и пыль. Если подойти к человеку сзади, то можно одним движением руки сломать позвоночник, придавив его коленом...

Ярко одетая девушка сидела перед ним через стол. Некоторое время он сосредоточенно всматривался в тонкие черты ее лица.

— Я закажу тебе немного выпивки, парень. Ты как, не против? Только не отвечай, я сама все сделаю.

Все его существо запротестовало. Да за кого она его принимает?! Он же Оружейник. Однако с губ сорвался только надсадный хрип. Девушка поднялась, подошла к нему и поднесла ко рту маленькую бутылочку. Кейду пришлось глотнуть. Весь пищевод прожгло выпивкой. Девушка наклонилась к его уху и быстро прошептала:

— Слушай меня внимательно, Кейд. Никаких сцен. Никакого шума, иначе могут произойти большие неприятности. Просто сиди спокойно и слушай меня.

Выпивка растеклась по желудку, по телу побежало приятное тепло. Сознание окончательно освободилось от оцепенения. Мелькнула мысль, которую он так часто повторял по утрам:

“Таков закон: Императору подабаает править...”

— А Ордену с Верховным Понтифексом во гла...

Мысль сверкнула молнией и обожгла сознание:

— Верховный Понтифекс, — хрипло прошептал он непослушными губами.

— Все в порядке, — тихо бросила девушка, садясь на свое место и ставя перед собой стакан. — Я дала тебе противоядие... тебе не придется ничего делать против собственной воли...

Кейд попытался подняться, он облокотился на стол, но руки сорвались, и он едва не ударился лицом о деревянный край. Он посмотрел на девушку. Теперь он видел ее более отчетливо. Она была ужасно накрашена, а густые, волнистые волосы прядями падали на полупрозрачную, легкую ткань багряной пижамы. Такой костюм совершенно не имел смысла. Только высокородные могли позволить себе носить прозрачное, обычные гражданские одевались в простые одежды из грубых, аляповатых тканей. Однако только гражданские носили вот такие пижамы — широкие курточки и штаны, — — высокородные леди одевались в длинные рубахи и сутаны. Кейд потряс головой, пытаясь прояснить мысли. Он не без труда оторвал взгляд от ее нагого тела, которое ясно просматривалось сквозь легкую газовую ткань.

Она проследила за его взглядом и слегка покраснела:

— Это всего лишь маскарад, — шепотом

пояснила она, глядя ему в глаза. — Я не могла одеться иначе.

Кейд даже и не пытался понять, о чем она говорит. Ее лицо, даже под этим безобразным слоем краски, впечатляло своей красотой.

— Ты такая же гражданская, как и все здесь, — произнес он глухо.

— Тише, — холодно отрезала она. — А теперь внимательно послушай меня...

— Ты была с этими проклятыми предателями, — оборвал он ее. — Ты работаешь на них, — речь у него почти восстановилась, да и мускулы перестали ныть. Кейд чувствовал, что готов действовать.

Девушка качнула головой, волна густых волос шевельнулись, точно живые.

— Да нет же. Неужели ты так ничего и не понял? Если бы ты проглотил капсулу, которую я тебе дала в комнате, ты бы никогда не впал в это состояние. Наркотик бы просто не подействовал на тебя. И тогда ты мог бы убежать сам, без посторонней помощи. А теперь, видишь, во что ты влип?

Да, в определенном смысле, она была права. Ему ведь так и не удалось удрать оттуда.

— Ну ладно, — более миролюбиво заметила девушка, — что было, то было. Теперь, надеюсь, ты станешь более осмотрительным. Как ты себя чувствуешь? Лучше? Действие наркотика прекратилось? Вот видишь, мне все-таки удалось тебе помочь, не забывая этого.

Кейд завозился на стуле, переставляя ноги.

— Спасибо за помощь, — натянуто выдавил он. — Теперь со мной все в порядке. Я должен

добраться до ближайшего Конвента и обо всем отрапортовать. Я.., — он даже запнулся на секунду, потому что дальнейшее и ему самому казалось святотатством: — не включу ваше описание в рапорт.

Девушка безразлично пожала плечами:

— Тебе не надоело нести чушь? — устало поинтересовалась она. — Кейд, неужели ты до сих пор не понял, в какую передрагу влип? Есть вещи, о которых ты не имеешь ни малейшего представления. Ты не можешь...

— Если у тебя есть информация, ты должна мне ее предоставить, — резко перебил он ее. — А потом, когда виновные будут наказаны, мы с тобой больше не встретимся.

Он даже не поверил тому, что сказал. Почему он так старательно защищает это... существо... от заслуженного наказания? Она работала на этих предателей, а значит по закону обязана отвечать за все вместе с ними. Он просто обязан внести ее описание в рапорт и доложить обо всем, что случилось. Да, конечно, она помогла ему, но это ведь ее прямая обязанность. Гражданским положено оказывать содействие членам Ордена. Он, целомудренный Оружейник вынужден сидеть здесь, в этом непотребном, грязном месте и выслушивать дерзости какой-то гражданской?! Впрочем, он не желал ей зла. С ней разберется и городской сторожевой.

— Кейд.., — она отвратительно захихикала, прикрывая рот ладонью. — Ты когда-нибудь вообще раньше пил?

— Пил? — недоуменно переспросил он, не

понимая, куда она собственно клонит. — Я много раз утолял жажду...

Она открыто расхохоталась, и смех у нее звучал порочно и дерзко.

— Да нет, глупый, я имею в виду сильные алкогольные напитки?

В первую секунду он даже задохнулся от возмущения. Да за кого она его принимает?

— Это же запрещено.., — и он замолчал, ужаснувшись ситуации, в которой оказался сейчас. — Запрещено.., — Оружейнику не полагается употреблять алкогольные напитки, Оружейнику не полагается общаться с гражданскими женщинами. Это закон. Из-за любви к женщине Оружейник может пренебречь службой Императору.

— Послушай-ка, гражданин! — начал он в ярости.

— О, Кейд, — неожиданно пропела она, подаваясь вперед и наваливаясь грудью на стол. — Может тебе хватит? Ты ведь уже и так выпил достаточно. Может нам лучше отправиться ко мне? — ее голос звучал льстиво и слащаво. — Пойдем, миленький. Вот увидишь, я доставлю тебе настоящее удовольствие...

Из-за ее спины выплыла дородная, мясистая бабенка.

— Я — хозяйка Кэннон, — заявила она, упирая толстые руки в крутые бока. — Что это ты тут делаешь, деточка? Ты не из моих.

— Да мы уже уходим, — пролепетала девушка, поднимаясь со стула и умоляюще глядя на Кейда. — Правда, парниша?

— Правда, — откликнулся тот и медленно поднялся, слегка покачиваясь, словно пьяный.

Он направился к двери. Поскорее бы выбраться из этого проклятого заведения, на свежий воздух, подальше от грязи и пошлости, которая так и витала в воздухе. Он чувствовал, что девушка держится рядом, стараясь не отставать.

Хозяйка Кэннон проводила их до самого порога.

— Если ты еще раз попробуешь сюда сунуться, деточка, — мрачно предупредила она, — я об твой хребет стул разломаю.

Выйдя наружу, Кейд с любопытством уставился на темноту извилистой узкой улочки. Интересно, как только эти гражданские умудряются ориентироваться в таких местах? И вообще, каким образом он должен был найти Конвент Верховного Понтифекса? Он обернулся к девушке.

— Что это за город?

— Абердин.

Кое-что начинало проясняться. Древний Испытательный Полигон, где он, и все остальные воины, вот уже в течение тысячи лет завоевывали в боях и сражениях незыблемое право носить оружие. Город Великого Конвента, внушающая благоговейный восторг Столица всей Империи. И здесь же, рядом с дворцом Императора, штаб Верховного Понтифекса, вся исполнительная власть Империи.

— Здесь где-то есть Конвент, — припомнил он. — Как мне туда попасть?

— Послушай, оружейник. Ты наконец должен понять, что происходит. Тебе нельзя показываться ни в одном конvente Империи. Стоит тебе только переступить порог и ты — мертвец.

Типичная реакция гражданского лица, поду-

мал он, и вдруг ощутил некоторую жалость к ней: она ведь никогда и не поймет, какие чувства переполняют Оружейника, когда он с честью исполняет свою службу. Все это оставалось недоступно для нее. Впрочем, она и так рисковала, попытавшись помочь ему.

— Уверяю тебя, — успокоил он ее мягко, — меня нисколько не пугает смерть в бою. Вам, гражданским, трудно это понять. Но это правда. Моя единственная задача теперь — добраться до первого Конвента и предоставить всю информацию своим собратьям. Они должны знать о заговоре.

Она со стоном выдохнула и картинно закатила глаза. Нет, этот чертов Оружейник, похоже, и не слышит ее.

— Я совсем не это имела в виду. Ну хорошо, я объясню более понятно. Орден отверг тебя, последние два дня ты был в состоянии алкогольного опьянения, очень сильного опьянения... а ты к этому совсем не привык. А теперь ты находишься среди нас, гражданских, уволенный, проклятый, оскверненный... Я понимаю, тебе тяжело, ты совсем с ума сошел со своим кодексом чести. Тебе хочется доказать всему миру, что это чистая ошибка, и ты ни в чем не виноват. Хорошо, — она на секунду замолчала, выжидающе глядя на Кейда снизу вверх. — Хорошо, но в любом случае ты один не пойдешь. Я тебя не оставляю. И перестань валять дурака.

В свете единственной лампы, горевшей в конце улицы, ее лицо под толстым слоем грима выглядело каким-то неестественно безжизненным. Но странное дело, Кейду почему-то все

время казалось, что эта девушка не может быть простой гражданской из коммуны. Она наверняка высокого происхождения. Во всяком случае, ее манеры, повелительный тон, уверенный голос — все выдавало благородство. Может быть именно поэтому он не отпихнул ее, когда она взяла его за руку, увлекая за собой по темной улице. Конечно, где-то в глубине души ему хотелось избавиться от нее, расстаться с ней здесь, на углу, и больше никогда не встречаться. Но что-то все время удерживало его. Наконец он остановился. Девушка замерла на месте и удивленно взглянула на него.

— Если тебе больше нечего мне сказать, — произнес Кейд холодно, наконец найдя в себе решимость, — я оставлю тебя здесь.

Он развернулся и зашагал по широкой, более освещенной улице, между двумя рядами домов. Однако девушка и не думала отступать. Она бежала за ним, держась за его руку и гневно выговаривала на ходу:

— Я пытаюсь спасти тебе жизнь, ты паршивый идиот! Прекратишь ты когда-нибудь свои глупости? Ты даже не представляешь, во что ввязываешься!

Впереди на перекрестке стоял городской стражник из службы безопасности в знакомой форме. Кейд засомневался лишь на-секунду, припомнив, что именно такую одежду видел на человеке, вколовшем ему наркотики. Но тот был предателем, и этот факт не мог пошатнуть веру Кейда в справедливость и законность.

Он остановился и повернулся к девушке. Ее

прикосновение жгло его, точно раскаленным железом.

— Уходи, — строго приказал он, — или я не могу гарантировать тебе безопасность.

Однако она только сильнее вцепилась в его руку:

— Кейд, ты не должен этого делать! — жарко зашептала она, в ее голосе послышалось отчаяние.

Это становилось совсем уж невыносимым. Что она себе позволяет, эта гражданская! Пусть она и благородного происхождения, но он-то — Оружейник. Ему не полагается вступать в контакт с женщиной! А она пытается его удержать, привязать к себе, рождает в его сознании греховные помыслы... Он стряхнул ее руку, как стряхивал насекомое.

Он шагнул по направлению к перекрестку.

— Стражник!

Человек в серой форме стоял, лениво прислонясь к стене здания. Он даже не шелохнулся, когда Кейд окликнул его.

— Стражник! — снова позвал Оружейник. — Мне надо, чтобы ты отвел меня в ближайший Конвент Ордена Оружейников.

Человек лениво посмотрел на Кейда, однако продолжал стоять, словно и не слышал.

— А мне плевать на твои желания... гражданин, — грубо огрызнулся он.

Кейд вспомнил, что одет в гражданское и подавил в себе волну поднимавшейся ярости.

— Пожалуйста... сэр... покажите мне дорогу, — непривычно просящим тоном произнес Кейд с запинкой.

— Если я посчитаю нужным, — насмешливо бросил стражник. — И если только намерения приличней, чем твои манеры. Что у тебя там за дело? — он лениво зевнул, даже не прикрыв рот ладонью.

Кейда это покорило, однако он взял себя в руки.

— Это не каса., — он оборвал себя. — К сожалению, не могу тебе этого сказать... сэр. Это дело крайне секретное.

— Вот и отлично, — снисходительно ухмыльнулся стражник, — топай и сам ищи себе... секретную дорогу, — неожиданно он с интересом посмотрел поверх плеча Кейда. — А она с тобой? — любопытствовал он, наконец отлипая от стены.

Кейд обернулся и увидел девушку, которая так и стояла у него за спиной.

— Нет, — резко оборвал он. Сейчас ему было совершенно плевать на эту девчонку. Он предупреждал ее, пусть теперь сама и расхлебывает. Главное — попасть в ближайший Конвент и доложить обо всем, что с ним произошло.

Кейд открыл было рот, но стражник двинулся к ним, в упор глядя на девушку. Только она теперь интересовала его.

— Отлично, милашка, — пропел он сипло — Интересно, а что это ты делаешь за пределами отведенного тебе района?

— Района., — проямлила девушка, отступая на пол шага, — я тебя не понимаю...

Стражник покрутил длинным пальцем у нее перед носом:

— Брось валять дурака, дорогуша. Ты все

прекрасно понимаешь. Раз ты носишь повязку, — и он ткнул девушку в талию, на которой, вместо пояса, красовалась довольно толстая цепочка из серебра, — значит не имеешь права приставать к гражданам на улице за пределами своего района. А район твой, между прочим, там, — и стражник демонстративно указал пальцем в сторону темной улицы, с которой они только что пришли. — Конечно, если ты с этим гражданином...

— Она не со мной, — твердо отчеканил Кейд, стараясь не смотреть на девушку. Его мучила совесть: он поступал с ней слишком жестоко. — Она пришла не со мной, правда...

— Это грязная ложь! — неожиданно выпалила девушка, в ее голосе зазвучали слезы. Вот-вот она разрыдается. То ли ее и впрямь переполняли эмоции, то ли она просто великолепно играла свою роль. Этого Кейд понять не мог. Он уже успел убедиться, что хитрости и изворотливости ей не занимать. — Этот парень, — она ткнула в Оружейника пальцем, — подцепил меня в баре. Мы сидели у хозяйки Кэннон, у кого угодно можете спросить, все это видели. Я ему еще выпивку заказывала... а он нализался, как свинья и устроил там скандал, вот нас оттуда и поперли... — она тараторила с такой скоростью, что стражник и слова не успевал вставить, — а потом он говорит: пошли, мол, ко мне, у меня такое уютное гнездышко. А я дура, и поверила, пошла с ним. Откуда же мне было знать, что у него семь пятниц на неделе. Сюда-то мы дошли, а теперь он, видишь передумал, решил каким-то делом заняться. А я теперь куда? Мне-то что прикажешь

делать? Сто раз себе зарок давала не связываться с такими парнями, как этот, у них вместо мозгов, похоже, сплошные опилки, сами не знают, чего хотят...

Стражник поднял руку, стараясь остановить этот поток. Наконец девушка замолчала, и он повернулся к Кейду:

— Ну, и как тебе все это, парень? Она говорит правду? Она была с тобой?

Какую-то долю секунды Кейд сомневался. В принципе, в словах девушки была доля истины. Вот только не он ее подцепил в баре, а она его.

— Нет, она не была со мной, — твердо отчеканил Кейд.

Стражник развел руками:

— Сожалею, детка, — строго произнес стражник, в его голосе зазвучали холодные нотки. Шутки кончились, он приступил к своим обязанностям. — Ты правила знаешь. Придется отправить тебя в участок.

— Вот видишь?! — она в ярости повернулась к Кейду. — Видишь, что ты натворил? Теперь они упекут меня в тюрьму за то, что я приставала к человеку на улице! А у меня даже нечем заплатить залог, и мне придется торчать там неизвестно сколько. А все потому, что у тебя ветер в голове, — она уперла руки в бока. — А ну-ка, давай признавайся! Ты ведь сам потащил меня к себе домой! — неожиданно ее голос перешел на плач. — Ну пожалуйста, скажи ему правду...

Кейд с отвращением оттолкнул ее:

— Ты сама пошла со мной, — выпалил он. — Я тебя предупреждал, что тебя ждут неприятнос-

ти, но ты меня не послушала. А раз так, сама и расхлебывай.

— Ну ладно, хватит! — неожиданно рывкнул стражник, которому осточертели эти длинные препирательства. — Сыт по горло вашей болтовней. Вы оба, убирайтесь отсюда, да поживей, пока не передумал! Если пойдете прямо по улице, то выйдете прямо к участку службы безопасности. Марш!

— Я что-то не понимаю.., — начал было Кейд, но оборвал сам себя, заметив, как стражник потянулся за резиновой дубинкой, подвешенной на поясе. Ему совсем не хотелось получить зуботычину от стража порядка, тем более, что дать сдачи он не сможет.

Впрочем, конечно, как же он не догадался сразу! Ведь в участке обязательно найдется машина или какое-нибудь другое транспортное средство и он сумеет добраться до ближайшего Конвента.

— Хорошо, — холодно произнес он, — буду рад направиться в участок.

— Да ты совсем рехнулся, идиот! — яростно прошипела девушка сквозь зубы.

Однако Кейд даже не взглянул на нее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— Ну, и кто из вас будет подавать жалобу?
— раздраженный офицер за столом перевел взгляд с девушки на Кейда и обратно.

Оба молчали.

— Она не в своем районе, — пояснил второй стражник, сидевший на стуле у стены. — Так что по закону мы можем ее задержать. Хотя, если вы хотите послушать их обоих...

— Так, значит девчонка виновата! — многообещающе покачал головой офицер. — Отлично. Накажем. Но если она не собирается подавать жалобу на мужчину, то у нас на него нет ничего. Эй, Мэтрон! — полная, аккуратная женщина в серой форме поднялась со скамейки, стоявшей вдоль длинной стены, и подошла к столу. — Возьми ее, запиши имя, зарегистрируй по полной форме и оформи штраф в десять зелененьких...

— Десять зелененьких! — с отчаянием выпалила девушка. — Да у меня и синеньких-то нет! Он же у меня сегодня был первый...

— Десять зеленых, — с угрозой произнес офицер, в упор глядя на девушку, которая тут же замолчала и сникла, поняв бессмысленность своих возмущений. — Или пять дней заключения. А о своих проблемах можешь рассказать Мэтрон. Давай, убирай ее отсюда, а то я сейчас наложу

еще один штраф за препирательства с официальным лицом.

Он проводил обеих женщин строгим взглядом, затем повернулся к Кейду.

— Раз она не подала на тебя жалобу, мы отпустим тебя, только запишем твое полное имя и адрес. Это так, больше для проформы. Если вдруг понадобится дать какие-нибудь показания. Понимаешь, эти девчонки совсем обнаглели, дай им волю, они бы весь город заполонили.

Теперь было слишком поздно отступать. Отбросив все сомнения, Кейд наклонился к офицеру и тихо произнес:

— Могу я поговорить с тобой наедине?

— Ты что, человек, совсем свихнулся?! — неожиданно взорвался тот, наливаясь краской. — Говори, чего надо.

Оружейник огляделся. Поблизости никого не было, кроме стражника на стуле, который, впрочем, занимался какими-то документами и не обращал на них внимания.

— Я бы предпочел, чтобы ты разговаривал со мной более почтительно, офицер, — произнес Кейд полупшепотом, — я не гражданский.

Понимание отразилось на лице офицера. Он быстро поднялся и проводил Кейда в маленькую боковую комнатку, благоразумно прикрыв за собой дверь.

— Простите, сэр, — торопливо проговорил он. — Я представления не имел. Когда подобное случается, люди... вашего круга обычно просто представляются дежурным стражникам, а не приходят сюда, в участок. Нет, я, конечно, понимаю... вы так молоды. Скорее всего, это ваш

первый визит... на гражданскую территорию. Но в следующий раз вы просто представьтесь стражнику, вот и все...

Внутри у Кейда начало закипать, когда он сообразил, о чем говорит офицер. Эти недвусмысленные намеки оскорбляли его.

— Полагаю, вы не совсем поняли меня, — холодно отрезал Кейд. — Я сам хотел сюда прийти. Вы могли бы оказать мне неоценимую услугу, и мне, и Империи.

— Да, сэр, конечно. Я прекрасно знаю свои обязанности. Буду рад во всем помочь вам. Но сначала необходимо представиться, извините, но я вынужден попросить вас об этой услуге. Мы ведь не можем позволить гражданским...

— Представиться? Что вы имеете в виду?

— Ваш знак отличия, сэр, — он заколебался, заметив смущение на лице Кейда. — Да нет, сэр, вам не о чем беспокоиться. Все останется строго между нами... Он у вас с собой? Не оставили же вы его в Конvente, верно?

— Вы неправильно поняли меня, офицер, — возмущенно выпалил Кейд. — Вы слишком много себе позволяете. Я слышал о вырождении в ваших благородных кругах. Некоторые братья Ордена позорят свой чин, устраивая оргии и предаваясь порокам. Но я не принадлежу к их числу. Я — честный Оружейник, исполняющий службу Императора, и я требую вашего содействия в очень секретном и ответственном деле. Мне необходимо немедленно попасть в ближайший Конвент.

Офицер сложил руки на груди и хмуро посмотрел на Кейда в упор.

— Так, значит у вас нет знака отличия?

— Воины не носят всяких там значков, — взорвался Кейд.

— Воины носят оружие, — с холодным сарказмом парировал офицер, насмешливо глядя на Оружейника.

Это замечание больно задело самолюбие Кейда, однако он постарался взять себя в руки. Ярость — грех.

— Послушайте, офицер, мне необходимо добраться до ближайшего Конвента. Дело, которое я исполняю, не требует отлагательств. Оно касается государственной безопасности, и ваша обязанность — содействовать мне.

— Не стоит учить меня моим обязанностям, — угрюмо откликнулся офицер, затем подошел к внешней двери и открыл ее: — Эй, Бруг!

Стражник, встретивший Кейда на улице, подошел к ним.

— Ты не хочешь предъявить ему обвинения в пьянстве и нарушении порядка? Он либо пьян в стельку, либо свихнулся. Он что, буянил в пивной?

Бруг нахмурился:

— Да что-то такое припоминаю. Девушка упоминала вскользь...

— Ну, вот ты тогда и регистрируй жалобу. Мне, лично, не доставляет никакого удовольствия держать его здесь всю ночь. Он сообщил мне, что является Оружейником.

Бруг скорчил гримасу: вот так да!

— Знаете, офицер, а ведь именно с этого все и началось, — неожиданно припомнил он. — Этот парень попросил меня отвезти его в ближай-

ший Конвент. Откровенно говоря, я подумал, будто он просто как следует нализался. И если бы не девчонка, ни за что бы не потащил его сюда. А вы полагаете, у него не все дома?

— Не знаю, — неуверенно произнес офицер, вопросительно поглядывая на растерявшегося Кейда. — Думаю, лучше всего записать ему обвинение в пьянстве и нарушении порядка, оставить его в камере до утра, пока он проспится и протрезвеет. Глядишь мозги на место встанут, и заговорит он совсем по-другому.

Нет, это было слишком! Кейд чувствовал, что его раздражает негодование. Они принимают его за спившегося гражданского, которому пришло в голову немного пошутить.

— А я говорю вам, — вклинился он между двумя стражниками, — что я — Оружейник Кейд из Ордена Оружейников, и принадлежу французскому дивизиону — Звезда Франции. Если вы немедленно не предоставите мне возможность идентифицировать личность, то горько пожалеете об этом.

— Ну надо же..., — откуда-то из-за плеча Бруга выплыл еще один стражник: маленький, толстенький, кривоногий. Серая форма смешно обтягивала его круглый живот. — какая честь — лицом к лицу встретиться с самим Оружейником Кейдом! — идиотская улыбка красовалась на широком, словно сковорода, лице. — Прошу прощения, сэр, за несвоевременность. Но уж коли мне довелось встретиться с вами лично, не могли бы вы ответить на один вопрос? У нас тут с Бругом вчера вышел небольшой спор, и вы могли бы его разрешить. В скольких сражениях

вы принимали участие в прошлом году? Ну, или скажем, за последние пять лет?

— Я сейчас не помню, — нетерпеливо бросил Кейд. Его раздражал этот толстый идиот, пристававший к нему с глупыми вопросами. — Вряд ли сейчас это имеет хоть какое-нибудь значение. Не время, вспоминать прошлое. Я должен немедленно добраться до ближайшего Конвента и доложить обо всем, что произошло. Это крайне важно. Если вы наконец соизволите выполнить свои обязанности и помочь мне, я постараюсь не упоминать в рапорте о вашей нерадивости.

Круглолицый повернулся к офицеру:

— Ну, и что вы обо всем этом думаете, шеф? Почему бы Бругу не связаться с Конвентом и не запросить информацию об этом Оружейнике? Разве в этом есть что-нибудь зазорное?

Неожиданно на лице офицера мелькнула улыбка.

— Хорошо. Бруг, иди и свяжись с Конвентом, — и он подмигнул Кейду самым дружеским образом.

— Ладно, сделаю, — разочарованно просипел Бруг и ушел.

— Я вот думаю, Оружейник Кейд, — развязано начал круглолицый, — скольких врагов вам удалось убить с тех пор, как вы стали принимать участие в сражениях? Ну, скажем, в оборонительных операциях или наступательных.

— Что? — Кейд рассеянно уставился на толстяка. — Да я вообще-то не считал, стражник. Впрочем, насколько я знаю, ни один Оружейник не считает убитых. Это бессмысленно. Главное

ведь не это, а достижение цели и выполнение задания.

Кейду совсем не хотелось отвечать на все эти дурацкие вопросы. Но ведь парень отчасти был гражданским — хоть и носил форму — конечно, ему любопытно узнать обо всем. Кроме того, его любопытство казалось Оружейнику совершенно безобидным.

— На войне или во время конкретного сражения число убитых не играет решающей роли. Иногда, нам приходилось терять чуть ли половину своего состава при захвате какой-нибудь ничтожной высоты, которая имеет огромное стратегическое значение. А посмотри на нее вы, вашим невооруженным, нетренированным глазом, так и не заметили бы совсем.

— Подумать только! — белесые брови круглолицего поехали вверх, словно собирались взобраться на лысую макушку. — Слыхали вы такое?! За какую-то там махонькую высоту, которую-то и заметить трудно... А, Джадин, привет... — крикнул он еще одному стражнику, вошедшему в комнату. — Этот тот самый Оружейник, которого ты так мечтал видеть, — торопливо выпалил круглолицый. — Джадин может дать все факты и цифры об Оружейнике.

— Ты имеешь в виду Кейда? — горестно поинтересовался вновь вошедший. — Да, действительно, могу. Во втором квартале на его счету всего восемь убитых... хотя, конечно, это не так уж и много, только вот...

— Да это просто позор, — вмешался круглолицый. — Джадин, я и в самом деле уважаю тебя. Этот Кейд так же предан своей Франции, как и

ты. Впрочем, ладно, нечего играть в прятки, парень. Оружейник Кейд — собственной персоной. Джадин, встречай. Господин Оружейник Кейд, перед вами ваш давний поклонник.

Все это очень напоминало плохо разыгранную комедию. В комнату вошли еще трое. Двое сразу подошли к говорившим, наострив уши, а третий остался стоять в дверях. Кейд пожалел, что принялся отвечать на дурацкие вопросы круглолицего. Сейчас на его толстой физиономии появилось выражение отвратительной фамильярности.

— Ну, знаешь, это шуточки в твоем стиле, — обиженно пробурчал Джадин. — Не вижу ничего смешного, когда погибает хороший Оружейник.

— А вот этот человек утверждает, будто он — Оружейник Кейд, — ловко ввернул круглолицый и вопросительно уставился на Кейда маленькими темными глазками. — Ведь так?

— Я и есть Оружейник Кейд, — с достоинством выпалил тот, ничего не понимая.

— Вы..?!

— Достаточно! — резко оборвал офицер. — Незачем оскорблять ложью погибших за правое дело. Джадин прав, — он повернулся к Кейду и взглянул на него с отвращением, как на мерзкое животное. — Знаешь, парень, ты нарвался не на того постового, и выбрал себе не того Оружейника. Оружейник Кейд мертв, и это я знаю точно, потому что Джадин проиграл мне двенадцать зелененьких. Конечно, с его стороны было глупо утверждать, будто Кейд сумеет переплюнуть самого Гоулса... Впрочем, это так, к слову. Сейчас это не имеет никакого значения. Но раз ты лжешь, то возникает другой вопрос: кто же ты на

самом деле? И почему, интересно, выдаешь себя за Оружейника?

— Но я и есть Оружейник Кейд, — упрямо повторил парень, чувствуя, как все его существо противится этой нелепой новости о собственной смерти.

— Послушай, — терпеливо повторил офицер, пытаюсь вдолбить в мозги гражданского простую истину, которая всем присутствующим казалась абсолютно очевидной и ясной. — Оружейник Кейд был убит на прошлой неделе в подвале захваченного дома в одном из французских городков, когда его отряд атаковал засевший там вражеский гарнизон. Даже тело его нашли. Так что Кейдом ты быть никак не можешь. Тогда кто ты? Выдать себя за Оружейника — довольно серьезное преступление.

Только теперь Кейд сообразил, что Бруг выходил вовсе не для того, чтобы связаться с Конвентом и передать информацию. Он просто собрал сюда всех постовых, которые находились в участке. Сейчас в тесной комнатке столпилось человек одиннадцать — приличная компания. Доведись ему сопротивляться, им не составит особого труда скрутить его в бараний рог. Он решил отмалчиваться, поскольку настаивать на своем все равно смысла не имело.

— А знаете, по-моему, пьяным хулиганом здесь и не пахнет, — неожиданно серьезно произнес офицер в наступившей тишине. — Мы задержим его. Может он какой-нибудь опасный псих.

— Может мне рапорт написать? — поинтересовался Бруг, расплываясь в фальшивой улыбке.

— Пожалуй, — согласился офицер. — Посади-ка его в камеру, а завтра утром отправим в психушку, пусть они там его немного подлечат.

— Послушайте, офицер, — твердо произнес Кейд, — врачи в психбольнице такие же гражданские, как и вы? Я смогу убедить их в своей правоте?

— Взять его, — приказал офицер. И тут же двое добровольцев профессионально подхватили Кейда под руки. Резиновая дубинка уперлась Оружейнику в щеку: — Может ты и псих, но обязан уважать офицеров службы безопасности.

Кейд почувствовал как челюсть начала неметь. Он прекрасно знал, что может запросто стряхнуть с себя этих двоих и вышибить дух из этого паршивого офицера, тыкавшего в него дубинкой. Ну, а дальше-то что? Их здесь слишком много, со всеми разом ему все равно не справиться. “Оружейнику подабают честно исполнять свою службу,” — не без горечи подумал он. Да, он попал в неприятную ситуацию. Впрочем, сетовать не приходится: его предупреждали. Он вздохнул, вспомнив девушку. Она, как видно, была права.

— Вот так-то, — назидательно заметил офицер и наконец убрал дубинку. — А теперь заприте-ка его с Фледвиком.

Кейд не сопротивлялся, когда двое парней потащили его по коридору, втокнули в камеру и с грохотом захлопнули за ним дверь. Сейчас ему требовалось время, чтобы все хорошенько обдумать и найти выход из положения. Он даже не обратил внимания на сокамерника, который сидел на деревянной скамье, привалившись к

каменной стене. Это был маленький, щупленький мужчина до странности подозрительного вида.

— Привет, — весело окликнул он Кейда, как видно, соскучившись по общению. — А тебя за что упекли?

— Не твое дело, — недобро огрызнулся Кейд, не имея ни малейшего желания болтать с каким-то тюремным оборванцем.

— Охо-хох! — тяжело вздохнул тот. — А меня сюда сунули по чистой ошибке. Меня зовут Фледвик Зитс — учитель Клейн-дао. Преподавал на заводах "Великие Слова Императора" Там, понимаешь, что-то с деньгами напутали, и в общей неразберихе все повесили на одного меня, — он фыркнул. — Нашли козла отпущения! Ну, ничего, через пару деньков меня отсюда выпустят.

Кейд бросил на соседа по камере безразличный взгляд. Вор, самый настоящий вор, весь внешний вид говорил об этом. Неужели даже наставники Клейн-дао могут оказаться мошенниками и ворами?

— Если на девушке серебряная подвязка, что это значит? — спросил Кейд неожиданно для самого себя.

— Хм, — на лице Фледвика отразилось недоумение. — Представления не имею, — он был явно доволен, что к нему наконец обратились. — нет, конечно, мое истинное призвание...

Ну и черт с ней, раздраженно подумал Кейд. Он старательно гнал от себя мысли о ней, и все-таки ему очень хотелось узнать, что же с ней станет. Она ведь сказала, что денег у нее нет и заплатить штраф она не может. Значит ее навер-

няка посадят в камеру. А если вместе с настоящей проституткой? Он мысленно одернул себя: какая теперь разница, с кем ее посадят? Ему надо думать о своем долге. Надо как можно быстрее добраться до ближайшего Конвента и доложить о готовящемся заговоре.

— ... истинное призвание, это армия, — задумчиво рассуждал вслух Фледвик.

— Что? — встрепнулся Кейд.

— Да нет, я имею ввиду преподавательскую деятельность в армии, — тут же поправился Фледвик. — Если уж говорить откровенно, я никогда не чувствовал себя особенно счастливым, работая на заводах. Я бы предпочел служить наставником где-нибудь в отдаленном Конvente. Императору надлежит править. Настоящему воину надлежит служить Императору не за страх, а за совесть, — перевирая слова постулата, выпалил Фледвик, изображая на хитром лице чувство восторга.

Настоящий пройдоха, мелькнуло у Кейда в голове.

— Интересуешься Орденом? — спросил он, закидывая удочку. — А ты что-нибудь знаешь об Оружейнике Кейде?

— Ну, — Фледвик даже вскинул брови, — кто же не знает Оружейника Кейда?! Большая знаменитость. Особенно после последних новостей о нем. Знаешь, мы когда на заводе узнали все это, нам, откровенно говоря, было совсем не до смеха. Надо же, втянули парня в грязное дело! Бедняга, думаю, ему пришлось несладко. Не сказать, чтобы я слишком хорошо посвящен во все эти дела... просто так уж получилось, что мне прихо-

дилось организовывать ставки... ну и всякое такое, — Фледвик неопределенно махнул худой рукой, — сам понимаешь, это неплохо поддерживает моральное состояние... дух, я бы сказал, — он картинно поднял палец. — Но теперь все, как я выйду отсюда, так больше в подобные дела соваться не стану. Хватит с меня. Людям вечно кажется, будто их обманывают. Ты стараешься, стараешься... из шкуры лезешь вон... но как только какого-нибудь Оружейника... как бы это сказать, — Фледвик на секунду замолчал, пощелкав пальцами, — ну, подстрелят, что ли... обязательно кто-нибудь проиграет. А раз проиграет, то и денежки потеряет, вот тут-то все и начинается. Обязательно у них кто-нибудь виноват. А никто в сущности и не виноват, игра есть игра, ведь верно? Не хочешь рисковать, не делай ставки. Я вообще-то всегда думал...

— Заткнись, — грубо оборвал его Кейд.

Эти олухи даже не сумеют заметить разницу между ней и... да черт с ней, этой девкой, в самом деле! У него и своих неприятностей по горло. Ни с того, ни с сего все вдруг, словно сговорившись, записали его в покойники. Кейд грустно усмехнулся, прохаживаясь по камере из угла в угол. Ему просто во что бы то ни стало надо добраться до ближайшего Конвента и доложить о своем прибытии. У Оружейника ведь нет ни семьи, ни родных, ни друзей, которые могли бы подтвердить его личность. Только братья Ордена, из его родного дивизиона. А стражники, по всей вероятности, даже и не собирались беспокоить Орден. Для них и так все ясно, как божий день: Оружейник

Кейд мертв, а в камере у них сидит псих, помешавшийся на мании величия.

Да, ситуация не из приятных. Такое, вероятно, произошло впервые за все десять тысяч лет со дня Сотворения.

И теперь все было против него, и как ни крути выхода нет. Кейд подошел к тюремной койке и растянулся на ней, уставившись в серый потолок. Он почти с тоской подумал о пластиковом настиле в Конvente, о спальном мешке, в котором было так удобно и тепло. "Императору подабают править" Он только надеялся, что девушка не станет перечить и препираться со стражниками. Иначе они и в самом деле упекут ее в тюрьму и тогда уже надолго. Впрочем, черт с ней. Он ее предупреждал, а она его не послушала. Надо было не выходить за пределы своего района. Но разве это не доказывает, что она и представления не имела о законах, царивших среди проституток? Значит она не...

— Ты, — небрежно бросил Кейд сокамернику.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы проститутка работала не в своем районе?

Фледвик пожал худыми плечами:

— Да нет. Такого, как правило, не случается. Они тут все очень хорошо знают правила. Кто же станет специально нарываться на неприятности?

Неожиданно Кейду в голову пришла совершенно сумасшедшая мысль: раз они все считают его мертвым, то теперь он может быть совершенно свободным от обязательств и клятв. Глупости! Как такое могло прийти ему на ум?!

Кейду захотелось сейчас побеседовать с настоящим наставником Клейн-дао, а не с этим мелким

воришкой и мошенником. Хороший наставник всегда сумеет объяснить: в чем твои проблемы, и как их решать. Или, по крайней мере, мог бы дать толковый совет. Кейду же хотелось понять, почему все идет шиворот-навыворот, ведь он действовал совершенно правильно.

— Эй, послушай, — опять бросил Кейд, словно в пустоту. — Какое полагается наказание, если простолюдин выдает себя за Оружейника?

Фледвик задумчиво почесал грязным ногтем нос:

— Знаете, сэр, вам слегка не повезло. Двадцать лет! — в его тоне послышалось сочувствие. — Жаль, что именно мне приходится сообщать вам это, но...

— Заткнись, — снова перебил его кейд, — мне надо подумать.

Кейд с горечью подумал, что если бы неделю назад он услышал подобный приговор, то был бы шокирован и возмущен его мягкостью. Сам бы он наверняка потребовал смертную казнь за такую дерзость и наглость. Но теперь все изменилось. Приговор касался его самого. И неважно, что он оставался Оружейником Кейдом. Для всех остальных он — простолюдин, посягнувший на самое святое в Империи, на порядок.

Фледвик отвернулся, улегся на скамью лицом к стене и заразительно зевнул. Похоже, этот пройдоха собрался немного вздремнуть.

— Эй, — окликнул его Кейд. — Ты знаешь, кто я такой?

— Откуда же мне знать, — откликнулся ворчливо Фледвик, зевая во весь рот. — Ты же не соизволил представиться, когда вошел.

— Я — Оружейник Кейд из Ордена Оружейников, мой дивизион — Звезда Франции.

— Но.., — Фледвик так и подскочил на досках, его маленькие глазки ошарашенно уставились на хмурое лицо Кейда. Сонливость как ветром сдуло. — О, конечно, конечно... вы — Оружейник Кейд. Извините, сэр, я вас что-то не признал., — и он неловко заелозил, стараясь отодвинуться как можно дальше от опасного психа. Он несколько раз оглянулся на странного сокамерника, затем улегся и успокоился.

Однако такое признание не принесло Кейду никакого облегчения. Даже этот сопливый ворюшка, и тот не поверил ему. Что же говорить об остальных? А как бы он сам поступил в такой ситуации?

Кейд вдруг с ужасом понял, что первым делом сдал бы такого самозванца в участок...

“Таков закон: Императору подабает править” Он перевернулся на бок, закрыл глаза и постарался успокоиться. Может все-таки нарушение границ чужого района — не слишком большое преступление?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Кейд открыл глаза.

Грязные стены и запертая дверь сразу же напомнили о последних событиях предыдущего дня. Наставник Клейн-дао тихо похрапывал, неудобно пристроившись на самом краю широкой тюремной постели. Кейд даже ухмыльнулся. Этот ненормальный, видно, решил бодрствовать всю ночь и не спускать глаз со странного сокамерника, выдававшего себя за убитого Оружейника. Впрочем, если уж говорить откровенно, то улыбаться нечему. Все еще лежа на койке, Кейд принялся обдумывать ситуацию. Проблемы, маячившие перед ним, нисколько не радовали своей перспективой. Ему хотелось побыстрее решить их. В голове начал складываться план действий.

Уже через несколько минут напряженного размышления, он понял, что ждать дольше нельзя. Если его отправят в психушку, то ему оттуда тем более не вырваться. Он догадывался, что порядки там были куда более суровые, чем в постовом участке.

Кейд поднялся, подошел к спящему наставнику Клейн-дао и потряс его за плечо. Фледвик так и повалился головой в пол, однако тут же вскочил и наверняка бы завопил во всю глотку, если бы Кейд ловким движением не захлопнул ему рот

— Тихо, — прошептал Кейд сквозь зубы, — слушай меня, — он сел на койку и похлопал по пыльному покрывалу, приглашая маленького пройдоху приземлиться рядом. — Я собираюсь выбраться отсюда, а для этого мне требуется твоя помощь! Ну как, идет? Не выдашь меня? — и Кейд вопросительно вскинул бровь.

Фледвик лихорадочно затряс головой:

— Ну что вы, сэр, конечно, нет, — заблеял перепуганный Фледвик и его слова прозвучали вполне убедительно. Если у него и возникла подобная мысль, то теперь она прошла. — Я буду только рад помочь вам, можете мне поверить.

— Отлично, — Кейд бросил взгляд на дверной замок их камеры — обычный электронный, двухсторонний замок. — Послушай, я отопру дверь, а твоя задача — поднять шум и заманить сюда стражника.

— А ты можешь открыть замок? — перебил его Фледвик ошеломленно. — Где ты этому научился?

— Я же говорил тебе, что я — Оружейник, — резко выпалил Кейд однако тут же постарался сдержать себя. Ему не хотелось сейчас ссориться с этим проходимцем. Только от него зависел успех всего плана. — Думаю, ты не откажешься мне помочь. Это и в твоих интересах тоже, — заметил он, улавливая, как налице маленького мошенника отразилось сосредоточенность и любопытство. — У меня очень срочное донесение, которое необходимо немедленно доставить в Штаб Верховного Понтифекса. Будешь служить мне — получишь прощение, — однако к неопи-

суемому удивлению кейда, на лице наставника отразилось лишь разочарование.

Фледвик скорчил гримасу и презрительно фыркнул:

— Прощение в карман не положишь, — однако он тут же посерьезнел и торопливо добавил, словно бы стараясь скрасить впечатление от своих дерзких слов: — Впрочем, я буду рад послужить государству. Я сделаю все, что от меня требуется.

Кейд подозрительно сощурился, испытующе глядя на маленького хитреца. как бы этот притвора чего не натворил!

— Значит, ты мне не веришь, — Кейд с удовлетворением заметил растерянность на физиономии пройдохи. — Но у тебя все равно нет выбора. Хочешь ты того или нет, а помогать ты мне будешь, — Кейд криво усмехнулся, придавая лицу холодное, расчетливое выражение. Если этот мошенник и не верит ему, ладно, черт с ним, самое главное сейчас — выбраться отсюда. — Ты же сам понимаешь, — и Кейд легкомысленно пожал плечами, словно не придавая своим словам никакого значения. — Если я настоящий маньяк, то мне ведь ничего не стоит порезать тебя на кусочки. Ну как, такой вывод тебя убедил?

— Да, да! Конечно! — торопливо выпалил Фледвик, при этом вид у него был совершенно несчастный, словно он собирался удавиться.

— Отлично, — Кейд удовлетворенно потер руки. — Теперь слушай внимательно и запоминай: ты должен привлечь внимание стражника, — на секунду Кейд задумался, — ну, скажем, ты сильно заболел, тебе плохо, резкая боль... или,

на твое усмотрение... лишь бы заманить его сюда, в камеру. Он войдет и закроет за собой дверь, я в два счета разделаюсь с ним, потом отопру замок и выйду отсюда.

На лице Фледвика скользнула тревога, маленькие, глубоко посаженные глазки беспокойно забегали.

— Позвольте спросить, а что мне делать потом? Городская охрана, известное дело, не слишком жалует заключенных, которые помогают при побегах.

— Будь умницей, — мрачно нахмурился Оружейник, — и обращай ко мне надлежащим образом, согласно моему положению, — однако он тут же сменил гнев на милость. — Впрочем, ладно, от таких, как ты, многого ждать нечего. Если хочешь, можешь идти со мной. Думаю, ты мне еще понадобишься. Я совершенно не знаю города.

Кейд поднялся и подошел к двери, внимательно разглядывая замок. Маленький пройдоха подобрался сзади и через плечо принялся с любопытством наблюдать за тем, что этот странный человек собирается предпринять.

— Вы и в самом деле думаете, что справитесь с ним.. сэр? — в голосе Фледвика зазвучал благоговейный ужас.

— Болван, — без всякой злости ругнулся Кейд. — А я тебе о чем толкую? — и под недоверчивым взглядом наставника он принялся быстро орудовать с замком. Часть крышки находилась с внутренней стороны камеры. Тренированному взгляду Кейда понадобилось каких-ни-

будь парочка секунд, чтобы определить для себя строение замка и разобраться, как с ним сладить.

Фледвик даже нервно выдохнул, когда уверенные пальцы Оружейника со спокойной деловитостью принялись ощупывать механизмы замка. Не задеть пусковой крючок, подававший сигнал тревоги, обойти еще более опасные контакты, которые зубодробительным разрядом кого угодно могут свалить с ног. Все это казалось настоящей детской забавой для того, кто мог в полутьме морозящего рассвета за несколько минут смонтировать разобранный пульт пилотского управления.

С минуту поковырявшись в замке, Кейд вернул крышку на место и деловито повернулся к Фледвику.

— Ну, у меня все готово. Можешь начинать.

Плаксивая гримаса исказила маленькую физиономию.

— Сэр... а нельзя ли подождать до завтрака?

— А что у них там сегодня? — вскинул брови Кейд.

— Хлеб и жаренная колбаса, — с надеждой прогнусавил наставник.

Кейд сделал вид, будто раздумывает. Потом неожиданно резко тряхнул головой:

— Нет, я не ем мясо. Разве ты забыл, что я

— Оружейник и нахожусь на государственной службе?

Маленький мошенник смиренно кивнул и уже совершенно спокойно добавил:

— Сам себе удивляюсь, но, откровенно говоря, я уже собирался предупредить охранника, когда он войдет сюда.

Кейд невольно напрягся:

— Не смей. Если потребуется, я вам обоим заткну рты, и навсегда.

— Да, да, конечно. Я все понимаю. Интересы государства превыше всего, — забормотал мошенник, неся совершенную чушь. — Да нет, все в порядке, можешь на меня рассчитывать. Свою работу я выполняю отлично. Раз уж ты справился с замком, то мы отсюда выберемся в два счета, а тогда... у меня тут на примете есть один магазинчик готовой одежды, мне кажется, нам не мешало бы в него заглянуть. Как ты полагаешь? Удирать, так удирать, по всем правилам науки. Говоря откровенно, кое-какое представление о собственных грехах я все-таки имею. Они, конечно, не совсем напрасно сунули меня сюда, так что в дальнейшем у меня могут возникнуть кое-какие неприятности с властями. Ну, понимаешь...

— Ага, так значит, ты все-таки провинился, — подначил его Кейд. — Ничего, если выполнишь все мои приказы и поможешь добраться до Конвента, получишь прощение от Совета Оружейников. И хватит болтать. Не знаю уж, за кого ты там меня принимаешь: за грабителя, взломщика или сумасшедшего, но если ты сейчас же не начнешь вопить, я сам заставлю тебя это сделать. Но только учти: тогда твоя паршивая шкура точно пострадает. Давай, ори. Скоро наступит рассвет и весь мой план провалится.

Фледвик тяжело вздохнул, как несказанно страдающее существо, затем попробовал издать несколько стонов. получилось у него это не совсем убедительно. Но тут маленький мошенник схватился за живот и тишину предрассветных

сумерек прорезал такой могучий рев, который бы наверняка мог свалить с ног не одного дюжего верзилу. От него, казалось, завибрировали стены камеры, а в ушах мгновенно заложило. Этот вопль и правда был похож на призыв о помощи, словно парень корчился в страшной агонии.

Раздался дробный топот кованных ботинок по каменному коридору, и появились двое раздраженных, заспанных стражника, на ходу протирая глаза. Один из них, едва открылась дверь, кинулся к Фледвику, изо всех сил корчившемуся на скамье.

— Ну, что еще тут случилось? — гаркнул он, почти перекрикивая страдальческие вопли.

— Судороги! — словно ненормальный орал Фледвик, картинно закатывая глаза и корчась так, будто и в самом деле пришел его последний час. — Страшная боль! В животе все огнем горит... все тело ломит!

— Так, так, — только и произнес охранник, упирая руки в бока. Затем повернулся к Кейду и весьма вежливо предупредил: — Мой напарник следит за тобой. Одно движение — и он всыплет тебе столько, что мало не покажется. Так-то вот, голубчик, — и он демонстративно кивнул напарнику, который встал в боевую готовность у рукоятки газового механизма.

На лице Кейда ничего, кроме равнодушия, не отразилось. Он продолжал безучастно таращиться на охранника тупым взглядом, словно вообще мало что соображал. Однако в голове у него прорабатывался план действия секунда за секундой. Натренированный ум напряженно монтировал всю операцию по мельчайшим деталям. Он

снова ощутил себя Оружейником, которому предстоит вступить в единоборство с опасным противником. Задача осложнялась лишь тем, что сейчас у него не было с собой оружия. Охранник же, стоявший снаружи, похоже, не отличался ни отменной реакцией, ни особой сообразительностью.

Пальцы уверенно нажали необходимую кнопку на замке. Охранник, вошедший в камеру, нагнулся над тихо постанывающему Фледвиком, а в это время Кейд отсчитывал секунды. Когда дверь окончательно распахнулась, Кейд метнулся к наклонившемуся над Фледвиком охраннику и одним ударом смахнул его на пол. Затем прыжком преодолел всю камеру и кинулся на напарника в коридоре. И прежде, чем тот успел что-либо сообразить, оказался на полу, нокаутированный зубодробительным ударом железного кулака.

Маленький пройдоха оказался куда расторопней, чем предполагал Оружейник. Уже в следующую секунду наставник Клейн-дао оказался рядом с ним, готовый действовать.

— За мной, — приказал Кейд и даже удивился самому себе. Стоит ли командовать человеком, который должен понимать тебя с полу слова и все твои требования? Пока этот маленький пройдоха вел себя, как полагается, но кто знает, что от него можно ожидать, когда дело дойдет до настоящей драки...

Миновав несколько камер, они подошли к охранному помещению. Дверь здесь была крепкой, надежной и бронированной, на тот случай, если вдруг пришлось бы выдержать осаду взбун-

товавшихся заключенных. Ее не так-то просто было открыть.

Осторожно заглянув в маленькое смотровое окошечко, забранное частой решеткой, Кейд заметил внутри трех охранников, которые лениво подремывали в ожидании рассвета и смены поста. Впрочем, одному из них не спалось. Он стоял рядом с автоматной, считывая утренний выпуск местной газеты.

— Эй, Бонер, — воскликнул он, не отрывая взгляда от газеты. — А ведь Грэй Дэттер выиграл последний поединок в Болтиморе. Этот сопляк, которому ты должен.., — он медленно повернулся. — А где Бонер?

— Да пошел в одну из камер, — сонно отозвался стражник, сидевший на скамейке у стены и блаженно потягиваясь после тяжелой ночи непрерывного дежурства. — Опять этот чертов Фледвик чего-то там вопил, — в голосе охранника звучало благодушие. Как видно, он уже мысленно был дома, в постели.

— Давно?

— Да успокойся ты. Перед самым твоим приходом. Отправился туда с Маршаллом минуту тому назад, не больше.

Кейд так и отпрянул к стене, когда любитель свеженьких новостей направился к двери и прильнул глазом к смотровому окошку.

— Да уж что-то минута эта длится слишком долго, — услышал Кейд недовольное ворчание. — Этот Маршалл — самый тупой идиот во всем участке. На него никогда нельзя положиться, даже в мелочах. К тому же, в той же камере с

Фледвиком опасный маньяк, выдававший себя за Оружейника... Возьми-ка газовые пистолеты.

Охранник недовольно закричал и стал медленно подниматься со стула. Ему совсем не хотелось под конец дежурства тащиться в камеру и проверять, что там случилось.

— Слушай, а может перекрыть отсек? — слышался другой сонный голос.

— Догадался! А мне потом заполнять пятьдесят листов рапорта? Нет уж, давайте, шевелитесь, черт бы вас побрал!

— Умеешь стрелять из газового пистолета? — шепотом поинтересовался Кейд у трясущегося от страха наставника.

Тот только судорожно сглотнул и затряс головой.

— Тогда уйди с дороги, — решительно приказал Кейд.

Его беспокоило, что, пожалуй, впервые в своей жизни, он вынужден действовать совершенно безоружным, полагаясь лишь на собственную сообразительность и реакцию рук.

“Говорят, мы не ведаем страха, — с раздражением подумал он. — Неправда. Мы боимся, как и любой другой человек. Просто нам чаще, чем другим, приходится это скрывать”

“Арль, Верховный Понтифекс. Ты чувствуешь себя в любой опасной обстановке, как рыба в воде. Я клянусь, что тебе не придется за меня краснеть” Пообещал он мысленно самому себе. Его охватила решимость разделаться с врагами. Кейд вдруг вспомнил одного старого Оружейника, который любую, даже самую захудалую стыч-

ку считал отличным шансом для сынов Ордена завоевать себе признание и славу.

Тяжелая дверь открылась, и любитель новостей первым появился на пороге. Кейд почти автоматически нанес молниеносный удар меж ребер по незащищенному месту, выхватил газовый пистолет у охранника и выпустил две меткие струи в проем приоткрытой двери. Один из солдат, падая, все-таки успел выстрелить, но струя ударила в стену, высоко под потолком, так никого и не задев.

— Ну, теперь уж нам точно не сдобровать, — прогнусавил старый мошенник с отчаянием глядя на три тела, валявшиеся у его ног.

Кейд только отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и двинулся через охранное отделение. Выглянув на улицу и убедившись, что там все спокойно и вокруг никого нет, он вернулся за перепуганным наставником, который так и стоял у двери, вжавшись в угол.

— Пошли, — скомандовал Кейд, кинув газовый пистолет на грудь одного из охранников.

Однако Фледвик тут же подобрал оружие.

— Зачем вы его оставляете..? — Кейд так красноречиво глянул на старого прощелыгу, что тот торопливо добавил, переходя на испуганный шепот: — ... сэр?

— Положи назад, — приказал Кейд. — Эта игрушка не годится для настоящего Оружейника. Ни один брат из нашего Ордена не станет марать руки о.., — он запнулся, явно не желая называть газовый пистолет оружием, — ... об это. Я воспользовался им только потому, что не было другого выхода.

По лицу Фледвика скользнуло странное выражение, уже однажды замеченное Оружейником еще там, в камере. Это была невероятная смесь почтительного смирения, недоумения, симпатии и в то же время снисходительности. Кейд был знаком с этим выражением. Оно частенько появлялось на лицах высокопоставленных особ двора, особенно у молодых леди. Да, ошибиться он не мог, именно так смотрел на него этот мошенник, и это несколько озадачило Оружейника.

— Как вы думаете... сэр, — осторожно поинтересовался Наставник Клейн-дао. — Не могли бы вы взять этот пистолет на случай крайней необходимости? Я ведь и сам могу его нести, если вам... сэр, это не по вкусу.

— Делай, как хочешь, — коротко отрезал Кейд, — только пошевеливайся.

Фледвик опустил пистолет во внутренний карман рубахи и старательно перепоясался широким ремнем, чтобы не потерять такую драгоценность.

Кейд уже двинулся к входной двери, когда старый учитель ухватил Оружейника за локоть:

— Извините... сэр, мне кажется, с этими охранниками нужно что-то сделать. как вы думаете? Может оттащить их в камеру и закрыть там?

Кейд лишь раздраженно передернул плечами:

— Глупости все это. Когда они обнаружат побег, мы уже окажемся в Конvente.

Фледвик только тяжело вздохнул, но спорить не посмел. Он молча двинулся за Кейдом вниз по лестнице и вышел на пустынную предрассветную улицу.

Стоял легкий туман, зыбкий свет пробуждающегося дня едва занимался на горизонте, бросая

свои бледные лучи в черное бездонное небо над крышами многоэтажных домов. Два зеленых огонька из окон охранного помещения бросали две длинные полосы света на мостовую, и в них две тени — Оружейника и старого Наставника, которые торопливо шагали по улице, стараясь побыстрее покинуть злополучное место.

— А далеко отсюда ближайший Конвент? — поинтересовался Кейд, слегка сбавляя шаг.

— На окраине Абердина, на север. Примерно в пяти километрах на запад, если ехать по главному шоссе. Оно как раз пересекается с широкой улицей, где стоят два многоквартирных дома.

— Мне понадобится машина, — сосредоточенно бросил Кейд, прикидывая в уме план последующих действий.

— Машину еще украсть надо, — с сомнением заметил учитель.

— Реквизировать для нужд государственной службы, — раздраженно поправил его Кейд.

Кража — реквизиция. Какими странными иной раз могут оказаться вещи, когда сталкиваешься с ними помимо службы. Занятно, раньше ему ничего такого в голову не приходило. Впрочем, раньше ему и автомобилей красть не доводилось. Эта мысль вызвала в нем угрызения совести, но он тут же вспомнил заповедь: "Оружейник без колебаний идет туда, куда направляет его всевластная рука Императора — в этом его слава".

Да, именно, без колебаний идти вперед, даже если на нем не армейская форма, а какой-то гражданский балахон и мягкие, разношенные туфли. Даже если ехать ему придется не на

привычном вездеходе-броневике, а на реквизируемой машине.

Подобное задание казалось ему не таким уж и сложным, он справится с ним в два счета. Вот только девушка... Мысль о ней отдалась в сознании тревогой. Ей наверняка сейчас было совсем нелегко. Он чувствовал виноватым перед ней. Теперь, когда ему удалось вырваться на свободу, ему бы надо было проследить за ней и ребятами из охранного отделения. Они наверняка обращаются с ней грубо. Еще прошлой ночью он убедился: на мелкую гнусную месть они вполне способны. Конечно, все они были его братьями, но если наставники Клейн-дао еще поддерживали свой авторитет и заботились о престиже, то что уж говорить о простых смертных? Надо бы дать им понять, что он пристально следит за ними и не выпускает из вида ни на секунду.

— Вот отличная машина, — неожиданно прервал его размышления Фледвик, указывая на автомобиль, припаркованный у самой мостовой. — Последняя модель. Смотри-ка, а ведь она заправлена под завязку. Нам вполне хватит бензина укатить хоть на край света, — не без удовольствия заметил Фледвик, подходя к автомобилю и заглядывая в боковое стекло.

— Заперта? Давай я займусь замком, — предложил Оружейник, но Фледвик лишь отмахнулся.

— Не беспокойся, я и сам справлюсь. Мне уже не раз приходилось иметь дело с такой моделью.

Наставник Клейн-дао снял свой форменный ремень, который, как оказалось, был сделан из удивительно тонкой кожи, сложенной втрое. Из

складок пояса он вынул металлическую пластину и осторожно вставил в замок машины. Послышался легкий щелчок, дверца открылась.

Кейд пристально следил за маленьким мошенником, пока тот заботливо прятал пластину обратно в пояс. Заметив этот настороженный взгляд Оружейника, пройдоха неловко прокашлялся и наконец объяснил:

— Понимаешь, я хоть и зарабатываю немного, но кое-что мне все-таки удалось накопить. Вот и хотел купить себе такую модель. А тут как раз недалеко, на соседней улице, в мастерской работает один умник, делает вот такие штучки. Ну, я и заказал одну... ну, так, на всякий случай. Мало ли что может произойти, всегда под рукой... ключ. И проблем никаких.

— А что может случиться с машиной, которую ты так и не купил? — поддел его Кейд.

— Но это же простая предусмотрительность, не более. Разве не так, сэр?

— Ну вот что. Можешь идти на все четыре стороны. Незачем тебе таскаться со мной. Полагаю, Оружейнику не полагается связываться с гражданским, разве только в исключительных случаях. Спасибо тебе за службу и прощай. Может тебе будет приятно осознавать, что ты оказал услугу государству, — выдал из себя Кейд, садясь в машину.

Однако, как видно, Фледвик и не собирался отступать. Он ухватил Оружейника за руку:

— Сэр, мне было бы куда приятнее сопровождать вас. Вы ведь говорили о помиловании...

— Его тебе вышлют, — бросил Кейд, пытаясь захлопнуть дверцу.

— Сэр, а вдруг официальная бумага меня не найдет, — просяще тараторил Фледвик. — Поверьте, я всей душой мечтаю вернуться к своей пастве, преподавать учение Клейн-дао простым честным труженикам в мастерских. Но до тех пор, пока я не получу помилования, меня назад на работу не примут.

— Ладно, садись, — наконец сдался Кейд, уступая настырному учителю. — Нет, нет, садись сзади. Машину поведу я. Дай тебе в руки пульт управления — ты точно бед натворишь, — он завел машину и тронулся в сторону основного шоссе.

— Только держите пятнадцать миль в час, — предупредил Фледвик. — А то радарные счетчики сразу же выставят барьер впереди.

Это было действительно ценное предупреждение. Кейд старательно выдерживал скорость, не желая привлекать к себе внимание. Если бы на улице не было к тому времени так много пешеходов, торопившихся по своим утренним делам, полиция наверняка бы остановила его.

Они тащились по автостраде, с двух сторон которой тянулись сплошные магазинчики розничной торговли, на витринах и прилавках которых лежали самые разнообразные товары в маленьких упаковках, рассчитанных на одного человека. Все они были однотипными и похожими друг на друга, как братья-близнецы.

Кажется, Фледвик совершенно не обращал внимания на то, что творится вокруг. Он перегнулся вперед и включил радио. Краем глаза Кейд заметил, что пройдоха ищет частоту неавтоматического управления.

“Почему гражданские не имеют сознательности членов Службы? — удивленно рассуждал про себя Кейд. — Единая форма, единые столовые, где люди бы питались все вместе. Это ведь так удобно.” Обычный стереотип овладел им: слабые, вялые, пресыщенные удовольствиями — вот кто такие граждане его Империи.

Как ему хотелось поскорее попасть в Конвент, съесть свой обычный завтрак и заняться привычной работой, такой знакомой и приятной для него. Он знал, что это могло бы успокоить все тревожные мысли, которые одолевали его последние несколько дней. И это еще раз доказывало, что власть Службы Порядка была мудрой и продуманной до мелочей. Ни один из братьев не должен подвергаться опасности вне государственной службы или после выполнения сложного задания. Пусть члены Братства покоряют землю и воздух, любой Конвент для них — родной дом. И это правильно.

А ведь опасности вокруг было предостаточно. Теперь его мучили угрызения совести за то, что раньше посторонние, чужие мысли много раз отвлекали его от прямых обязанностей и размышлений о Конвенте и дивизионе. Сегодня же утром, едва проснувшись, он постарался вызвать в себе раздражение своей отчужденностью от общих дел. Кейду казалось, будто и сон был иным, пока он находился вне Конвента.

— Кейд, — неожиданно позвал Фледвик. — Послушайте!

Похоже, радио передавало официальное сообщение:

“... выдает себя за погибшего Оружейника

Кейда. С ним Наставник Клейн-дао Фледвик Зитс... они вооружены газовым пистолетом средней дальности. Известно, что мошенник, выдающий себя за Кейда, обладает невероятной ловкостью и силой, присущей умалишенным. Зитс невооружен, в боевых искусствах неопытен. Повторяем: всеобщая тревога. Всем, всем, всем: схватить двух преступников, бежавших сегодня утром из седьмого Отделения Охраны. Зачинщиком побега является опасный злоумышленник, выдающий себя за погибшего Оружейника из французского дивизиона..."

Радио еще раз повторило все сообщение и замолчало.

— Машины пока не хватились, — довольно спокойно проконстатировал Кейд.

— Еще хватятся, — мрачно заверил Фледвик, у которого поубавилось оптимизма после такого многообещающего сообщения. — А может и обнаружили пропажу, да не догадались пока связать ее с побегом, — и он только расстроено пожал плечами. Мало ему было собственных грехов, теперь еще и это. Он шкурой чувствовал, что из такой передряги ему уже сухим не выбраться.

Три квартала он угрюмо молчал, думая о чем-то своем, а затем не без злости пробормотал:

— Невооружен и не опасен, — он нащупал газовый пистолет под рубашкой. — Как же: не вооружен! Сэр, скоро мы окажемся за городом. Лишь бы ловушки не поставили.

— Ловушки? — встревоженно переспросил Кейд, внимательно следя за дорогой и даже не обернувшись.

— Они ведь наверняка перекроют все выходы из города и запрут ворота, — откликнулся Фледвик кислым тоном. — Впрочем, пока им неизвестно о машине, они первым делом блокируют весь общественный транспорт. У нас еще есть кое-какой шанс, — это был единственный лучик надежды.

Кейд по-прежнему не превышал пятнадцати километров в час. Солнце уже поднялось над горизонтом, и автотранспорт, двигавшийся в город, теперь шел сплошным потоком. Однажды они проехали мимо машины, которую задержали в черте города. Крепкая решетка с толстыми шипами прочно удерживала автомобиль на месте, не давая ему возможности двинуться с места. Машину явно остановили для проверки.

— Они останавливают у городских ворот, — заметил Фледвик. — Когда подъедем, дави на газ. Эта модель самая скоростная, полицейские ее не догонят.

Ловушка еще не захлопнулась. Они легко проскочили мимо сонного часового, который, либо не слышал сигнала тревоги, либо решил, что дела седьмого Участка его вообще не касаются.

Как ни настаивал Фледвик, а инстинкт подсказывал Кейду, что увеличивать скорость не стоит. Попробуй он только рвануть на всех парусах, как тотчас же привлечет внимание полиции, а тогда от них уже не отделаешься. Он нашел разумный вариант, ведя машину на двадцати километрах в час — неприметная скорость, с которой обычно ездят не слишком расторопные любители путешествий.

Когда мимо них проскочила патрульная маши-

на, мигая зелеными огнями на крыше, Фледвик так и замер, вжавшись в мягкое сидение. Однако, как видно, полицейские даже внимания не обратили на спокойно ехавшую последнюю модель.

В этот ранний час, когда люди торопились на работу, автострада пестрела машинами всех марок и модификаций. Беглецам удалось слиться с этим оживленным потоком, ничем из него не выделяясь.

Наконец впереди показалась серая громадина.

— Конвент, — одними губами, почти беззвучно прошептал Фледвик, указывая на нее.

Кейд облегченно вздохнул. Похоже, весь этот кошмар наконец-то близится к концу.

Неожиданно радио снова заработало. Голос в динамике вибрировал от напряжения:

— Всем, всем, всем! Полицейским, постовым, служащим охраны! Сегодня утром из седьмого Участка Охраны сбежали два опасных преступника. Один из них злостный мошенник, выдающий себя за погибшего Оружейника Кейда, второй.., — они повторяются, подумал Кейд, машинально прислушиваясь к словам диктора, однако то, что он услышал в следующую минуту, заставило его напрячься: — Всем, всем, всем! Оба преступника вооружены и крайне опасны. Они представляют угрозу безопасности и спокойствию граждан города. Приказ: найти и уничтожить на месте. В переговоры с преступниками не вступать, гарантий жизни и безопасности не давать. Стрелять на месте без предупреждения, только на поражение. Всем полицейским, служащим Охраны и патрульным, использовать боевое оружие, газовые пистолеты дальнего действия,

стрелять только на поражение. Особые приметы...

Кейду даже пришлось немного притормозить, внимательно слушая свои собственные приметы и описание внешности. Он боялся останавливаться, чтобы не привлечь к себе внимание патрульной полиции.

Его явно изображали опасным, полупомешанным маньяком-убийцей, который пролил реки крови ни в чем не повинных граждан и способен на любое зверство. Досталось и Фледвику. Конечно, Кейд мало имел представления о прошлом маленького учителя, но тому приписали такую кучу серьезных преступлений, за которые можно было проторчать в тюрьме весь остаток своей короткой и безрадостной жизни.

— Ну вот, теперь ты тоже не лучше меня, — растерянно произнес Оружейник, когда сообщение закончилось.

Фледвик ответил на это таким диким набором проклятий, от которых Кейду захотелось заткнуть уши.

— Это ты во всем виноват! — бушевал маленький учитель. — Ты втянул меня в это дело! Боже мой, и каким же я был дураком! Отсидел бы свои пять лет, и никаких проблем! У меня ведь куча друзей, они наверняка помогли бы мне выбраться оттуда. А теперь? Теперь меня ждет либо пуля в лоб, либо виселица. И надо же было тебе устроить этот паршивый побег! И я ведь поверил тебе, как последний идиот!

Кейд только покачал головой. Эта словесная буря, как видно, нисколько не задела его. Он словно и не слышал ее.

— Но я и в самом деле Оружейник Кейд, — не то обращаясь к Наставнику, не то отвечая на свои собственные потаенные мысли, бросил кейд горестно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

— Это просто какая-то нелепая ошибка, вот и все, — медленно произнес Кейд, рассеянно глядя перед собой.

— Замечательно, — кислым тоном откликнулся маленький мошенник. — А пока нас не прихлопнули из-за этой дурацкой ошибки, может вы... сэр, решите, как нам действовать дальше? Конвент уже совсем близко, но, откровенно говоря, мне что-то не очень хочется испытать на себе гостеприимство ваших Братьев по Ордену. Я вот думаю, что мне это не доставит никакого удовольствия, — и Фледвик скривился.

— Ты абсолютно прав, — откликнулся Кейд. — Братья должны выполнять все приказы, которые поступают по официальной радиочастоте, — Кейд чувствовал, что голос его звучит виновато. Впрочем, в определенном смысле он действительно был немного виноват перед этим старым учителем. Ведь именно он, Кейд, втянул маленького воришку в это опасное дело. — Это их долг. Я бы и сам, не задумываясь, бросился исполнять приказ старшего по званию, просто сейчас, когда это все случилось именно со мной... не знаю, мне все-таки кажется, что приказ слишком странный. Вряд ли такое случалось за все десять тысяч лет со дня Великого Сотворения. Подобного перепо-

лоха не поднимают никогда, даже из-за побега особо опасных преступников.

Все это Кейд выговаривал скорее из желания облегчить собственную душу, чем для учителя. Однако, на Фледвика такая небольшая исповедь подействовала успокаивающе и отрезвляюще. Он немного поутих, внимательно оглядел с головы до ног своего случайного компаньона, а затем сказал:

— Знаешь, там, в камере, когда ты за несколько секунд справился с замком, я подумал, что ты либо Оружейник, либо отменный взломщик, с таким уровнем профессионализма, какой не снился ни одному знаменитому домушнику. Потом, когда ты одним махом расправился с пятью охранниками, я решил, что ты либо Оружейник, либо отменный взломщик да к тому же еще и отличный боец, каких мало. Но когда ты отшвырнул газовый пистолет и сказал, что не хочешь марать об него руки, я понял: ты действительно Оружейник, — и Фледвик красноречиво покачал головой, словно бы говоря: да, друг, тут уж ничего не поделаешь. — Сейчас я и сам понимаю, что все это — нелепая ошибка, но если так, как же ты сможешь доказать свою правоту? Полиция только и ждет твоего появления в городе, а уж в Конвенте из тебя точно сделают поджаристую отбивную...

Внезапно Кейд рассмеялся. Ну конечно, как же он мог не подумать о таком легком и единственно правильном решении? Ведь Орден устроен так гармонично и безупречно. Ответ на все вопросы был прост до гениальности! Кейд так резко развернул машину, что Фледвик, не успев ухва-

титься за спинку переднего кресла, завалился на бок вверх ногами.

— Да ты совсем с ума сошел.., — с горяча выпалил он, но потом опомнился и тут же добавил: — ... сэр.

— Я знаю, куда нам направиться, — торжествуя произнес Кейд, даже не обратив внимания на оскорбительный выпад Фледвика. — К Верховному Понтифексу!

— К Верховному Понтифексу? — вяло переспросил Фледвик. — Глава Ордена? А он прикажет пристрелить нас, едва мы переступим порог? — при одной этой мысли старого учителя невольно передернуло. — Он ведь важная шишка...

— Не болтай глупостей, — резко оборвал его Кейд. — Конечно, нет. Уж если кому и разобраться в этом запутанном деле, так это Понтифексу.

Кейд замолчал, стараясь лучше подобрать слова. Ему хотелось объяснить Фледвику все величие этого понятия — Верховный Понтифекс, Глава Ордена Оружейников. Но в то же время он прекрасно понимал, что ничего у него не выйдет. В Ордене было много вещей, значение которых скорее можно было почувствовать, нежели понять умом или объяснить логически. Персона Верховного Понтифекса была одной из них. Ни один гражданский, даже если он по роду своей деятельности связан с учением Клейн-дао, не сумеет понять сложность подобного символа.

— Все мы, в Ордене, являемся друг другу Братями, — медленно начал Кейд, — мы — одна огромная семья, и Верховный Понтифекс — наш отец. Главнокомандующий выдает нам назначения, посылая в различные дивизионы, но ни один

документ не действителен до тех пор, пока на нем не стоит печать Верховного Понтифекса. Она хранится в кобуре Главы Ордена, он никогда не расстаётся с ней. Это символ его власти, могущества и главенства. Перед тем, как стать Воином, мы проходим обряд инициации, и тогда мы своим оружием прикасаемся к оружию Верховного Понтифекса. Только с этого момента мы становимся полноправными Братьями Ордена, и с этого момента на нас возлагаются те обязанности, которые мы потом будем нести всю жизнь, — Кейд уже больше не подбирал слова. Они лились сами собой, словно ему каждый день приходилось произносить подобные речи. Сейчас его переполняла гордость своей принадлежности Ордену, и он не пытался этого скрывать. — Память об этом священном прикосновении делает нашу руку твердой в бою, глаз зорким, а решимость победить непоколебимой. Он придает нам мужество и смекалку.

Было много такого, о чем Кейд даже не мог говорить. Братья Ордена понимали это интуитивно, без слов, гражданским же все это чуждо. Конечно, и у него в жизни случались моменты, о которых не хотелось вспоминать, когда тряслись колени, а ладони покрывались липким потом страха. И тогда он заставлял себя вспомнить, что в эту самую минуту Верховный Понтифекс следит за ним с тревогой и заботой на челе. И тогда колени переставали трястись, а пот высыхал, и Кейд начинал ощущать лишь уверенность в себе и решимость шагнуть навстречу смерти с открытыми глазами. И он шел вперед, шел под ярост-

ным огнем противника, чтобы исполнить свой долг, как подабают настоящему Оружейнику.

— Этот святой Оружейник.., — насмешливо начал было Фледвик, но Кейд не дал ему закончить:

— Молчи, вор! Я не потерплю подобного неуважения к благородной особе Верховного Понтифекса, — в его предупреждении прозвучало столько гнева, что Фледвик съёжился и замолчал.

Несколько секунд они ехали в тишине.

— Простите.., — наконец решился прервать молчание маленький хитрец. — Можно мне сказать?

— Подобающим образом, — для острастки прорычал Кейд, давая понять, что несмотря на сложившуюся ситуацию, дерзостей он больше не потерпит.

— Да нет, сэр, все правильно. Вы отчитали меня за дело, — конечно, звучало это не слишком искренне, но большего Кейд от такого проходимца ожидать и не мог. Откуда же гражданскому знать, что все их проблемы почти решены, стоит только добраться до Верховного Понтифекса.

— Прошу прощения, сэр, а могу я узнать, где живет Глава Ордена?

Кейд не задумываясь процитировал слова из древнего ритуала:

— В одной из пещер Вашингтона, за рекой Потомак, к югу от огромной пещеры, которая в сущности пещерой не является. Название ей Александрия.

— Пещеры Вашингтона! — как ненормальный завопил Фледвик, словно увидел привидение или

вампира из древних сказок. — Нет, нет, ни за что! Уж лучше я сразу сдамся Стражникам! — он принялся истерично колотить по стеклу и дергать ручку. — Выпустите меня! Пусть лучше мне прямо на дороге выпустят кишки, но я туда не поеду! Выпустите меня! Выпустите!

Кейду уже однажды довелось видеть подобную истерику у одного из новичков, когда они попали под нависной огонь противника. Тогда он справился с ней довольно легко, и теперь уже знал, как действовать.

— Молчать! — рявкнул он так, что стекла звякнули. — Стыдись! Ты же образованный человек, как ты можешь повторять всякие глупости невежественных мещан? Ты же был Наставником Клейн-дао!

Фледвик весь съежился, замер, вжавшись в сидение, и затих. Потом недовольно пробурчал:

— Может все это и глупости, да только я тоже не такой уж дурак. Вы и сами прекрасно знаете, что там очень опасно. К тому же не забывайте, я родился и вырос среди этих, как вы изволили выразиться, “невежественных мещан”, — он помолчал. — Я, конечно, не особенно верю во всю ту ерунду, которую рассказывают про пещеры, но вы меня так ошарашили... Все это так неожиданно. Я же помню, как еще в детстве, стоило мне только немного поозорничать, как мать тут же начинала меня пугать этими проклятыми пещерами. Вот, мол, отведу тебя туда и брошу там. Я до сих пор помню все, что она мне говорила. Наверное никогда не забуду:

“Я отведу тебя в пещеры: и придет Биту-девять и отрежет раскаленными ножами тебе пальцы на

руках и ногах; и придет Биту-пять, и насыпет тебе в горло шарики из раскаленного металла; и придет Бифай-во и разотрет твои руки и ноги на раскаленной терке. И наконец, если ты все-таки будешь плохо себя вести, то придет Битри-шесть и настигнет тебя, даже если ты будешь убегать от него из одной пещеры в другую, крича и плача в темноте. И сколько бы ты не молил его о пощаде, Битри-шесть с рычанием и воем догонит тебя идохнет своим зловонным, ядовитым дыханием. И это будет для тебя самым страшным наказанием, потому что кости твои расплавятся, и ты будешь гореть вечно."

Кейд только удивленно покачал головой, услышав весь этот бред. Неужели кто-то еще верит во все эти глупости? Впрочем, за примером далеко ходить не стоит. Как видно, Фледвик верил, пусть отчасти, но все-таки.

Какое-то время маленький учитель сидел тихо, подавленно молчал, потом не вытерпел и недовольно пробурчал:

— Старая карга! Наподдать бы ей хорошенечко! — Кейд заметил, что лицо Фледвик покрыто холодным потом. Старый учитель и в самом деле боялся. — Я далеко не дурак, — воинственно выпалил воришка. — Но вы ведь согласны, что есть в этих Пещерах нечто странное?

— Да, уж во всяком случае, ночевать рядом с ними я не стал, — мягко заметил Кейд, на которого произвели огромное впечатление детские воспоминания Фледвика. Не удивительно, подумал он, что все мещане такие глупые и всего боятся. Станешь трусом, когда с детства в голову

вдалбливают всякую несусветную чушь. Сам он считал, что в Пещерах ничего страшного не было.

— Внимание всем полицейским, постовым и воинам, — завибрировал динамик радио. Это уже был не прежний дикторский голос, негодующий и гневный, но и этот, с его холодной сталью, не обещал ничего хорошего. Впрочем, морально Кейд к этому уже приготовился. — Самозванец, выдающий себя за Оружейника Кейда и бывший Наставник Клейн-дао Фледвик Зитс, как стало известно, похитили автомобиль “Слава Империи” АВ-779. Охранники и полицейские должны стрелять по похитителям из газовых пистолетов дальнего действия. В переговоры не вступать, парализованных преступников необходимо немедленно доставить в ближайший Конвент, для приведения в исполнение смертельного приговора. Приказ Воинам остается неизменным — открывать огонь на поражение без предупреждения, наземный автомобиль немедленно уничтожить, злоумышленников, если они обнаружены вне машины, убить. Повторяю, автомобиль новой модели “Слава Империи АВ-779.”

Передача закончилась и только спокойное урчание мотора, да жалобные всхлипывания Фледвика нарушали гнетущую тишину.

— Не теряй присутствия духа, — строго скомандовал Кейд, понимая, что сейчас он должен взять на себя руководство операцией. — Сейчас мы выберемся отсюда.

Он остановил машину и порылся в небольшом бардачке, в поисках карты. Она валялась там вместе со множеством других вещей, свернутая вчетверо. Кейд развернул ее, убедился, что на ней

обозначены окрестности Вашингтона, сунул себе в карман и выбрался из машины, почти силой вытащив и Фледвика.

Немного повозившись с приборной доской, Кейд настроил машину на режим автопилота со скоростью 20 километров в час, затемнил стекла и направил автомобиль по шоссе в сторону города.

Стоя в придорожных кустах, маленький ворюшка провожал взглядом удаляющуюся машину. Когда она скрылась из вида, он повернулся к Кейду:

— И что мы теперь будем делать? — безжизненным тоном спросил он, словно лишился последней надежды.

— Пойдем пешком, — строго ответил Кейд. — Во всяком случае, так мы скорее всего сумеем добраться до Верховного Понтифекса.

Фледвик скорчил плаксивую гримасу.

— И прекрати скулить, — резко оборвал его Оружейник. — Вполне вероятно, что какой-нибудь Воин заметит машину и выстрелит в нее, не заглянув внутрь. Тогда им понадобится довольно много времени выяснить: был там кто-нибудь или нет.

Однако, похоже, Фледвика несколько не успокаивала такая перспектива. Он продолжал хныкать, и это больше походило на каприз маленького ребенка. Кейд потерял терпение:

— Послушай, если ты и дальше собираешься хныкать и скулить, то нам лучше разойтись. Я и дин могу добраться до Верховного, а ты заройся где-нибудь здесь и пережди несколько дней. Когда

все прояснится, тебе уже ничто не будет угрожать.

Старый мошенник сипло всхлипнул последний раз и посмотрел на Кейда спокойными, ясными глазами.

— Ни черта подобного, Оружейник. Показывай дорогу. Я иду с тобой.

И зачем, интересно, этот прощелыга, устроил такую комедию? Неужели хотел разжалобить? Выяснять это Кейд не стал и потащил Фледвика подальше от дороги по вспаханному полю.

Х Х Х

Пятидневный переход по пересеченной местности был для опытного Оружейника детской забавой. Он снова почувствовал себя в своей стихии, занявшись привычным делом, к которому его готовили долгие годы. Он прекрасно справлялся со всеми сложностями изнурительного путешествия, но больше всего его удивлял Фледвик. Кейд уже морально подготовился к постоянному нытью, скулежу, истерики, по поводу стертых ног и гнусавым жалобам. Однако, как это ни странно, старый Наставник Клейн-дао переносил тяготы путешествия с наименьшей стойкостью, чем сам Оружейник. Он ни разу не пожаловался на усталость и неудобства. Наоборот, его смекалка и житейский опыт, которых был напроць лишен Кейд, живший только в пределах Конвента, выручали их довольно часто.

Однажды, на пятый день пути, им пришлось по-пластунски переползать довольно обширный огород, прилегавший к крупной птицеферме. И

тут Кейд обнаружил, что растерян и не знает, как поступить. Во время военных действий с продовольственными запасами проблем не возникало. Если их не успевали поставить из дивизиона, то Братья могли потребовать еду у гражданского населения, которые были обязаны содействовать членам Ордена. В худшем случае, насколько знал Кейд, все необходимое брали силой, поскольку в таких ситуациях речь шла, как правило, о решении проблем государственного масштаба. Но сейчас, здесь, обстановка сложилась совершенно иная. Да, он продолжал находиться на службе Императора, но ведь военных действий никто не вел. Более того, его самого официально записали в преступники, и значит, все, что он возьмет силой или без разрешения — грабеж и воровство. Кейд буквально разрывался от двойственных чувств. С одной стороны он понимал, что погибнет от голода, если не украдет пищу, с другой — гордость не позволяла ему унизиться до такой мерзости.

Вероятно, мучениям несчастного Оружейника не было бы конца, если бы инициативу в свои руки не взял маленький пройдоха. Не долго думая, Фледвик выудил из широкого пояса необычный инструмент и с его помощью за несколько секунд сделал вполне приличную дыру в проволочной сетке, которая отделяла поля от самой фермы. Затем он выловил из кармана несколько горошин, набранных еще раньше, и накидал их рядом с сеткой. Уже через несколько минут глупые куры оказались на их стороне. Фледвику не доставило никаких проблем переловить их

всех и живо, одним движением руки, скрутить им всем головы.

Через полчаса они уже были довольно далеко от фермы, а их походный мешок со свежим мясом оттягивал Кейду руку.

После всего этого Оружейник назначил Фледвика интендантом их маленького отряда. Однако все попытки маленького пройдохи немедленно расправиться с добычей натолкнулись на непреступную решимость Кейда следовать заповедям Клейн-дао. Как ни мучил его голод, а он отказался наотрез есть мясо до захода солнца и запретил это делать Фледвику, не желая понапрасну сидеть в сторонке и пускать слюни. Немного повздыхав, старый учитель вынужден был согласиться и принялся грызть морковку напару с Оружейником.

Однажды они едва не напоролись на патруль. На второй день пути, находясь на заброшенной бумажной фабрике, они увидели большую крытую машину, которая проезжала совсем рядом, по дороге. Неожиданно она затормозила и остановилась, из кабины выскочил офицер охранной службы и принялся командовать. Из кузова повыскакивал целый взвод солдат, они построились цепью и принялись прочесывать соседнее поле. Кейд и Фледвик залегли в каких-нибудь паре десятков метров от этой опасной шеренги. Если бы офицер выбрал именно их участок, то вряд ли Кейду удалось спастись — солдаты проходили слишком плотно. Впрочем, во время сражений ему приходилось выкарабкиваться и не из таких ситуаций. За себя он не волновался. Его мог выдать старый учитель. Стоило ему только запа-

никовать, как тогда, в машине, и он бы выдал их обоих. Однако старый плутишка, видать, настолько перепугался, что не мог ни двинуться, ни выдать из себя ни звука.

Когда шеренга удалилась на достаточное расстояние, Кейд жестом приказал Фледвику двигаться за ним и пополз в другую сторону, подальше от отряда. Когда солдаты вернулись к машине, оба беглеца оказались уже в полной безопасности.

Несмотря на весь свой страх, Фледвик оказался весьма смышленным учеником. Ему быстро удалось перенять некоторые повадки настоящего Оружейника: бесшумно переползать с места на место, прятаться за кустами и деревьями, быстро перебегать открытые пространства, вовремя замечать опасность... Кейд в некоторой степени даже гордился таким учеником. Из старого проходимца мог бы выйти неплохой разведчик... ну, конечно, если бы он был слегка помоложе и принадлежал к благородному Ордену. Поймав себя на подобных мыслях, Оружейник даже удивился, еще несколько дней назад он бы ни за что не поверил, будто мог подумать такое о гражданском, да еще разжалованном Наставнике Клейн-дао, провинившимся в воровстве.

Однако во время этого необычного путешествия Кейду пришлось пойти на куда большие компромиссы. Уступив настойчивым домоганиям Фледвика, он наконец научил этого маленького мошенника управляться с газовым пистолетом. Не без брезгливости он взял в руки это грязное оружие и принялся показывать, как его разбирать, как наводить прицел, как целиться и стре-

лять. Остальное было делом практики. У них в запасе было несколько холостых патронов, и Фледвик с удовольствием ими воспользовался. Он тренировался в течение целого дня и научился довольно сносно попадать в цель. По мнению Кейда для гражданского этого было вполне достаточно. Он даже потрудился объяснить старому учителю, какая разница между газовым пистолетом охранников и настоящим оружием Оружейников. Что ружью Ордена соответствовала целая система символов и ритуалов, на что не мог претендовать газовый пистолет — оружие мещан.

Однако в ходе этого общения Кейд не только вдалбливал истины в голову коротышки, но и сам многому учился у него. За пять дней путешествия им довелось поболтать о многом, и он узнал о мире куда больше, чем за последние тридцать лет. Кейд прекрасно понимал: ему не подавало слушать рассказы Фледвика о фабрике, о магазинах, и о том, как люди ходят в рестораны, театры, увеселительные заведения и разные притоны. Время от времени он утешал себя сомнительным доводам, что сам он никогда не задавал Фледвику никаких вопросов, и только слушал чужую болтовню. Большую часть слов, которые использовал в своей речи маленький пройдоха, Кейд понимал, но иногда между ними возникал почти непреодолимый языковой барьер. Словарный запас Кейда, как это быстро выяснилось, состоял в основном, из двух пластов: официального литературного языка, которым пользовались все проповедники и наставники, и разухабистого жаргона, изобилующего физиологическими потребностями. кейд

понимал, что родился этот слэнг в блатном мире, с которым он сам никогда не сталкивался, и даже не имел представления какой контингент может его составлять.

Однако очень часто на помощь Кейду приходила его природная смекалка. Он просто догадывался о значении того или иного слова — слишком уж красноречивым и ясным был контекст.

Хотя Фледвик замолкал крайне редко, но кейду все-таки удалось внушить своему спутнику, какое значение для него, Оружейника, имеет Орден и его порядок. Он начинал осознавать, что хотя Фледвик и восхищался Орденом, но по каким-то своим, извращенным причинам. Он, казалось, был совершенно не способен понять внутреннюю жизнь Братства, его традиции, законы, ритуалы и неоспоримость многих истин, которые заучивались Оружейниками наизусть. Он не видел никакого смысла следовать этим законам и строить свою жизнь, постоянно подчиняя ее интересам Ордена. Да, Фледвик был Наставником Клейн-дао, но не патриотом Империи. Каждый гражданин сначала должен думать об интересах государства, а потом уже о себе, у старого мошенника даже эта истина была вывернута наизнанку и поставлена с ног на голову.

Кейд подозревал, что для Фледвика Верховный Понтифекс — это абстрактное лицо, окруженное ореолом святости, нечто вроде заведующего отделом Философии Ордена. Он никак не мог осознать, что одним своим существованием Верховный Понтифекс придавал смысл деятельности всего Братства, что он сам по себе являлся воплощением доблести и служению долгу. Одна-

ко как Кейд не был зол на старого мошенника, а многое простил ему, когда тот уже в сумерках заходящего солнца сумел без малейшего звука заманить в силки жирную индейку.

Вечером третьего дня Кейд провел целый час, склонившись над картой и пытаясь решить проблему, которая не давала ему покоя последние несколько часов. Он настоял на том, чтобы следующий переход сделать ночью, при свете звезд. Кейд объяснил это мерой безопасности, однако дело тут было совершенно в другом.

Когда ничего не подозревавший Фледвик проснулся на рассвете и протер глаза, перед ним предстало потрясающее зрелище. Он охнул и зажал рот рукой.

— Это.., — только и сумел выдать он.

Кейд деловито покивал:

— Да, они самые, Пещеры Вашингтона. Если мы обойдем их на расстоянии примерно трех километров, то нам удастся избежать наиболее оживленных и многолюдных районов.

— Но зачем, зачем ты..? — от возмущения и страха Фледвик поперхнулся и не договорил.

Кейд только рассеянно пожал плечами:

— Я просто подумал, что если ты увидишь все это при дневном свете, то испугаешься и отступишь, — Оружейник не стал уточнять, что сам он боялся не меньше Фледвика.

Однако он преодолел свой страх и постарался отбросить прочь все сомнения и опасения. Он повернулся к старому учителю и с любопытством поинтересовался:

— А ты когда-нибудь мог предположить, что проведешь ночь рядом с Пещерами?

— Конечно, нет, — выпалил Фледвик, его даже передернуло от подобной мысли.

Они позавтракали украденными — или, скорее, реквизированными — фруктами и Кейд принялся деловито собираться в дорогу. Он старался заняться делом и не думать об опасности, чтобы случайно не выдать собственного страха. Если Фледвик заметит хотя бы намек на сомнение, все, считай, что дело пропало.

Кейд внимательно оглядел неровную линию горизонта на юге. Зрелище было не из приятных — глыбы серых камней с глубокими черными отверстиями, напоминающими вытарашенные глаза и разинутый рот. Вдоль вершины шли какие-то укрепления, очень напоминавшие человеческий позвоночник. Такое впечатление, будто здесь упал и умер огромный великан. Его тело вросло в камень, а скелет остался на поверхности. У Кейда мурашки бежали по спине. А ведь именно здесь, в Пещерах Вашингтона живет Верховный Понтифекс — Арль. Здесь все казалось зловещим и таинственным, даже самые простые, привычные вещи. Одно упоминание о Вашингтоне вселяла благоговейный ужас и не только у глупых гражданских. Он наводил на такие жуткие мысли, как и нависной огонь с воздуха. Или, например, вульгарные женщины Мадам Кэннон.

Кейд едва не подавился косточкой от фрукта.

— Пошли, — недовольно скомандовал Оружейник, сплевывая себе под ноги.

Старый учитель тяжело вздохнул, но довольно резво поднялся и они тронулись в дорогу. Они обошли Пещеры на приличном расстоянии, и

Фледвик все это время без умолку трещал, на-доедая своими дурацкими рассказами то про ра-бочих, попавших в глупые ситуации, то о каких-нибудь собственных приключениях. Однако Кейд не перебивал его. Старый учитель отвлекал его от назойливых мыслей, которые лезли в голову, да и к тому же, беднягу буквально трясло от страха, ему просто необходима была какая-то разрядка. Удивляясь самому себе, Кейд даже не оборвал его, когда Фледвик принялся распростра-нять на счет девочек из заведения хозяйки Кэн-нон!

Как только Фледвик завел о них разговор, Кейд, хотел того или нет, сразу же вспомнил девушку, которая помогала ему. Где она теперь? Выпустили ее или она до сих пор в тюрьме? Кто она такая? Эти вопросы не давали ему покоя. Несколько минут Кейд шел молча, а потом не-ожиданно спросил у Фледвика, не встречал ли он где-нибудь девушки с благородными манерами, но носит она пижаму, как простая мещанка, а на поясе серебряная подвязка. Он довольно точно описал ее внешность, и старый учитель с интере-сом слушал Оружейника. Однако маленький про-щелыга понял все совершенно извращенно. Он заявил, что когда они выберутся из этой прокля-той передраги, он обязательно найдет Кейду сим-патичную девушку, настоящую куколку, такую сладкую конфетку, что просто пальчики обли-жешь. И она будет такая умница, что Кейду станет совсем безразлично какие у нее манеры: простой мещанки или благородной...

На этом Оружейнику пришлось оборвать за-равнавшегося учителя и как следует его отчитать.

Всю оставшуюся дорогу до самого Потомка оба хмуро молчали, обиженно поглядывая друг на друга.

Когда же они вышли на берег реки, выяснилось, что Фледвик совершенно не умеет плавать. Это новое препятствие в их походе Кейд преодолел быстро и со знанием дела. Стянув с себя форменные брюки, он завязал манжеты и, наполнив воздухом, затянул пояс. Получился своеобразный спасательный круг. Фледвик долго отнекивался, не желая ничего слышать, чтобы не вступать в долгие препирательства, Оружейник просто толкнул маленького мошенника в воду и швырнул ему импровизированный круг.

Отплываваясь и ругаясь, Фледвик намертво ухватился за спасательное средство, но уже не грести, не работать ногами, он не мог. Кейду пришлось буксировать его самому, и, добравшись до противоположного берега, он совсем вымотался.

Выбравшись на сушу, Оружейник раздраженно вытряхнул Фледвика из своих брюк и оделся. Пока они сохли, Кейд принялся изучать карту.

— Нам надо идти туда, — сказал он, указывая на восток.

Где-то там в Пещере, которая, в сущности, и не являлась пещерой, обитал Верховный Понтифекс. Неожиданно Кейду даже стало не по себе, что он, Оружейник, находясь так близко от жилища Главы Ордена, вдруг подумал о какой-то грязной, неприличной мешанке. И это гнетущее чувство вины заставило его действовать.

Он быстро собрал вещи и махнул Фледвику, приказывая идти за ним. Однако после десяти

минут быстрой ходьбы старый учитель неожиданно остановился, как вкопанный.

— Да тут одни пещеры, — с отчаянием в голосе выдавил он, оглядываясь по сторонам.

— Дурак, — раздраженно рявкнул Кейд, едва сдерживаясь, чтобы не дать оплеуху этому неисправимому трусу. — Эта Пещера на самом деле пещерой не является. Ты что, плохо учил догмы Клейн-дао? Жилище просто снаружи напоминает пещеру, но на самом деле ничего опасного в нем нет.

— Ну, может вам это и ясно, — гнусаво возразил Фледвик таким тоном, словно готов был расплакаться. — Вы, Оружейники, многое понимаете без всяких объяснений, а мы...

— Есть вещи, которые не доступны для нашего понимания так же, как и вам, — строго оборвал его Кейд. — Я собираюсь обойти это место на расстоянии. ты идешь со мной или останешься здесь?

Фледвик демонстративно уселся на землю, вызываясь глядя на Оружейника. Если этот пройдоха думает, будто он тут кому-то нужен и его силой потащат дальше, то он глубоко ошибается. Теперь, когда Кейд находился совсем близко от цели, компаньон ему уже не требовался. Он только пожал плечами и двинулся дальше, в обход мрачного строения, которое, по всем расчетам, могло служить обиталищем Арля. Действительно, для непосвященного наблюдателя оно казалось настоящей пещерой...

Кейд услышал за спиной семенящие шажки и резко обернулся, готовый броситься в атаку... Фледвик едва не натолкнулся на него. Оружей-

ник едва удостоил его взгляда. Впрочем, зная природную трусость старого учителя, Кейд и предполагал, что тот не выдержит долгого одиночества.

Они обошли древние камни, пробираясь по зарослям кустарника, на расстоянии в триста метров от открытого места. Вскоре они заметили стену, здесь с западной стороны начали наконец появляться очертания, соответствующие традиционному очертанию. Пещера, которая, в сущности, пещерой не являлась, представляла собой настоящее здание, большая часть его погружалась в скальные нагромождения.

— Пять, — рассеянно пробормотал Кейд, изучая бетонную стену, возникшую перед ними.

— Что? — не понял Фледвик.

Оружейник простил его за такое непочтительное обращение, поскольку ему и самому нетерпелось поделиться со старым учителем собственными соображениями.

— Пять: пять этажей, пять стен, правильный пятиугольник, часть которого закрывают камни. Думаю, все это здание состоит из пяти колец, и мы сейчас стоим у внешнего.

— Ложись! — неожиданно шепнул Фледвик и повалился, потянув за собой Оружейника. Тот так и рухнул в кусты, ткнувшись носом в землю. — Охрана, — настороженным шепотом объяснил Фледвик. — Это Воины или Стражники?

Кейд поднял голову, смахнул со лба налипшие травинки и внимательно осмотрел фигурки, казавшиеся безобидно маленькими на фоне огромного серого здания.

— Воины, — так же шепотом откликнулся он.

Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие. Он тут же постарался его подавить. Еще не хватало, чтобы Оружейник трусил. Когда он затевал это рискованное путешествие, то прекрасно понимал, какая опасность ему грозит. До сих пор все шло гладко, но именно сейчас, когда он так близок к цели, могут помешать непредвиденные обстоятельства. Его могут убить, как сказано в приказе. Но разве это когда-нибудь останавливало настоящего Оружейника?

— Нам надо действовать осторожно. У них наверняка приказ стрелять на поражение, — деловито заметил Кейд, не обращая внимания на ту гамму эмоций, которая отразилась на лице бывшего Наставника. — Надо дождаться темноты, обмануть часовых у входа, проскользнуть внутрь и явиться в апартаменты к самому Верховному Понтифексу. Если нас схватят где-нибудь в коридоре, то смерти не избежать. Я могу довериться только Верховному.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Они устроились на весь остаток дня в надежном укрытии, на травянистом холме, метрах в пятистах от пятиугольного здания. Фледвик улегся на траву, уткнулся носом в землю и тут же уснул, словно младенец. Эти пять дней непрерывной ходьбы изрядно вымотали его, горожанина, не приученного ни к какой физической работе и тем более к долгим прогулкам по природе, подумал Кейд. Впрочем, жаловаться, на спутника ему не хотелось. Маленький воришка оказался вполне покладистым компаньоном, дельным учеником, довольно шустрым и терпеливым, когда дело касалось выдержки. Однако у него было слишком богатое воображение и буйная фантазия. Он рисовал в перспективе такие жуткие сцены, что сам себя пугал до смерти.

Кейд же уснуть не мог. Впрочем, он и не пытался. Он залег в траве и привычно натренированным глазом следил за всем, что происходило вокруг здания. Его мозг автоматически накапливал необходимую информацию: расположение патрулей, количество охранников, промежутки времени между встречами караульных, структура здания, местность вокруг. И все это время он размышлял над более сложной задачей, требующей решения.

Если разобраться, у них были совсем неплохие шансы проникнуть внутрь. Не без гордости — а гордость есть порок — Кейд сознавал, что он один из лучших Оружейников Империи. Однако предстоявший подвиг казался ему почти невыполнимым. Он едва ли надеялся в одиночку перехитрить нескольких караульных. И если они схватят его, то вряд ли ему удастся остаться в живых. Но в таком случае ему было необходимо каким-то образом предупредить Верховного Понтифекса и передать ему известие. Смекалка сработала мгновенно. Кейд почти сразу же нашел неплохой выход из положения.

Он оторвал от рубахи квадратный лоскут и аккуратно разложил его на траве, затем, вынув перочинный ножик, которым он обычно чистил реквизированные фрукты, Кейд осторожно надрезал каждый палец и оставил их отпечатки на лоскуте. Одно дело было сделано. Если он погибнет, то эти отпечатки обязательно сравнят с теми, которые хранились в архивах Ордена, и тогда точно установят его личность. Теперь предстояло сообщить Верховному Понтифексу о заговоре против Императора. Это уже было посложнее. Пользуясь окровавленными пальцами, как ручкой, он написал на белом куске ткани: **"КЕЙД НЕ УМЕР В САРАБЛЕ. СЕКТА КАЙРО. БОЛТИМОР"**.

Как ему казалось, этого было вполне достаточно. Они могли установить подлинность послания по крови и отпечаткам. Они могли явиться в дом старой ведьмы, которая отравила его, устроить облаву на прячущуюся под землей секту, проверить "предателя" в охране и, сложив все звенья

цепи в единое целое, получить вполне определенный результат. Он мог просто не дожить до окончания этого запутанного дела.

Кейд осторожно вытер руки о влажную траву, спрятал нож, чтобы лишний раз не пугать несчастного воришку, затем обернул послание вокруг небольшого камешка и сунул в карман.

В последних лучах заходящего солнца у стен здания произошла смена караула. Кейд вздохнул с облегчением, увидев, что солдат на посту не прибавилось. Обычный почетный караул, как и положено перед административным зданием. Постовые шагали по пятнадцатиметровым площадкам, вдоль стены, встречались под ярким фонарем, разворачивались и шагали назад по темноте до края участка, обозначенного маленькой лампочкой. Там они смыкались с другой парой и все повторялось заново.

Такая система была знакома Кейду. Не стоило большого труда прошмыгнуть мимо часовых, тем более, что вход в пещеру сам по себе считался опасным местом. Солдаты вряд ли предполагали, что кто-то решится сунуться туда. И потому усиленную охрану никому в голову не пришло поставить именно здесь, у страшного черного входа.

Кейд пихнул своего спутника голыми пальцами ноги — штатская обувь давно развалилась, превратившись в жалкие ошметки — и грубо разбудил старого учителя.

Тот так и подскочил, ничего толком не понимая со сна.

— Что, уже пора? — наконец спросил он, протирая глаза.

Оружейник кивнул и принялся шепотом объяснять план действий. Через пару часов бдительность караула притупится: они перестанут вглядываться в темноту вокруг, да и встречаться под лампами значительно реже, а то и вовсе перекидываться фразочками друг с другом. Кейду хорошо знакома нерадивость таких охранников. Если за ними никто не присматривал, они быстро начинали пренебрегать своими прямыми обязанностями. Он только надеялся, что этот караул окажется абсолютно таким же.

Однако рассчитывать на это слишком сильно не приходилось. В любом случае, солдаты находятся на посту, у них в руках боевое оружие, а значит они могут поднять тревогу в любой момент. К тому же, ночью — это самое удобное время, чтобы напасть на караул, застигнув его врасплох. Кейд знал, что именно в такие часы некоторые командиры любят устраивать своим рядовым неожиданные проверки. Одним словом, приступая к осуществлению своего плана, Кейд прекрасно осознавал всю зыбкость собственных расчетов, их могла нарушить малейшая случайность.

Имеющиеся два часа предполагалось потратить на то, чтобы как можно ближе подобраться к зданию. Фледвик задумчиво пожевал ворованную репку, а затем поинтересовался:

— А потом? Как мы окажемся внутри?

Кейд указал ему на один из приборов освещения. Справа за ним зиял вход в пещеру, едва заметный в игре теней, отбрасываемых неровными краями камней. Они молча наблюдали, как два Оружейника приближались друг к другу с двух

сторон, встретились в центре освещенного места, поприветствовали друг друга, приложив оружие ко лбу и разошлись в разные стороны, как заводные куклы.

— Следи за этим, — прошептал Кейд. — За тем, у которого плащ с красной нашивкой.

Они вместе проводили Оружейника взглядом, пока тот не исчез в темноте. Прошло несколько секунд, и охранник снова появился в световом луче уже следующего поста. Здесь, из темноты выступали не нагромождения камней, а ровная, гладкая бетонная стена здания. Где-то в неосвещенном промежутке между этими двумя постами скрывался плавный переход между скалистыми нагромождениями и самим зданием.

— Нам нужен этот, — без всяких объяснений заметил Кейд.

— Ваш приятель, сэр? — с преувеличенной вежливостью поинтересовался Фледвик.

— Он марсианин, — бросил Кейд, стараясь не обращать внимания на усмешку в тоне маленького воришки. Еще не родился такой марсианин, который бы в равной схватке сумел победить земного Оружейника. У них слабая подготовка и не хватает преданности, — презрительно заметил Кейд. — Мы захватим его тихо, без лишнего шума в темном месте между постами. Если все пройдет отлично, то мне хватит времени забрать у него форму и самому провести один обход, если же нет..., — Кейд невольно скривил губы, — то нам придется воспользоваться... газовым пистолетом и обезвредить второго караульного. Ну, а потом, — Кейд рассеянно пожал плечами, — мы совершенно спокойно войдем внутрь. Вот и все.

Фледвик Выплюнул хвостик репки и с сомнением глянул в сторону здания, контуры которого сейчас в темноте, посверкивали огнями.

— А вы уверены, что нам хватит времени? — настороженно поинтересовался он. — Сколько там остается? Минута?

— Пятьдесят три секунды, — уточнил Кейд, привыкший к аккуратности в подобных делах, и тут же с презрением заметил: — Даже такой черепахе, как ты, хватит времени.

Казалось Фледвик даже не заметил этого оскорбительного выпада в свой адрес.

— Сэр, а вы не заметили, что на воротах массивная решетка?

Терпение Кейда иссякло:

— Естественно, заметил, — прорычал он, готовый отвесить назойливому коротышке увесистую оплеуху. — Я ведь не какой-нибудь тупой мещанин.

— Да, сэр, конечно, — с деланным смирением подхватил Фледвик. — Но может вы, сэр, все-таки объясните тупому мещанину, как мы собираемся перебраться через зарешеченные ворота за пятьдесят три секунды? — и его маленькие лисьи глазки азартно блеснули в темноте.

— Ты не заслуживаешь объяснений, — огрызнулся Кейд, однако тут же сменил гнев на милость: — Впрочем, чего ожидать от мещанина, который никогда не состоял в рядах Ордена и представления не имеет о боевых искусствах. Тебе не хватает ни доблести моих Братьев, ни сообразительности. Мы и не полезем через зарешеченные ворота. Мы их просто откроем и войдем, — лицо Кейда сохраняло бесстрастность и

спокойствие, но это выражение не могло обмануть маленького воришку. Он слишком много в своей жизни повидал, и прекрасно понимал, что Оружейник в этот момент боится не меньше его, мещанина, готовясь через несколько минут принять смерть. Весь их план был куда более рискованным и опасным, чем выглядел на первый взгляд. Именно поэтому Фледвик благоразумно промолчал, стараясь придержать при себе собственные эмоции.

— Мы отправляемся, — сказал Кейд и поднялся.

Он начал пробираться сквозь кусты, не обращая никакого внимания на ворчание за спиной. Жалуясь на судьбу-злодейку и невыносимую жизнь, Фледвик все-таки последовал за Оружейником. Он грубо раздвигал ветки руками, то и дело грузно наступал на трескавшиеся сучки под ногами, производя массу шума. Однако замечания Кейда ему делать не стал. Он знал, что если понадобится, Фледвик может проскочить мимо поста совершенно незаметно, как уже неоднократно проделывал это за время их пятидневного путешествия.

Спустившись с холма метров на десять Оружейник остановился. Фледвик едва не натолкнулся на него.

— Можешь остаться здесь, если хочешь, — шепотом предложил Кейд. — Я не стану тебя осуждать.

Он подождал, ожидая ответа, но Фледвик молчал, чем-то шурша в темноте.

— Тихо! — яростно шикнул Кейд, хватая воришку за руку. — Если уж решил идти со мной,

то не должен производить ни одного звука. Мы слишком близко подошли к постам, нас могут услышать.

Все это Кейд выдохнул Фледвику на ухо и заметил, как тот согласно кивнул в темноте. От этого простого жеста Оружейник неожиданно почувствовал легкость на душе. Конечно, большой помощи от гражданского не жди, но их все-таки двое, а значит шансы добраться до Верховного увеличиваются.

Через пару часов они наконец подползли вплотную к сторожевым постам и разделились. Кейд залег в ближайших кустах и, несмотря на неудобное положение, наслаждался привычным ощущением готовности к бою. Это оказалось куда легче, чем он себе представлял. Когда настал момент, он одним прыжком выскочил из-за куста и рубанул ребром ладони часового сзади по шее. Тот мешком повалился ничком, не издав ни единого звука. Кейд только надеялся, что удар был не слишком сильным и марсианин не умрет. Как бы там не складывались обстоятельства, как бы этот парень не пренебрегал своими обязанностями, находясь на таком ответственном посту, Кейду не хотелось убивать своего собрата по Ордену. Однако размышлять на подобные темы времени не было.

С отчаянной скоростью Кейд принялся стаскивать с караульного одежду. Плащ — “Орден окутывает собой Империю и защищает ее от внешних и внутренних врагов”, шлем — “Орден служит Императору и повинуется ему”, ботинки — “Оружейник идет туда, куда направляет его всевластная рука Императора”... однако чертовы

ботинки были ему слишком малы. Он поднял голову и увидел второго часового, который уже вплывал в освещенный круг под лампой. Еще секунда и он наверняка заметит нечто неладное, поднимет тревогу и тогда... У Кейда словно гора с плеч упала, когда он услышал приглушенный звук выстрела — слабое шипение — вряд ли кто-то еще мог обратить на него внимание. Часовой упал, теперь только его рука находилась в освещенном круге.

Отшвырнув в кусты негодные ботинки, Кейд расстегнул кобуру марсианина и с удовольствием почувствовал, как знакомое ощущение тяжести на бедре придает ему уверенность и даже оптимизм. Он вынул из кармана камень, обернутый в короткое послание и бросил его прямо на бетон рядом с марсианином. Откуда-то из темноты выполз Фледвик, и они вместе побежали к темной дыре, чернотой зияющей в неровной стене.

Кейду не составило никакого труда распахнуть решетку. Он одним прыжком оказался внутри пещеры. А вот Фледвика пришлось заволакивать туда чуть ли не силком. До сих пор старый воришка сдерживал свой страх и старался владеть собой, но тут, похоже, мужество покинуло его. Он таращился по сторонам и что-то бессвязно бурчал под нос.

Кейд бежал вглубь пещеры, стараясь сориентироваться почти в крошечной темноте. Фледвик спотыкался, но следовал за ним.

Неожиданно они услышали встревоженные голоса и топот ботинок. Затем кто-то закричал:

— Здесь какой-то камень! Они вошли внутрь!

В голосе явно слышался гнев, но с примесью

чего-то еще, отчаяния, ужаса, благоговейного страха...

До этого момента Кейд старался не думать, насколько опасным и невыполнимым было задуманное им предприятие. Он напал на Брата по Ордену, и не в бою, а в момент, когда тот исполнял свой долг, охраняя важную персону — Главу Ордена. Мало этого, Кейд не был уверен, что парень остался жив. В ту секунду у него не было времени рассчитывать силу удара. Кроме того, он помог бежать из тюрьмы мещанину, замешанному в воровские аферы, бывшему Наставнику Клейн-дао, провинившемуся перед обществом. Он проник на запретную территорию и теперь собирался нарушить покой самого Верховного Понтифекса... Если ему повезет, то он силой или обманом ворвется в жилище Верховного. От всего, сделанного им, голова шла кругом. Раньше он бы вряд ли поверил, будто можно совершить такое количество тяжких преступлений и не понести за это наказания. теперь же он жаждал не только справедливости, он надеялся остаться в живых и вернуться в свой Конвент.

Размышляя обо всем этом, Кейд вдруг подумал, что в сущности, с того момента, как он взломал решетку и вошел в пещеру, с ним пока ничего плохого не произошло. Конечно, трудно сказать, что их ожидает впереди, но опасность исходила от охранников. И словно бы подтверждая его мысли, по пещере прокатился взрыв горячего воздуха, резко запахло озоном.

— Они стреляют прямо в пещеру, — тихо сказал он Фледвику, потянув его вниз. — Поста-

райся держаться поближе к полу и все будет в порядке.

Еще несколько минут воздух потрескивал над их головами. Они оба лежали неподвижно, вжавшись в каменные плиты и боясь двинуться. Кейд все еще надеялся довести свой план до конца и остаться в живых. Ему не хотелось умирать сейчас, когда до цели оставалось совсем немного. Ему опять пришел на память весь список преступлений, который он совершил буквально за несколько последних дней. Но все они были пустяком по сравнению с тем, что он узнал от девушки в подвязке, о заговоре против Императора. Все остальное блекло и теряло смысл. Его могли обвинить во всех смертных грехах, но уж начатое он обязательно доведет до конца.

Неожиданно стрельба прекратилась. Те два или три поворота, которые они успели сделать, достаточно надежно защищали их от прямого воздействия яростного огня. В тишине снова зазвучали встревоженные голоса часовых. Кейд ярко представил себе, как солдаты опасливо заглядывают в пещеру через открытые створки решетки, но заходить все-таки опасаются.

— ... напрасно стреляли... Принесите факелы!

— ... надо выкурить их оттуда. Пошли внутрь!

Кейд пихнул Фледвика в бок, и тот перепуганно охнул.

— Надо подниматься и уходить, — шепнул тихо Оружейник. — Здесь больше оставаться нельзя — опасно.

— Я двинуться не могу, — неожиданно громко прохныкал тот. — Иди один.

Его наверняка ранило, мелькнуло у Кейда в

голове, или сильно ударился, когда падал на пол. Он сгреб тщедушного коротышку себе на плечо и почти бегом помчался дальше в темноту. Старый Наставник Клейн-дао не стонал, не жаловался, и это Кейд отметил с определенной долей уважения.

Он миновал несколько поворотов, зайдя в крошечную тьму. Она служила ему спасением. Наверняка пещера огромна, здесь много коридоров и лабиринтов. Он уже миновал несколько боковых ответвлений. Охранникам будет довольно сложно найти их в таких катакомбах. А ведь они были довольно неплохо подготовлены к длительной осаде. Запасов еды у них достаточно, есть заряженное ружье марсианского Оружейника, несколько пуль для газового пистолета. Если им еще удастся найти хотя бы небольшой источник воды — а Кейд умел отыскивать их — то они могут продержаться здесь очень долго. Время на их стороне, они обследуют все закоулки лабиринта и найдут выход в Здание, и тогда его, Кейда, уже ничто не остановит.

Несмотря на то, что тьма была почти непроглядной, кое-какой свет сюда все-таки проникал. Через несколько минут глаза Кейда приспособились к скудному освещению, он принялся внимательно осматривать стены и потолки пещеры. То, что подсказывала ему интуиция, подтверждали и глаза: все это огромное помещение — дело человеческих рук. Главный коридор вел прямо к зданию. Как и говорилось в постулатах Клейн-дао, пещера и здание были единым целым! Кейду очень хотелось поделиться своими соображениями с маленьким воришкой. Его быстрый и смет-

ливый, в житейских вопросах, ум мог бы подсказать многое. Но Фледвик страдал от раны, даже не стонал, и Оружейник понимал, что сейчас совсем не время предаваться праздной болтовне. Пока по их пятам идут охранники, нельзя терять времени.

Он продолжал идти вдоль широкого коридора, с двух сторон которого тянулись двери. Каждое из этих помещений могло бы стать для них неплохим укрытием, но Кейд не хотел рисковать. Если охранники начнут прочесывать все комнаты подряд, то наверняка найдут незванный пришелец.

Неожиданно безжизненное тело Фледвика задвигалось, словно он пришел в себя.

— Можешь спустить меня на пол, — прошептал он.

— А ты сможешь идти? — встревоженно поинтересовался кейд, не желая понапрасну рисковать.

— Да, наверное, — неуверенно откликнулся маленький учитель.

Кейд поставил его на пол, осторожно поддерживая рукой. Однако помощи не потребовалось. Фледвик вполне твердо стоял на ногах. Только теперь до Оружейника дошел смысл этого маленького инцидента.

— Так ты что, выходит, даже не ранен? — яростно прошипел он, угрожающе наклоняясь к Фледвику.

— Наверное, нет, — без зазрения совести, как ни в чем не бывало, откликнулся тот, глядя ясными глазами в лицо Кейда. — Нет, не ранен. Ни царапины.

кейд презрительно скривил рот. А он-то решил, будто Фледвик и в самом деле ранен, а он оказывается не то придурачивается, не то просто струсил до беспамятства! Ну и компаньон же ему достался!

— Куда нам теперь? — как ни в чем не бывало поинтересовался Фледвик.

— Думаю, — медленно откликнулся Кейд, — если мы и дальше пойдем по этому коридору, то наверняка попадем в другую часть здания, где расположены жилые помещения.

— Другую часть? Ты серьезно? — маленький воришка метнулся от одной стены коридора к другой, пальцами шаря по ровным каменным плитам и ручкам дверей. — Так это что, тоже часть здания? Но ведь была же пещера!

— Я же говорил тебе, пещера в сущности пещерой не является, — раздраженно зашипел на него Кейд. — Но ты разве меня слушаешь! Ты же только и знаешь, что толдычешь про своих страшилищ, ужасы и прочие бабушкины сказки. Хватит нам стоять, пошли, у нас нет времени, — и, схватив Фледвика за рукав, Кейд потащил его дальше.

Однако и сам Оружейник был в некотором смятении. Если пещера и в самом деле всего лишь часть здания, то почему охранники не стали их преследовать? Почему, немного постреляв, так и не решились войти?

Они обогнули угол и увидели конец коридора. Это был тупик, однако впереди виднелся прямоугольник света. Кейд даже не сразу сообразил, что это свет, который выбивается из-за закрытой

двери. А раз существовала дверь, то был и выход.
Кейд снова воспрял духом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Наконец-то и Фледвику удалось блеснуть доблестью и умением, смыв с себя грех трусости и притворства. Когда Кейд взялся за замок, он был уверен, что справится с ним в два счета. Однако механизм был слишком стар, уже давно нигде не использовался, и, поломав голову, Оружейник только развел руками. Вот тут-то и выяснилась гениальная способность Фледвика разбираться в старых замках подобной конструкции.

Создавалось впечатление, будто бывший Наставник Клейн-дао только тем и занимался, что вскрывал чужие двери. Он вынул из своего удивительного пояса металлический предмет, а затем, не успев Кейд и глазом моргнуть, как дверь распахнулась, и на него хлынул поток света.

Оружейник невольно зажмурился, и сразу же услышал встревоженный женский голос:

— Кто там? Кто это?

Кейд едва не расхохотался в полный голос. Он ожидал всего, чего угодно: шквальный огонь из боевого оружия, мощную атаку охранников, зычный приказ сдаваться... но только не испуганного женского голоса. Он нервно шагнул через порог, и Фледвик вслед за ним вошел в комнату.

В первую же секунду Кейд оценил два факта: женщина, которая сейчас стояла перед ним, была

несомненно благородного происхождения, и она, как и сам Оружейник, была весьма удивлена неожиданным появлением незнакомцев в своих апартаментах.

Как видно, при первых же звуках открываемого замка она соскочила с дивана, на котором лежала, и теперь стояла посреди комнаты, удивленно глядя расширенными от страха глазами на двух мужчин. Однако, как заметил Кейд, ее ужас стал быстро сменяться неподдельным гневом.

Впрочем, сразу было видно, что эта женщина привыкла повелевать. Гордый взгляд подведенных тенями больших глаз, накрашенные губы, сжатые в тонкую линию, надменно поднятая голова, увенчанная замысловатой прической из голубовато-зеленых кос, посыпанных золотистой пудрой. Да и одеяние на ней было подобающее: не какая-нибудь пижама обычной мещанки, а ниспадавшая до пола полупрозрачная тога, увешанная драгоценностями и украшенная необычными узорами, которые, казалось, при каждом ее движении оживали.

Кейд так и замер, не в силах оторвать взгляд от такой красоты. Конечно, ему доводилось видеть придворных дам, но только на официальных приемах и на достаточно почтительном расстоянии. Но представшее зрелище лишь отчасти было причиной того, что у него перехватило дыхание. На самом деле он и помыслить себе не мог, что какая-нибудь женщина, пусть даже и благородного происхождения, может находиться вблизи жилища Верховного Понтифекса. Любовь к женщине — это грех, общение с женщиной — не меньший грех. Как она могла оказаться здесь?

Его мысли лихорадочно носились в голове, но ответа Кейд не находил.

Дама подняла изящную золотую трубочку, поднесла ее к губам и втянула в себя воздух. В маленьком сосуде, к которому подсоединялась трубочка, что-то блеснуло алым пламенем. Похоже, уголек. А когда она опустила руку, с ее губ сорвалось бледно-голубое облачко и медленно поплыло прямо на Кейда. Его обдало пряным благоуханием.

— Ну? — требовательно произнесла женщина недовольно сведя брови к переносице.

Кейд прочистил горло и начал вполне официальным тоном:

— Мы — последователи философии Клейндао..., — но тут же осекся и замолчал. Он просто не знал, что сказать дальше. Вот если бы перед ним стоял Верховный Понтифекс... но перед ним была дама, которой совсем не место в жилище Верховного. А может он попал вообще не туда? Может он напрасно затратил столько усилий и времени, чтобы добраться сюда? Может он зря рисковал? Зря взял на себя тяжкие преступления, в надежде выполнить свой долг и раскрыть заговор? Судя по обстановке и внешнему виду женщины эти апартаменты принадлежали придворной особе. А если так, что же он тогда мог рассказать этой даме?

Однако Фледвик, как видно, не растерялся. Видя замешательство Оружейника, он решил грудью закрыть амбразуру. Он выступил вперед, слова так и полились, завораживая своей легкостью:

— О благороднейшая, из всех благородных

дам! Если милосердие твое хотя бы в малой степени может сравниться с красотой, которой наделила тебя природа, то выслушай меня прежде, чем решишь погубить наши жизни! Мы — твои нижайшие слуги! Мы припадаем к твоим стопам...

Кейд ошарашенно слушал весь этот бред, но наконец не выдержал и вспыхнул:

— Замолчи, глупец! — прорычал Оружейник, поворачиваясь к Фледвику и награждая его злым взглядом. — Люди! Этот мещанин говорит лишь от своего имени. Я не служу ни одной женщине, потому что мой долг — повиноваться Императору Земной Империи. Скажи мне, кто хозяин этого дома?

Она смерила его холодным взглядом, задержавшись на нелепом обмундировании, которое явно принадлежало не ему.

— Тебе достаточно знать, что здесь хозяйка я, — с нажимом произнесла она. — Я вижу, при всех своих разговорах о преданности Императору, ты не стесняешься воровать одежду.

Конечно, он совершенно не верил, будто эта благородная дама может поверить в его невероятную историю. Но врать и изворачиваться Кейду уже больше не хотелось. Как бы там ни было, а надо говорить правду.

— Я не злоумышленник, — тихо возразил он, качнув головой. — Я — Оружейник Кейд Ордена Оружейников и принадлежу дивизиону Звезда Франции. Меня считают погибшим в сражении при Саррабле, но это не так. Я пришел сюда, чтобы встретиться со своим Отцом по Ордену, Верховным Понтифексом Арлем. Если в этом

доме хозяйка ты, то я пришел не в тот дом, — впервые за пять дней ему приходилось объяснять постороннему человеку создавшуюся ситуацию. Правда, которую он сейчас ей рассказывал, подбодрила его. Он почувствовал себя уверенней и спокойней. — Но даже если я и ошибся, я требую содействия в интересах Ордена и Империи. Ты заслужишь благодарность самого Верховного, если...

Неожиданно она расхохоталась низким, грудным смехом, в котором было больше презрения и насмешки, нежели веселья.

— Понятно, — едва справившись с хохотом, выдавила она. — Ты и есть тот самый Оружейник Кейд, — она с интересом окинула Оружейника холодным взглядом — словно ледяным душем окатила. — А ты, я полагаю, — она повернулась к Фледвику, — бывший Наставник Клейн-дао, выгнанный с работы и посаженный в тюрьму за целый ряд грязных преступлений. И подумать только! Этих двух бандитов... маньяков-убийц разыскивают по всему миру, а они запросто расхаживают под носом у полиции и стражи..., — она снова повернулась к Кейду, словно понимая, что он здесь главный зачинщик. — Как вы сумели пробраться сюда? Откуда у вас эта одежда?

Она была настоящей благородной дамой, вероятно, придворной. Она привыкла повелевать и не терпела неповиновения. И теперь, разговаривая с мещанином и Оружейником, ей и в голову не приходило, что они откажутся отвечать на ее вопросы. К своему собственному удивлению, Кейд и в самом деле принялся объяснять:

— Плащ и шлем на мне украдены, — неуве-

ренно произнес он, переминаясь с ноги на ногу. — Меньше часа назад мне пришлось забрать их у одного из караульных у ворот. Я также украл...

— Смилуйся, благородная! — неожиданно завопил Фледвик, заламывая руки в иступленном отчаянии. — Мне страшно. Я всего лишь мелкий воришка, но я не совершал тех грязных преступлений, о которых говорилось в сообщении. Прошу тебя... умоляю! Позови своего Повелителя! Быстрее! Передай нас в его руки, благородная леди, а то... ох... у него ружье!

— Глупец! — презрительно скривила губы женщина. — Неужели ты не понимаешь, если даже у него и воинское оружие, он все равно не сумеет им воспользоваться. Уж не думаешь ли ты, будто всякий гражданский, которому вздумалось объявить себя Оружейником, сможет разобратся в строении такого ружья? — однако, как видно, слова Фледвика все-таки произвели на нее должное впечатление. Она отступила назад.

— Не знаю! — в страхе верещал коротышка, едва ли не плюхаясь на колени. — Не знаю! Но только умоляю, о благородная, позови своего повелителя! Прошу тебя, скорее, а то этот ненормальный перестреляет нас обоих! С него станется!

Кейд слушал эту околесицу, не веря собственным ушам. В какую-то долю секунды он вообще отказывался понимать, что происходит. Неужели Фледвик предал его? Ну, конечно! Да еще в такой ответственный момент, когда решается его судьба! Подумать только, а он рисковал собственной шкурой, чтобы спасти это жалкое, ничтожное

существо! И вместо благодарности, предательство.

Женщина покосилась на Кейда и снова отступила. Теперь она уже не сводила с него глаз, внимательно следя за каждым движением. И Кейд заметил это. Ну что ж, скандал, так скандал. Это ему даже на руку, возможно, так она скорее позовет Хозяина этого дома и тогда все станет на свои места.

Фледвик продолжал что-то лопотать себе под нос, нес какую-то совершенную чушь, а женщина отступила еще на шаг, напряженно наблюдая за Оружейником. И тут до Кейда наконец дошло, что надо не стоять, сложа руки, а действовать. Он вдруг понял, какую игру затеял хитрый коротышка. Он сунул руку в кобуру, выхватил оружие, но прицелился не в даму, а в трясущегося Фледвика, который тут же вскинул руки, сдаваясь, и едва не повалился на пол.

— Грязный предатель! — загремел Кейд, придавая голосу ярость и гнев. — За это ты умрешь!

Он схватил Фледвика за шиворот и как следует встряхнул, чтобы немного потянуть время. Не стрелять же в самом деле! На женщину это произвело должное впечатление. Она побледнела, продолжая отступать на другой конец комнаты. Вот и отлично, если она как следует испугается, то скорее вызовет охрану. Они забаррикадируют дверь и тогда, может, сумеют передать сообщение Верховному.

— Не стреляй! — заверещал Фледвик, успев подмигнуть Кейду. — Только не стреляй! Я ведь ничего такого не сделал! За что?!

Оружейник оттолкнул несчастного воришку и

прицелился ему в голову. Но тут вмешалась женщина.

— Прекратите перепалку! — выпалила она. И от звука ее голоса у Кейда как-будто камень с души свалился. Он уже и в самом деле приготовился стрелять — правда, мимо.

Фледвик тут же перестал брыкаться и устоял на леди перепуганно, но с благодарностью. Этот хитрец сыграл свою роль просто великолепно. Ему даже Кейда удалось провести.

— Послушайте, — женщина шагнула к Оружейнику, но ближе не решилась подходить. — Я вызвала помощь. Если в моих покоях прольется кровь, вам не избежать смерти. И она будет не легкой. У меня есть могущественный защитник, который покровительствует мне.

Отлично, заметил про себя кейд, мысленно потирая руки. Чем могущественнее ее патрон, тем лучше. Незачем будет устраивать этот грязный фарс.

— Если вы сейчас сдадитесь, — продолжала женщина, с трудом сохраняя хладнокровие, — с вами поступят по справедливости, чем бы вам не грозило в теперешней ситуации. Но если только вы посмеете стрелять, вас уничтожат на месте, — она замолчала, выжидающе глядя на парочку. Она представления не имела, что произойдет в следующую секунду: выстрелят в нее или упадут на колени и начнут просить пощады. Однако ни того, ни другого не произошло. Фледвик поднялся с пола, вытирая рукавом рубахи вспотевшее бледное лицо. Он просто светился от радости. Кейд опустил оружие и улыбнулся:

— Благодарю вас, леди. И тебе спасибо, Фле-

двик. Твои уловки и в самом деле достигают целей быстрее, чем все мои уговоры. Надо бы у тебя кое-чему поучиться.

По лицу коротышки проскочила самодовольная улыбка.

— Спасибо, сэр. Я вижу, вы оценили мои старания. Но вы слишком высокого мнения о моих достоинствах. Неужели вы думаете, будто я и в самом деле ничего не боялся? А вдруг бы действительно выстрелили?

Женщина изумленно уставилась на двух мужчин, ничего не понимая. Только теперь до нее начало доходить, что ее мастерски разыграли.

— Это еще что такое..? — начала было она, но в этот момент дверь открылась, и кто-то вошел в комнату.

— Мойя! — позвал мужчина, заметив только ее, поскольку она стояла у оббитой шелком стены. — Что случилось? Вы звали..?

Он проследил за ее взглядом и только теперь увидел двух незнакомцев, которые во все глаза смотрели на него. Фледвик с нескрываемым любопытством, Кейд с изумлением и благоговейным восторгом. Едва увидев гордо поднятую голову, золотую ленту на длинном плаще, ружье с печатью на рукояти, он не задумываясь совершил почетное приветствие Ордена, отдаваемое только Верховному Понтифексу.

Продолжая преклонять колени, и видя перед собой лишь мозаичные плиты пола, Кейд услышал зычный голос над своей головой:

— С вами ничего не случилось?

— Пока нет, — неуверенный ответ дамы сорвался на нервный смешок.

— Отлично. Поднимись, Оружейник. Покажи свое лицо!

— Он не Оружейник! — выпалила женщина, подаваясь вперед. — Это мошенник, опасный преступник, выдающий себя за Оружейника Кейда! Он даже украл оружие у караульного!

Верховный остановил ее жестом:

— Не беспокойтесь. Он действительно Оружейник, хотя плащ на его плечах ему не принадлежит.

Кейд немедленно поднялся и пристегнул к поясу ружье, которым только что отдавал салют.

— Говори, Брат. Что заставило тебя прийти сюда? И почему ты пришел таким странным путем? — Верховный выжидающе посмотрел на Кейда пронзительным властным взглядом, словно пытаясь прочесть мысли Оружейника.

Какую-то долю секунды Кейду было не по себе. До сих пор ему не приходилось разговаривать лично с Верховным, но он тут же вспомнил о своем долге, и сомнения рассеялись, как дым.

— Я — Оружейник Кейд, дивизион Звезда Франции. Я пришел сюда со срочным сообщением...

— Я уже получил его, — перебил Верховный Понтифекс, качнув головой. — Важное сообщение, и доставлено оно безошибочным способом. Я изучал его как раз в тот момент, когда услышал сигнал леди Мойи. Значит, это от тебя?

Кейд переступил с ноги на ногу.

— Да, сэр. Я не был уверен, что мне удастся связаться с вами, а дело не терпит отлагательств. Я должен предостеречь вас, готовится тщательно спланированный заговор против...

Понтифекс коснулся плеча Кейда:

— Ты сейчас расскажешь мне обо всем, но только в другой комнате, — он окинул Оружейника пронизательным взглядом. — Плащ на твоих плечах... он кажется мне знакомым... ты что, стал марсианином?

Кейда прошиб пот. Ему сейчас предстояло рассказать правду о совершенном преступлении. Он не собирался ничего скрывать и надеялся только на то, что слишком сурово с ним не поступят.

— Он принадлежит Брату, который служит вам, сэр. Надеюсь, я не убил его. К сожалению, это был единственный способ связаться с вами.

Гадливая гримаса исказила лицо Верховного Понтифекса.

— Он мертв, и я благодарен тебе за это. Ему был вверен важный пост, и плохо справился со своими обязанностями. Я прикажу заменить его более достойным караульным, пока в эту комнату не проникли другие, менее миролюбивые, чем ты, — он отвернулся от Кейда и обратился к леди Мойе, которая, продолжая прислушиваться к разговору двух мужчин, опустилась в кресло и ожидала развязки. Как видно, она перестала бояться за свою безопасность. Может потому, что поверила наконец Кейду, а может просто чувствовала за своей спиной мощную поддержку Верховного.

— Теперь мы оставим вас, леди. Вам необходимо отдохнуть и немного оправиться от этого печального инцидента, — Верховный Понтифекс был сама вежливость и галантность. — Обещаю вам, караульным будет преподан такой урок, который они не скоро забудут. Я вернусь, как

только выслушаю до конца рассказ нашего Брата, — и он так улыбнулся женщине, что у Кейда мурашки побежали по спине.

Он не хотел верить собственным глазам, но Верховный Понтифекс, олицетворение доблести и чести Ордена улыбался женщине! Да еще как! Ни один воин не должен был так улыбаться ни одной женщине, даже если она самого благородного происхождения! Но самое ужасное, что и она улыбнулась ему в ответ. И в ее улыбке было столько кокетства и таинственности...

— Тебе лучше рассказать свою историю в моих апартаментах, — перебил мысли Кейда Верховный Понтифекс. — Комнаты леди Мойи не место для кровавых историй, — он рассеянно обвел глазами роскошное помещение, его взгляд упал на раскрытую дверь, выходившую в старый, подземный коридор. — Да, надо как можно скорее заменить этот старый, ни на что не годный замок, — рассеянно пробормотал он, и тут же обратил внимание на Фледвика, который скромно жался в сторонке в течение всего разговора. — Ты, закрой дверь и задвинь засов. Завтра мы сменим этот замок., — он повернулся к леди Мойе, — дорогая. А пока сойдет и засов. Думаю, опасность миновала, никто больше не воспользуется коридором. Надеюсь, вы не откажетесь побыть немного одна? — он рассеянно подошел к столику, пальцы автоматически нырнули в резную, инкрустированную золотом коробочку и вынули небольшую трубочку, такую же, как и у женщины в руках. Верховный поднес ее к губам.

— О, не беспокойтесь, со мной все в порядке,

— с неожиданной нервозностью заверила она его. — Я не боюсь оставаться одна, если уж нахожусь под вашим покровительством. А что касается замка, вы можете заменить его, когда будет удобно. Трубка, сэр! — от ее последних слов Верховный неожиданно вздрогнул. — Это моя новая безделушка, — с нажимом произнесла она, кидая красноречивые взгляды на Кейда. — Не думаю, что она доставит вам удовольствие. Вы ведь к ней не привыкли...

Арль вынул трубку из рта и внимательно осмотрел ее со всех сторон, словно впервые в жизни видел. Это показалось Кейду неправдоподобно наигранным. Что-то в поведении Верховного Понтифекса и леди настораживало его.

Арль швырнул трубку обратно в коробочку и захлопнул тяжелую золотую крышку.

— Странная игрушка, — произнес он с неодобрением. — Пойдем, Оружейник, — скомандовал он, поворачиваясь к Кейду. — И ты тоже, я думаю, — это уже относилось к Фледвику. Он развернулся на кованых каблуках и направился к двери.

Комната, в которую он их привел, успокоила наконец Кейда своей простотой и скромностью. Она ничем не отличалась от тех комнат в Конвенте, где ему приходилось жить. Голые стены, шкафы, стол в центре и скамьи, расположившиеся вдоль стен. По знаку Арля, Кейд сел на одну из них. Фледвик же остался стоять.

— А теперь, — сказал Верховный, опускаясь напротив, — я слушаю тебя.

Кейд начал свой рассказ. Он так часто размышлял над своими необычными приключения-

ми, что теперь, казалось, читает наизусть выученный текст: наркотик, подмешанный в вино, старая карга, отравившая его, пленение в Саррабле, затем Болтимор, секта, спрятавшаяся под землей, разговоры и ритуалы, воздействие гипнозом и укол наркотика... Он так долго ждал возможности рассказать все это кому-нибудь, так много потратил сил, чтобы добраться сюда и остаться в живых, что теперь был даже немного разочарован. Когда он подслушивал за ширмой, когда разговаривал с девушкой, сидя в заведении хозяйки Кэннон, ему представлялось все происшедшее чем-то очень важным и тайным. Он был даже несколько удивлен, что Верховный, казалось, не проявлял совершенно никакого интереса к тому, что рассказывает Кейд. Он слушал Оружейника рассеянно, только иногда задавая вопросы или вставляя собственные комментарии:

— Сколько их там было? Да, не доброе это дело, Брат мой! Конечно, лиц тебе запомнить не удалось. А кого-нибудь из знакомых ты там не видел? — но в глазах его, как и в выражении лица, читалась явная скука. Он думал о другом. Во всем его поведении сквозило нетерпение. Ему хотелось как можно скорее закончить этот бессмысленный, наскучивший разговор, отделаться наконец от назойливого Оружейника с его подозрениями и глупыми идеями и заняться более интересными вещами. Неужели он так торопился вернуться в будуар к леди Мойе?

Однако Кейд ничего этого не замечал. Он был занят рассказом и не меньше — а может и больше — собственными мыслями, которые не давали

ему покоя. он вдруг почувствовал, что врет. Врет! И кому! Главе Ордена?

Сам того не подозревая, Кейд с первых же слов своего рассказа врал, умалчивая о важных деталях. Своими недомолвками он вгонял себя все глубже в ложь и никак не мог остановиться. Он старательно упускал все, что касалось девушки, помогавшей ему бежать. Он ни словом не упомянул о ней, рассказывая только о себе. Все же остальное было абсолютной правдой, и все-таки Кейд чувствовал себя неуютно. Почему он стал врать Верховному Понтифексу ради какой-то грязной мещанки в подвязке?

Он закончил рассказ описанием своих приключений в подземном коридоре, не забыв указать, что замок на двери сумел открыть Фледвик.

— Отлично, — тут же откликнулся Верховный, поторапливая Кейда, — и что же потом?

— Потом мы вошли в комнату леди Мойи.., — Кейд поперхнулся, неловко покосившись на Верховного. Однако на невозмутимом лице не отразилось ровным счетом никаких эмоций.

Леди Мойя вызвала охрану.. и он, Верховный Понтифекс, олицетворение гордости и славы Ордена, тут же откликнулся на ее звонок... Кейд поднял глаза на точеное, гордое пожилое лицо.

— Тебя что-то тревожит, Брат мой? — невозмутимо поинтересовался Верховный небрежным тоном, словно ничего не произошло. — Если мои объяснения как-то помогут развеять твои сомнения и смятение, которые я вижу на твоем лице, то я с удовольствием сообщу тебе кое-что. Леди Мойя — благословение этого места. Придворные — наши гости, и сопровождающее их окружение

должно жить в привычных для них условиях. Так велит закон этикета. Они не могут поселиться в здании Конвента, приближенным ко двору не полагается жить с простыми Братьями Ордена. Так вот, леди Мойя здесь именно для того, чтобы создать такие условия и проводить все церемонии, связанные с принятием гостей. Ты и сам должен понимать: подобными вопросами мне, Верховному Понтифексу, не полагается заниматься.

Кейд почувствовал, как краска заливает лицо. Нет, он не хотел сомневаться в честности и порядочности Верховного Понтифекса. Без сомнения, он говорит абсолютную правду. Но оставалось одно маленькое "но". Эта кокетливая, зазывная улыбка, которой она одарила его перед уходом. И еще, почему леди Мойя, всего лишь организатор проведения церемониалов, одним нажатием кнопки вызывает в свои апартаменты не простую стражу или охрану, которой так много в здании, а самого Главу Ордена. И что уж самое удивительное, что сам Верховный Понтифекс, словно какой-нибудь караульный, бежит к ней по первому же зову...

В голове у Кейда была полнейшая сумятица. Он даже не знал, что ответить на все эти объяснения.

— Благодарю вас, сэр, что вы нашли время выслушать меня. Я все рассказал. Остальное вам известно.

Вероятно, на этом бы и закончился их разговор, но тут Фледвик напомнил о себе неуверенным покашливанием. Кейд тут же принялся рассказывать о данном старому учителю обещании

о помиловании за содействие в секретном и срочном деле.

— Совершенно правильно, — охотно поддакнул Верховный Понтифекс, и Фледвик облегченно расслабился.

Арль вызвал охрану. Когда в комнату вошли три Оружейника, он торжественно указал на Фледвика:

— Это бывший Наставник Клейн-дао, Фледвик Зитс. вы наверняка помните, что был отдан приказ уничтожить его на месте, как маньяка-убийцу. Однако, я нахожу, что этот приказ был отдан ошибочно. Зитс — преданный гражданин своей Империи, который оказал содействие Оружейнику Ордена в очень важном и секретном деле. Он совершил незначительные проступки, но все они искупаются его покаянием и раскаянием. Принесите бумагу, я напишу ему помилование за отличную, преданную службу Императору.

Кейд украдкой взглянул на Фледвика и заметил, что тот старательно смотрит в другую сторону. Он и сам-то не мог забыть комнаты леди Мойи, а уж старый воришка и тем более. Кейду хотелось отвести учителя в сторону и объяснить, что внешние формы не всегда соответствуют содержанию. Что Верховному Понтифексу, как главе Ордена, очень часто приходится иметь дело с придворными и даже дамами, но внутренняя его жизнь подчинена законам Клейн-дао. И гордость Ордена никогда не позволит себе нарушить заповеди философии. Наверняка, отношения между Арлем и леди Мойей не были тем... чем казались на первый взгляд.

Вероятно, Кейд бы действительно сказал все

это старому учителю, если бы был полностью уверен в правоте своих мыслей. Но увы, он скорее пытался убедить самого себя, и сомнения по-прежнему одолевали его.

Кейд молча ждал, когда наконец Верховный напишет помилование, а затем поставит свою размашистую подпись, которую он так часто видел на официальных документах и приказах. Один из Оружейников капнул на лист термопластиком, и Арль быстро приложил к нему рукоять оружия с печатью.

Такую же точно печать Кейд, в нередких порывах сентиментального рвения, прижимал ритуальным жестом к груди, губам и лбу, потому что до нее дотрагивались рука и оружие Верховного. Он снова почувствовал, что краска заливает лицо. Чтобы немного прийти в себя, он поднялся и без разрешения подошел к Фледвику.

— Теперь с тобой все будет в порядке, — тихо заметил он. — Я сдержал слово. Ты был неплохим спутником.

Коротышка посмотрел на него в упор пронзительным, но каким-то грустным взглядом.

— Спасибо, что так говоришь. Я ни о чем не жалею. Наше путешествие было забавным, — он неожиданно хмыкнул. — Посмотрел бы ты на свою физиономию, в тот момент, когда я поймал кур! — конечно, это была вольность, но сейчас Кейд уже не мог на него сердиться. Все позади, он добился своего. Теперь его жизнь вернется в привычные рамки ежедневных обязанностей.

— Мне очень жаль, — неожиданно грустно заметил Фледвик, странным, совершенно отчуж-

денным тоном, которого Кейд никак не мог понять.

Наконец аудиенция закончилась. Оружейник передал Фледвику подписанное помилование. Верховный с нетерпением дожидался, когда же старый учитель закончит поток благодарностей.

— Мои Оружейники, — наконец произнес он, когда Фледвик все-таки умолк, — отвезут тебя на машине в Абердин. Думаю, тебе надо представить это помилование в ближайший Конвент, и тогда приказ потеряет силу. Без сомнения, тебе и самому нетерпится поскорее уехать отсюда, так что задерживать тебя не собираюсь больше, — он повернулся к Кейду, — А ты, Оружейник, наверное, уже давно не спал на армейской кровати, — он жестом подозвал к себе молодого солдата: — Отведи нашего брата в Конвент к караульным. Утром ему понадобится полное обмундирование.

Кейд лишь растерянно отдал салют прежде чем выйти из кабинета Верховного. Арль только сухо кивнул в ответ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Отведенная Кейду кровать в маленькой каморке была самой настоящей армейской и придавала уверенность в том, что наконец-то все стало на свои места. Кейд вытащил из стенного шкафа спальный мешок, разделся, снова пристегнул к поясу ружье, надул мешок и забрался в него. На протяжении стольких дней он мечтал об этом моменте и думал, как безмятежно будет спать в такую ночь. Однако сон не шел. Кейд долгое время лежал в мешке, переворачиваясь с боку на бок не в силах заснуть. Как он сказал Фледвику? "С тобой все будет в порядке"? Странно спокойствие не приходило. Казалось, сам воздух был наэлектризован. Что-то происходило у него под самым носом, а что, он никак не мог понять. Улыбка женщины, скупающий взгляд Верховного, короткий кивок на прощальный салют...

Кейд со вздохом выбрался из мешка и подошел к окну. Внизу, пятью этажами ниже, располагался замкнутый двор, образованный Внешним Кольцом Здания, следующим кольцом и переходами между ними. Все многочисленные окна, выходившие во двор были темны, но узкий серп месяца высвечивал бетонный пол внизу. Похоже, это изолированное крыло здания. Кейд долго стоял, всматриваясь в ряды черных окон, в силуэты

переходов. Ему хотелось наконец успокоиться, лечь и уснуть. Но привычная обстановка только рождала тревожные мысли.

Ну хорошо, наконец рассерженно сказал сам себе, подумай над всем, что ты видел здесь. Вспомни, какими взглядами обменялись леди Мойя и Верховный. Как Арль старательно изображал интерес к твоему делу, но скука все-таки одолела его. И этот привычный рассеянный жест, которым он поднес к губам курительную трубку. Что тебе известно обо всем этом? Что ты знаешь и что умеешь кроме того, как исполнять свой долг?

Может именно таким и должен быть Верховный Понтифекс. Может все произошло именно так, как и должно было случиться? Может все, начиная от отравленного сидра и до последнего разговора — всего лишь проверка твоей благонадежности и преданности? Как ты можешь это знать?

Кейд даже отшатнулся при такой мысли. Это слишком пугало его. Неужели кому-то понадобилось таким сложным образом проверять его преданность Ордену? Зачем? Он когда-то говорил, что подобного не случалось за все десять тысяч лет со дня Великого Сотворения. А может он неправ? Нет, таким мыслям нет места в его голове. Если это проверка, значит так и надо, а если нет, то... он не имеет права судить о Верховном. Чего он, собственно ожидал? Что Арль заинтересуется его делом и сам примет участие в расследовании? Глупо. У Верховного Понтифекса достаточно важных дел. А кто он, Кейд, такой? Рядовой Оружейник, который обязан идти туда,

куда его направляет всевластная рука Императора...

Его мысли невольно перекинулись на пещеру, по которой ему пришлось бродить сегодня ночью. Он вспомнил, как его охватывала дрожь при одной мысли о ней. А потом оказалось, что это всего лишь старые, заброшенные коридоры без ужасов и рычащих монстров, которыми старые бабки пугали своих маленьких озорников-внуков.

Это здание из пяти колец, неужели его в самом деле построили десять тысяч лет назад? И что сначала было построено: пещеры или само здание? И тут неожиданно пришла мысль, еще не оформленная до конца, но настолько страшная, что Кейд не посмел ее додумать: а если ты сидишь в скуттере, и прямо под тобой такое вот здание... нет, это было невыносимо! Что с ним случилось? Ему наверняка придется пройти курс корректирующего лечения, если так будет продолжаться и дальше. А не может ли такая сумятица в мыслях служить признаком помешательства?

Он со вздохом вернулся к постели, забрался в спальный мешок и постарался устроиться поудобней. Постепенно пришло успокоение. Завтра ему выдадут новое обмундирование: плащ, шлем... ботинки... Он перестал вслушиваться в тишину спящего здания, погружаясь в приятную медитацию. Не прошло и пяти минут, как Кейд уснул...

Ему снился беспокойный сон, будто он и Фледвик вломились в комнату леди Мойи, но тут появился Верховный Понтифекс и принялся угрожать оружием. А леди Мойя превратилась вдруг в ту девушку, которая помогала бежать Кейду, и Арль решил ее пристрелить. Кейд долго

уговаривал не делать этого, он торопливо и сбивчиво объяснял, как она, рискуя собственной свободой, помогала ему избавиться от действий наркотика и гипноза... что только благодаря ей Верховный жив, потому что его, Кейда, могли бы заставить убить его... А девушка, вжавшись в угол и умоляюще сложив руки слабо звала его почему-то чужим, не женским голосом:

— Кейд! Кейд!

Кейда словно толчком вышибло из сна. Он резко сел на постели и прислушался. Нет, этот крик не приснился ему. он мог бы поклясться, что слух его не обманул. Кейд рывком открыл замок спального мешка и подскочил к окну. Ему понадобилось какое-то время, чтобы привыкнуть к темноте на улице. Луна зашла, черный провал узкого двора ничем не освещался. Однако он сумел разглядеть нескольких человек — четырех — они ясно выделялись на фоне бетонной площадки. Один из них был поменьше ростом.

Внизу явно происходила какая-то свалка, трое здоровяков пытались разделаться с четвертым — маленьким. Тот протягивал им что-то белое и при этом говорил. Звук голоса до Кейда долетал с трудом сквозь плотные оконные рамы. Но вот глаза подвести Оружейника не могли. Этот коротышка просил пощады, он умолял...

Фледвик!

Кейда как-будто током шибануло. Он вдруг понял смысл всего происходящего. Этот, внизу, коротышка — Фледвик, это он размахивал белым листком бумаги, на котором было написано помилование Верховного Понтифекса. Кейд с ужасом увидел, как один из солдат выхватил из рук

Фледвика этот клочок бумаги и яростно разорвал его, отшвырнув обрывки в сторону.

Это показалось таким кощунством, в которое нельзя было поверить. Порвать помилование, написанное рукой самого Верховного?! Растоптать печать Ордена?! Что происходит?

Он, словно во сне, наблюдал за продолжением сцены. Один из охранников отшвырнул Фледвика к противоположной стене. Потом все трое достали оружие, взяли его на изготовку... Фледвик сгорел почти сразу, его мучения длились не больше пяти секунд. Он даже не успел метнуться в сторону, когда три луча одновременно ударили ему в грудь.

Короткий, полный смертельного ужаса, вопль прорезал тишину, и уже через десять секунд все было кончено. От Фледвика остались лишь обугленные останки. За всей этой страшной сценой Кейд наблюдал со странным чувством отчужденности, словно происходило это не в реальности, а в дурном сне. Затем он увидел, как три охранника разделились. Двое вошли в дверь внутреннего кольца, а третий направился в то самое крыло, в котором находился Кейд.

Его стошнило прямо здесь же, у окна. А когда спазм прошел, он вдруг сообразил, что на его глазах убили человека из боевого оружия Ордена. Это само по себе было грязным осквернением священного символа Оружейников. Но самое страшное, что убийство это совершили люди, служившие Верховному Понтифексу, нарушив все законы, презрев помилование, написанное рукой Главы Ордена! Это было настоящее кощунство и святотатство!

Нет, это не могла быть просто важная тайна, в которую его, рядового Оружейника, не желали посвящать. И это, конечно же, не было проверкой его стойкости и преданности. Это была грязная ложь, предательство и вероломство! Убийство ни в чем неповинного человека по приказу Главы Ордена, Верховного Понтифекса!

Тихо открылась дверь. Кейд замер, осторожно вытаскивая из кобуры оружие. Темная фигура скользнула к спальному мешку.

— Ты меня искал, Брат мой? — сквозь зубы прошипел Кейд.

Убийца резко обернулся на этот шепот, ружье было у него в руке. Вероятно, он бы выстрелил, но Кейд не дал ему этот шанс. Охранник сгорел раньше, чем успел сообразить, что его жертва вовсе не в беспомощном сне.

Мозг Кейда работал холодно, расчетливо, с кристальной чистотой и ясностью. Его мертвое тело уже однажды находили в подвале дома, в Саррабле. Ну что ж, если они хотят видеть его мертвым, он может проделать тот же трюк. Только теперь, он сам сыграет с ними шутку. Пока они найдут этот обезображенный труп, пока хватятся пропавшего охранника, ему хватит времени уйти отсюда и спасти собственную жизнь.

Он засунул обугленное тело в спальный мешок и бесшумным зарядом при минимальной температуре медленно спалил тонкую ткань. Вероятно, всех, кто находился поблизости, в пределах слышимости, могли предупредить об одном выстреле на полную мощность. Но больше убийце и не потребовалось бы. Кейд старался быть очень

осторожным. Он вдруг понял, что никому не может доверять. И особенно Братьям по Ордену.

Кейд торопливо натянул одежду, в которой пришел сюда: дикую смесь штатского и военного. Затем осторожно приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Там никого не было. Он быстро прошел вниз, стараясь двигаться как можно тише. Ружье он держал в руках на тот случай, если вдруг столкнется с охранником. Однако крыло было совершенно безлюдным. То ли потому, что здесь поблизости жила леди Мойя, то ли готовили тайное убийство и перевели всех людей в другое место.

Кейд знал только один выход отсюда, через будуар придворной дамы. На внутренней двери ее апартаментов стоял радионный замок, который Оружейник открыл за пару секунд. Проскользнув через комнату, Кейд оказался в спальне, обитой шелком. Здесь горел неяркий ночник, а в воздухе по-прежнему витал сладковатый запах того вещества, что курила леди. Однако самой женщины в комнате не было. Впрочем, как охранников поблизости. Кейд огляделся и заметил на туалетном столике рядом с роскошной кроватью золотые безделушки, о назначении которых он даже и представления не имел. Только сейчас Кейд вдруг понял, до какой грязи заставила пасть судьба. Ему предстояло стать вором.

Он не знал, куда ему идти, где скрываться и как будет добираться до безопасного убежища. Но одно он представлял совершенно отчетливо: Конвенты Ордена для него теперь закрыты навсегда. Впервые в жизни ему требовались деньги. Те самые деньги, о которых раньше ему даже и

думать не приходилось. А золото, как он помнил еще с детства, можно обменивать на деньги, или на другие вещи, а если потребуется, то и на услуги...

Он сгреб со столика роскошные вещицы и распахнул по карманам, даже немного удивившись, что такие маленькие безделушки могли оказаться столь тяжелыми.

Кейд огляделся и заметил еще одну дверь, она была полуоткрыта. Он осторожно, на цыпочках, подошел к ней и заглянул в проем. Леди Мойя спала, раскинувшись на широком диване. Она была одна, и почему-то Кейд почувствовал даже некоторое облегчение от этого факта. Красивая, точеная головка на белой подушке шевельнулась. Оружейник опасливо отпрянул назад и застыл. Однако женщина лишь слегка повернулась на бок и продолжала спать. Кейд бесшумно добрался до двери, ведущей в старые, подземные коридоры и стал открывать щеколду. Она заскрипела, как показалось Оружейнику, очень громко, на все здание. Однако леди по-прежнему спала, из ее комнаты не доносилось ни звука. Кейд отодвигал задвижку медленно, сантиметр за сантиметром, и наконец дверь распахнулась.

Когда они с Фледвиком шли сюда, тренированный глаз Оружейника с профессиональной точностью фиксировал путь. Теперь Кейду понадобилось всего несколько минут, чтобы добраться до выхода из пещеры.

Выглянув из-за угла, он внимательно осмотрел пустынную местность. Караул еще не сменился, и к его радости, число охранников не увеличи-

лось. Как видно, Верховный Понтифекс очень полагался на своих головорезов.

Пробегая по темным участкам, Кейд заметил караульного, который теперь маршировал вдоль стены вместо убитого марсианина. Вот он ступил на освещенный участок, поприветствовал своего напарника, развернулся и зашагал обратно, чтобы на другом конце маршрута встретиться со вторым патрульным. Они действовали как заведенный часовой механизм.

— Идиоты! — мелькнуло в голове у Кейда.

Впрочем, еще совсем недавно, каких-нибудь несколько дней назад, он и сам был таким заведенным часовым механизмом, готовым идти куда угодно, и выполнять любой приказ, отданный Понтифексом Конвента. Он долгие годы был настоящими дураком, с пяти лет, когда принял твердое решение вступить в ряды Ордена, и вплоть до сегодняшнего вечера. Да что там говорить, он был полнейшим кретином еще полчаса назад, когда из шкуры лез вон, объясняя Верховному о чрезвычайной важности собственной миссии. Каким же идиотом он тогда, наверное, показался Арлю!

Выйти из пещеры оказалось куда легче, чем войти в нее. Он шмыгнул под самым носом у часовых и уже через секунду с головой зарылся в высокую траву. Это убежище могло спасти человека... эта неожиданная мысль резанула сознание, точно острым лезвием. Не Оружейника, а человека.

Добежав до укрытия, Кейд ничком повалился на землю и долго лежал, боясь шевельнуться. Он прислушивался к тишине ночи, ожидая, что вот-

вот поднимут тревогу. Однако пока все шло спокойно. Наверняка охранники, после предыдущего инцидента, не ожидали никаких сюрпризов. К тому же, если они что-то и заметили, то только безликую черную тень, которыми полна ночь.

Полежав в кустах несколько минут и убедившись, что все в порядке, Кейд ползком двинулся по направлению реки. Когда же здание осталось далеко позади, он поднялся и спокойно, уже ничто не опасаясь, зашагал дальше.

Теперь над ним не было командиров, он сам решал куда ему идти, и что делать. Однако, оставить своего расследования Кейд не хотел. Оно едва не стоило ему жизни. Если бы ни предсмертные вопли Фледвика... Кейд мотнул головой, стараясь отогнать от себя эти мысли. Что было, то было. Теперь ему надо думать о будущем. Он должен во всем разобраться ради собственной безопасности, ради Империи, которой он по-прежнему служил. И потому ему надо попасть сначала в Абердин, а затем в Болтимор. Кейд знал, что оба города расположены севернее. Вот туда-то он и направится.

Уже через несколько минут быстрой ходьбы Кейд вышел на берег Потомака. Сейчас он не мог переправиться через нее вплавь или хотя бы с помощью импровизированного спасательного круга, которым еще вчера вечером воспользовался Фледвик. Золото слишком сильно оттягивало карманы, а расставаться с ним Кейду не хотелось.

Он побрел вверх по течению в поисках какого-нибудь небольшого бревна, которым смог бы управлять. Но ни бревна, ни моста не нашел. Уже первые лучи восходящего солнца осветили синюю

гладь реки, когда Кейд неожиданно услышал приглушенные голоса, доносившиеся с мостков на берегу. Он упал на живот и по-пластунски подполз поближе, чтобы подслушать разговор.

— Ну-ка полегче, черт-тя дери!

— Нашелся выскочка! Можешь сделать лучше, так сделай и заткнись!

— Сам заткнись! Будешь так орать, точно в тюрягу угодим.

— Напугал! Да мне там отсидеть — раз плюнуть.

— Вот и сиди там, если хочешь, только на мои передачи не надейся, понял? Я себе найду занятие поинтересней, чем два года в тюрьме киснуть.

— Да ладно тебе, чего ты завелся? Нас пока еще никто не сцапал.

Фразы были знакомы. “Отсидеть — раз плюнуть” означало легко отбыть короткий срок наказания в тюрьме. Это Кейд узнал от Фледвика. Впрочем, и весь остальной жаргон — “заткнись”, “орать”, “киснуть”, “сцапать”, — все говорило о том, что эти двое преступники... пожалуй, как и он сам. Кейд поднялся и увидел двух мещан, грузивших какие-то ящики на маленький плотик.

Они не сразу заметили постороннего наблюдателя и еще некоторое время занимались своим делом. Однако увидев Кейда, замерли на месте, как вкопанные, ожидая, когда он спустится вниз с холма и подойдет поближе.

— Что это вы тут замышляете? — потребовал Кейд уверенной походкой подходя к двум мошенникам.

— Сэр, мы... мы только..., — начал мямлить один из них, однако другой оказался более на-

блюдательным и куда как сообразительным. Он отстранил своего напарника и шагнул вперед:

— Эй, парень, — холодно бросил он, внимательно изучив внешность Кейда. — Что это еще за прикид? Да ты никакой не Воин!

— Никакой это не прикид, — твердо отрезал Кейд, стараясь говорить с естественной уверенностью.

— Ну да, трепи, — с насмешкой откликнулся мошенник. — Никто не станет рисковать шкурой за просто так. Двадцать лет строгого режима. А на тебе, между прочим, плащ с чужого плеча и поддельное оружие. Обыкновенный самопал, — гордо заявил парень. — Я же вижу.

Второй скорчил презрительную гримасу.

— А я-то, дурак, попался! — хмыкнул он. — Ну точно, и форма липовая, и ружье самопальное! Мотай отсюда, парень! Знать тебя не знаю, и знать не хочу. Еще не хватало загреметь вместе с тобой на двадцать лет.

Кейд даже не двинулся.

— Мне надо переправиться на вашем плоту. Я могу заплатить, — и он достал из кармана золотую табакерку.

Кейд был готов уже спросить: хватит ли этого. Но когда увидел расширенные глаза и полураскрытые рты, сразу же понял — даже больше, чем достаточно.

— Кроме того, мне нужна штатская одежда, — добавил он и тут же мысленно чертыхнулся. Он с головой выдал себя этим привычным словечком “штатский”. Однако мошенники, похоже, даже не обратили внимания на такую мелочь.

— Ну, о чем речь, дружище, — сразу же

растаял тот, которого не проведешь липовым ружьем. — Конечно мы тебя перевезем. Вот только насчет одежды... это уже сложновато.

— Ничего, я тебе быстро все устрою, — торопливо заверил второй, боясь, как бы незнакомец не передумал. — Ты примерно моего роста. Могу по дружбе уступить тебе кое барахло.

Кейд взвесил на ладони золотую табакерку. Конечно, весит она прилично, но он представления не имел, сколько может стоить комплект одежды.

Проныра понял молчание Кейда иначе. Он пожал плечами:

— Ну, как хочешь, мое дело предложить...

— Ладно, я согласен, — оборвал ненужную трепотню Кейд.

Парень принялся раздеваться до нижнего белья. Как оказалось, его размер совсем не подходил Оружейнику. Однако другого выхода не было. Кейд натянул на себя чужие шмотки и принялся перекладывать золотые безделушки в карманы гражданской куртки. У обоих мошенников глаза так и ползли на лоб. До сих пор, похоже, им не доводилось видеть подобного богатства.

— Да, парень, с такими бабками ты не пропадешь. Только вот игрушку свою выкинул бы ты, — посоветовал мужчина поопытней. — Разгуливать с такой штукой все равно, что выдавать себя за Оружейника. Сам знаешь, чем это может кончиться, если тебя сцапают.

— Нет, оружие останется при мне, — резко отрезал Кейд, набрасывая плащ на плечи и пряча под его полами опасное свидетельство, которым

дорожил. Даже сейчас, перестав ощущать себя Оружейником, он не мог почувствовать себя в безопасности безоружным. Даже если эта безопасность мнимая. — Все, нам пора переправляться, — бросил он, поднимая взгляд на двух парней.

— Послушай, — неожиданно предложил гражданский постарше. — А мы могли бы перебросить тебя и по-другому.

— Ты что? — оторопел второй, ничего не понимая.

— Ай, да заткнись ты, — отмахнулся от него первый, как от назойливой мухи. — Не видишь, что фраер в бегах?

Ага, значит теперь он “фраер в бегах”, подумал Кейд. Ну что ж, неплохое начало для бывшего Оружейника.

— Ну, и что ты можешь сделать для меня? — он испытующе посмотрел на старшего.

— Ну, понимаешь, парень, мы толкаем косяки. Для фраера это, конечно, не работа, но мы, если что, получим такой же срок, как и ты. Мы получаем косячки от.., — он запнулся, — от производителя и переправляем через реку. Там их подхватывает машина. Водила мог бы...

— За две такие штучки, — решительно вмешался второй, тыча пальцем в сторону карманов Кейда, — мы доставили бы тебя водителю и даже могли бы поручиться за тебя, а уж он подбросит тебя туда, куда ты сам скажешь.

— За одну штучку, — наугад бросил Кейд и вопросительно воззрился на двух мошенников, мысленно прикидывая, что же такое косяк.

— Заметано, — быстро откликнулся второй, более приветливый, пройдоха.

Кейд порылся в кармане и протянул ему приблизительно такую же коробочку. Тот нежно погладил ее пальцем, затем спрятал во внутренний карман куртки.

— Вот и отлично, а теперь давай-ка по косячку, за сделку. Никто не заметит, подумаешь, всего-то три штуки, — и не дожидаясь ответа, он открыл один их плоских ящиков на плоту и вынул три палочки, скатанные из бумаги. Кейд с интересом наблюдал, как оба сунули их в алюминиевые трубочки, зажгли и закурили. Только теперь до Кейда дошло, что эти самые “косячки” вставляются в курительные трубки, как и те, что были в комнате у леди Мойи.

— Спасибо, — деловито произнес он, засовывая свою в карман. — Я лучше с собой возьму.

Оба проныры посмотрели на него с нескрываемым отвращением, Кейд понял, что совершил довольно серьезный промах. Конечно, в среде мещан наверняка есть свои представления о подобающих и неподобающих вещах. Сколько еще таких промахов сойдут ему с рук?

Палочек хватило ровно на минуту, выкурив их, парни пришли в благодушное настроение и совершенно расслабились. Однако Кейд держался на чеку. Он знал, что терять бдительность сейчас — большая ошибка. Он включил все свое умение и смекалку, чтобы узнать из их разговоров побольше полезного для себя.

— Слишком часто я балдею, — с сожалением произнес один. — Это все потому, что они у нас под руками.

— А тебе что, от этого хуже? — откликнулся другой.

— Да вот, всякий раз даю себе слово завязать... и все как-то не получается. Конечно, мы неплохо на них греем руки, но раз Император говорит, что это нехорошо, значит нехорошо.

— Ну ты даешь? А Император-то тут при чем?

— Ну, так ведь первый Император приказал огласить списки: что можно, а что нельзя.

— Да, поди ты, скажи это моей бабе, — хмыкнул второй. — Она только у меня знай просит: купи это, купи то. На нее не напасешься. А сейчас вообще шибануло ей в мозги, захотела себе прозрачное платье, как у благородной. Я ей толком объясняю, что она его никуда одеть не сможет, разве только дома носить. Да и то опасно. Если кто увидит..., — он с отчаянием махнул рукой.

— Бабы — это бабы, — качнул головой его собеседник. — Им если что в голову втемяшится, сроду не вышибешь. А ведь законы только для них и писаны. А то начнут корчить из себя благородных, так у тебя вообще гроша не останется... А вот и машина, пошли.

Кейд увидел свет фар на противоположном берегу. Они зашли на плот и отчалили. Кейд уселся на ящики. Один из мошенников отталкивался шестом, второй правил. Машина, стоявшая на шоссе, тянувшегося вдоль берега, оказалась большим пассажирским автофургоном какого-то неопределенного цвета и заляпанными грязью номерными знаками.

— А это кто? — грубо рывкнул водитель, когда они втроем подошли к нему.

Это был высокий, уже начинающий полнеть, мужчина, в его руке поблескивала толстая бронзовая трубка.

— Фраер в бегах, — охотно пояснил покладистый преступник. — При хороших деньгах. Мы сказали, что ты можешь подбросить его, куда надо.

Кейд нахмурился. Ему совсем не нравился расклад событий.

— Вы мне это обещали наверняка, — заявил он уверенно.

— У меня и своих дел по горло, — отрезал водитель. — Так что давай, дуй отсюда, задница.

По всей видимости, “задница”, было довольно грязным оскорблением. Кейд как-то должен был отреагировать. Он вздохнул, развернулся и, почти не прилагая никаких усилий, заехал толстяку прямо в мягкий, дряблый живот. Тот охнул и согнулся пополам, заваливаясь на бок. Кейд повернулся к остальным:

— Слушайте вы... задницы, отдавайте одну из моих коробочек. И не вздумайте сопротивляться, а то обе отниму.

Они перекинулись разочарованными взглядами, но спорить не стали, помятуя об оружии. Кто его знает, этого залетного фраера, и пикнуть не успеешь, как превратит троих в дымящиеся угольки. Кейд молча забрал одну из табакерок и показал водителю, который сидел на земле и непонимающе тряс головой, силясь прийти в себя.

— Это твое, если доставишь меня куда надо.

Толстяк глянул на вещицу. Удивление и насто-

рожденность мелькнули на его круглом лице. Он оживился, заелозил, пытаясь подняться.

— Ладно, парень, — с готовностью откликнулся он, с трудом выпрямляясь. — Но сначала мне надо доставить товар. Не могу же я терять работу из-за фраера, которому захотелось прошвырнуть-ся до города.

— Мне надо в Абердин, — сказал Кейд, наконец приняв решение.

— Идет. А теперь подожди, пока мы все это погрузим.

Плоские ящики с косяками запихнули в самые неожиданные места: под сидения, под обшивку пустых сидений, за съемные панели. Как видно, косяки и в самом деле входили в список запрещенных предметов. Ребята очень боялись попасться на глаза полиции с таким товаром.

Кейд наблюдал за работой трех мошенников и ломал голову, почему, собственно, он выбрал именно Абердин. Впрочем, с чего-то же надо было начинать. Почему бы не начать с той девушки, которая помогла ему? Это бы даже было логичней всего. Она может знать такое, о чем он и представления не имел. Похоже, она догадывалась о будущих событиях, вот почему и не пускала его в Конвент. Неужели она догадывалась, что его могут убить? О чем это он, в самом деле? Она же ясно его предупреждала!

Кейду стало не по себе. Похоже, он действительно вляпался в какую-то грязную игру. Нет, надо обязательно найти эту девушку и поговорить с ней. Вряд ли его станут искать там, где он попался в первый раз.

Все еще размышляя над своими проблемами, он сел рядом с водителем.

— А где тебя высадить в Абердине? — поинтересовался тот, когда они тронулись.

Какую-то долю секунды Кейд сомневался.

— Ты знаешь заведение мадам Кэннон? — наконец спросил он неуверенно.

— Еще бы, — с явным неодобрением откликнулся водитель. — Я им туда товар поставляю.

Кейд сразу же постарался ухватиться за ниточку:

— А что, там что-то нечисто? — настороженно спросил он.

Он боялся, как бы это место не оказалось полно шпионами. Однако водитель только пожал плечами:

— Да нет, старуха в порядке. Да и девочки ее... тоже. Мне вообще-то, плевать, в какой притон ты собираешься идти. Сказал, что отвезу тебя, значит сделаю. Я слово держу.

Тринадцать лет промывания мозгов не проходят даром. Кейд вдруг почувствовал себя виноватым и принялся оправдываться, словно зеленый пацан:

— Просто мне там надо найти кое-кого... девушку, — с запинкой выдавил он и покосился на водителя, ожидая его реакции.

Казалось, на того подобное откровение не произвело никакого впечатления. Он снова меланхолично пожал широкими плечами:

— Подумаешь, мне-то какое дело? Раз сказал, что доставлю, значит доставлю. Сам-то я семьянин, и по пивным не шастаю. Конечно, меня и на

проповеди-то не слишком тянет, но уж что прилично, а что нет, это я знаю точно.

Это замечание несколько возмутило Кейда. Да что он себе позволяет, этот гражданский?!

— А косяки перебрасывать по-твоему благородное занятие? — выпалил он гневно, не успев одернуть самого себя.

Однако, похоже, это не задело водителя.

— А кто тебе сказал, парень, что я сильно горжусь своим занятием? — ответил он вопросом на вопрос. — Я сам этой гадостью не балуюсь, но не виноват, что какой-нибудь мещанин, как последний придурок тащится от них. Да и не одни только мещане... все знают, этой травкой даже благородные не гнушаются. А вот скажи им, что такая дрянь входит в запрещенный список, они скорчат тебе козью морду и скажут, что от этого никому еще плохо не было, и что на проповедях они жертвуют больше, чем ты в год зарабатываешь. А уж это-то Император точно одобряет, потому что все эти денежки идут в имперскую казну. Так-то вот! А ты говоришь!

Выслушав всю эту исповедь, Кейду вдруг захотелось взбунтоваться. Как этот гражданский смеет говорить подобные вещи о самом Императоре? Однако немного поразмыслив, он решил немного остудить свою ярость и неохотно согласился с водителем. Как бы там ни было, а сейчас ему совсем не хотелось ссориться с человеком, который мог помочь. Однако поддерживать дальше беседу не стал. Он завернулся в полы плаща и мгновенно уснул. Кейд знал, что толстяк обязательно сдержит слово и беспокоиться в сущности не о чем.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

При каждой остановке или рывке машины Кейд приоткрывал глаза, а потом снова засыпал. Но наконец водитель потряс его за плечо. Кейд вздрогнул и проснулся. Через окно он разглядел грязный, залитый солнечным светом, тротуар и каменные затертые ступеньки, ведущие к тяжелой, широкой двери.

Они находились в узком переулке, где машина средних размеров едва не касалась стен, проезжая по проезжей части. С обеих сторон возвышались закопченные бетонные стены трех — и четырехэтажных зданий. Ничто — ни окна, ни архитектура строений — не позволяли отличить один дом от другого, только грязь, кучи мусора, царапины на старом цементе да вмятины на тротуаре от многочисленных прохожих, бродивших здесь по ночам.

Водитель вынул из-под переднего сидения три аккуратно завернутых пакета и выжидательно уставился на Кейда, который, как казалось, и не собиравшись двигаться с места.

— Ну что? — требовательно осведомился толстяк. — Весь день будешь так сидеть? Открывай.

Кейд замер, в голове мысли принялись носиться со скоростью боевого скуттера, однако он

заставил себя расслабиться. Он был среди мещан, и они принимали его за своего. Значит и вести себя он должен соответственно. Это был урок, который ему надо заучить так же усердно, как когда-то, в подготовительном курсе, он зазубривал постулаты Клейн-дао. Теперь от его поведения зависела его жизнь.

— Извиняюсь, — пробормотал он себе под нос, делая вид, будто все еще ничего не представляет со сна. — Заведение мадам Кэннон?

— Что сам не видишь? — без всякой злости огрызнулся водитель.

— При дневном свете оно выглядит немного иначе, — пробурчал Кейд, открыв дверцу машины.

Он проследовал за водителем по каменным ступенькам и остановился у порога. Мужчина принялся тарабанить в дверь кулаком, и наконец в щелочку высунулась женская физиономия. Кейд узнал ее сразу же.

Делая вид, будто не замечает водителя, мадам Кэннон хрипло сказала, обращаясь только к Кейду:

— Пивная открывается только вечером, незнакомец. Тогда добро пожаловать.

— А я думал, это ваш приятель, — заинтересованно заметил водитель. — Фраер в бегах. Говорят, любит сорить деньгами, — и он выжидающе замолчал, хитро поглядывая на хозяйку Кэннон.

Выцветшие голубые глаза женщины медленно, изучающе осматривали Кейда. Сначала молодое лицо, затем полосатую, аляповатую одежду гражданского, потом старые потрёпанные сандалии,

которые почти совсем разлезлись на ногах. Затем осмотр повторился, но уже в обратном порядке. Все это заняло секунд пятнадцать.

— Кто ж его знает, — наконец пробурчала мадам Кэннон. — Может и встречались раньше. Всех не упомнишь, — наконец нехотя согласилась она.

— Знаете, знаете..., — неожиданно вставил Кейд. — И меня и мои монетки..., — все остальное пришло, словно по наитию: — Когда я был здесь в последний раз, одна из девиц вычистила до основания мой кошелек.

Женщина взглядела в лицо Кейда, кажется, она припомнила, при каких обстоятельствах видела его. По ее губам скользнула кривая усмешка.

— Это была не моя девушка, — уверенно парировала она, а на лице так и читалось: так тебе и надо, дурак, будешь знать, как цеплять кого попало. — И если она тебя обобрала, надо было заявлять в полицию.

— Ну ладно, — нетерпеливо вставил водитель, которому надоели эти препирательства. — Разбирайтесь тут сами, как хотите. А мне надо работу выполнять. Я и так уже опаздываю.

Дверь со скрипом приоткрылась пошире.

— Подожди-ка меня тут, — сказала женщина Кейду, заведя его в довольно просторную кухню. Сама она вместе с водителем отправилась в другую комнату обсудить дела.

Кейд принялся бродить по кухне, стараясь ни до чего не дотрагиваться. Однако он с любопытством изучал запасы продовольствия и оборудование.

Обширные столовые Конвента, в которых Кейд

провел не одну сотню часов, будучи еще Новичком, походили на это заведение не больше, чем... чем спальный мешок Оружейника на ложе леди Мойи. Единственная вещь, которую безошибочно узнал, был гигантский инфрабройлер, вмонтированный в одну из стен. Он походил на один из тех агрегатов, в которых готовили мясо на ужин для Оружейников. Но на этом сходство кончалось. Сквозь прозрачные дверцы охладителя Кейд видел разложенные по порядку куски мяса и вырезки, а неопиcуемый набор птицы, рыбы, мяса, морских животных, запыханных туда кое-как. В стенном шкафу напротив хранились фрукты и овощи, о которых он раньше и представления-то не имел. Вся эта сочная роскошь подобала извращенным вкусам гурманов.

Кроме того, он узнал машину для приготовления питательной смеси — основной пищи Оружейников. Но здесь, вместо сверкающего чистой огромного ящика стояла старая изношенная машина, засунутая подальше на полочку, скромно притулившаяся в самом углу, куда и добратся-то было довольно трудно. Как видно, питательная смесь в этом заведении не в чести.

На других полках комнаты стояли сотни пакетов с яркими этикетками, содержащие неизвестные ингредиенты для приготовления многочисленных блюд. Все это готовилось с помощью кастрюль, сковородок и сковородочек, комбайнов и миксеров, огромных чанов и маленьких чугушков, дозаторов, кувшинчиков, ковшичков... От такого изобилия начинала кружиться голова. И над всем этим царилa атмосфера веселого беспорядка, легкомысленного хаоса и вместе с тем

уюта, которая поразила Кейда и, казалось, вызвала давние, полузабытые воспоминания.

За последние несколько дней слишком много событий и вещей вызывали в нем воспоминания. Особенно воспоминания детства, от которых он отрекся с таким рвением в день принятия присяги. Теперь же они нахлынули с новой силой. Кейд вдруг понял, что никогда уже больше не сможет вернуться в Орден. И совсем не потому, что появление в любом из Конвентов грозило ему смертью. Нет. Оказалось вдруг, что он прекрасно может обходиться и без привычного уклада. Без ритуалов и церемоний, без постороннего напоминания об обязанностях и долге перед Императором... Раньше все это было нужно ему, как дыхание, как сама жизнь! А теперь все отошло на второй план, и временами даже казалось чем-то бессмысленным и не имеющим никакого значения.

Тебе нужен корректирующий курс лечения, сказал он самому себе. Но тут же спросил себя: а захочет ли он теперь, чтобы его мысли, его поведение, сознание кто-нибудь корректировал? Конечно, ему хотелось опять попасть в Орден, но Верховный Понтифекс...

Он хладнокровно отбросил неразрешимый узел своих обязательств перед Империей и Орденом. Теперь он был всего лишь гражданин, который не в ладах с законом. И первым делом ему надо было разыскать девушку, чтобы получить от нее информацию.

"Это была не моя девушка", — вспомнил он слова мадам Кэннон. И еще, тогда, когда он впервые попал в это заведение: "Если ты еще раз

попробуешь сюда вернуться, деточка... я об твой хребет стул разломаю". Конечно, после такого предупреждения девушка наверняка сюда больше не вернется. Но это неважно. Ему нужна была какая-то отправная точка, с которой он мог бы начать свое долгое путешествие в пропасть преступного мира, где эта странная девушка в подвязке чувствовала себя уверенно, словно в собственном доме.

Он невольно улыбнулся этой мысли. Разве раньше он мог себе представить, что он, один из лучших Оружейников придет к контрабандистам и попросит у них помощи, что явится в неприличное заведение, где обитают женщины продажные и глупые, что путь его отныне лежит за пределами закона...

— Послушай-ка, парень, — послышался совсем рядом хриплый женский голос, — не надо так улыбаться. Конечно, я не так молода, как прежде, да и фигура у меня уже далеко не идеальных форм, но я еще очень даже ничего. Иногда и пошалить могу, — мадам Кэннон стояла в дверях, разглядывая его со странной смесью добродушия и флирта. — Клянусь Властями! — воскликнула она удивленно, — он еще и краснеть умеет! Это же надо! — она весело фыркнула. — Здоров, как бык, выправка не хуже, чем у военного, улыбка такая, что мурашки по спине бегают, и он еще краснеет! Что ж, у нас есть девушки, которым такие нравятся. Ну а что касается меня, — она кокетливо повела бровями, — я люблю щедрых, — однако тон е резко изменился: — Лазар сказал, что у тебя водятся деньжата. Какой товар?

Он открыл было рот, но мадам Кэннон не дала ему сказать:

— Слушай, парень, тут и до тебя бывали ребята с товаром, жили здесь и день, и месяц... сколько кому надо, чтобы переждать неприятности... ну, сам понимаешь. Никто их ни о чем не спрашивал. Тут у нас вообще не принято вопросов задавать, понял? На всем Восточном побережье не найти более безопасного и надежного места... но я не могу позволить себе заниматься благотворительностью. Мало ли кому могут понадобиться крыша над головой и скромное убежище. К тому же, в нашем деле не последнюю роль играет протекция. Тебя привел Лазар, говорит: ты парень надежный.., — она усмехнулась, — впрочем, я это и сама вижу. Мне твоя мордашка понравилась, иначе я бы тебя не приняла здесь даже за все деньги Империи. А здесь ты можешь получить неплохую комнатку, еду три раза в день и все остальное... если понадобится...

Она любительница поболтать, вяло отметил про себя Кейд. Он не перебивал ее, и из ее трескотни выяснил для себя много полезного. И главное — он может остаться здесь на столько, на сколько потребуют обстоятельства. Правда, с одним условием — деньги вперед.

Наконец мадам Кэннон замолчала, хрипло дыша. Кейд тут же воспользовался этой короткой передышкой:

— О деньгах не беспокойтесь. Я... у меня их полно. Я могу заплатить, сколько скажете, — выпалил он не задумываясь.

Из разговоров с водителем и теми двумя пар-

нями, из болтовни этой грубой женщины он понял: деньги — главное.

— И чем? — мадам Кэннон вопрошающе уставилась на Кейда.

Он сунул руку в карман и вытянул из него первое, что попало. Это была крошечная, сверкающая драгоценная безделушка — пять маленьких колокольчиков, подвешенных на тоненькой проволочной петле. Они издавали почти неслышимый мелодичный перезвон, когда Кейд аккуратно, стараясь не раздавить, положил их на стол. Взгляд женщины так и приклеился к дорогой безделушке.

— Практически ничего не стоит, — после нескольких секунд молчания спокойно произнесла она, поднимая взгляд на Кейда. — К тому же слишком трудно сбыть.

— Ну... я не знал, — извиняющимся тоном пробормотал Кейд, протягивая руку за золотыми колокольчиками. — Может что-нибудь еще вот...

— Да ладно тебе! — неожиданно расхохоталась женщина, сотрясаясь огромным, жирным телом. — Ну надо же, иметь такое богатство и пойматься с первой же попытки! У тебя, конечно, и вторая есть? — закинула крючок мадам Кэннон.

Роясь в кармане в поисках парной безделушки, Кейд чувствовал, что уже совершил какую-то ошибку. Когда? В чем? Парная не находилась. Тогда Кейд вывернул карман, вывалив его содержимое прямо на стол и принялся в нем рыться.

— К сожаления, ее здесь нет, — наконец сказал он.

Женщина подняла зачарованный взгляд от выставки на столе.

— К сожаления, ее здесь нет, — передразнила она его, потом изучающе долгим взглядом посмотрела на Кейда. — Скажи, почему ты пришел сюда?

Кейд постарался как можно более естественно пожать плечами:

— Первое место, о котором вспомнил, — брякнул он.

Что-то было не так. Он действительно допустил ошибку. Какие еще представления мещан о приличии он нарушил сейчас?

— Или, скорее, единственное, — задумчиво поправила его мадам Кэннон, пристально глядя прямо в глаза Кейду. — Только не говори мне, будто в ту ночь ты был в таком состоянии из-за пары бокалов ликера. Может эта девка ничего и не заметила, но уж меня-то не проведешь. Я сразу могу отличить пьяного от наркомана, — она укоризненно покачала головой. — Надо же, такой молодой... ну, теперь-то понятно, что тебе и в самом деле нужна комната. Не шляться же тебе по всему городу с вещами, о ценности которых ты и представления не имеешь... тебе, видать, никто не говорил, что пока дело не закончено, засвечиваться нельзя. Ну так вот, парень, слушай меня — хозяйку этого заведения — этот товар надо сбыть и чем быстрее, тем лучше. Иначе ты на нем погоришь.

Ничего этого Кейд не понимал. Что значит “засветишься”, “сбыть”, “погореть”? Он решил не придавать особого внимания старушечьей болтавне.

— Если у вас есть для меня комната, я вам

хорошо заплачу, — терпеливо повторил он — Мне ничего, кроме комнаты и не надо.

Это неожиданно рассердило мадам Кэннон. Она сложила руки на груди и уставилась на Кейда злым взглядом:

— Видали вы его! Он мне хорошо заплатит! Ему видишь ли комната нужна! И все? Больше ничего? А когда начнется ломка, к кому ты первому побежишь? Ко мне? Нет уж, не надейся, я тебе травку таскать не стану. Пошли! — она рывком распахнула дверь и пошла вверх по темной лестнице, продолжая ворчать себе под нос: — У этих мужичков никогда ничего толком не узнаешь. Молчат, словно языки откусили, а потом одни неприятности от них. Можно подумать, им когда-нибудь хватало мозгов выпутаться самим.

Кейд сгреб обратно в карман золотые побрякушки и поспешил за женщиной. На площадке она вытащила связку ключей, как у Фледвика, открыла одним из них дверь и протянула Кейду:

— Ключ только один, — наставительно заметила она. — Можешь не беспокоиться. Здесь безопасно. Если проголодаешься или спесь с тебя сойдет и захочешь немного поразвлекаться, можешь спуститься в пивную. Буду рада увидеть твою мордашку среди своих девочек.

Он закрыл за ней дверь и внимательно осмотрел свои новые владения. Комната не отличалась чистотой и опрятностью. К тому же здесь было довольно темно. Стенные полки для вещей не выдвигались. Применять силу Кейд не решил. Впрочем, ему и хранить-то было нечего. Кровать была складная, старинная, он нередко видел

такие в домах мещан, когда заходил туда во время боев.

Он все еще никак не мог привыкнуть к мысли, что теперь ему придется жить среди мещан и быть одним из них. Он заперся на ключ, затем присел на край кровати и разложил на покрывале все свое богатство. Он осторожно перебирал вещицу за вещицей, задумчиво разглядывая каждую из них. Из разговора с хозяйкой заведения Кейд понял совсем немного. Однако, еще по беседам с Фледвиком, в его сознании укрепилось представление о значении золота. Да, золото можно обменивать на деньги, а деньги, в свою очередь, на еду, одежду, жилье и все остальное, что необходимо для жизни. Может быть именно поэтому появление такого количества золотых безделушек так взволновало хозяйку Кэннон?

Кейд уже знал, что ради денег люди могли пуститься на многие незаконные авантюры. Фледвик ради них не раз рисковал своим положением и работой, даже подвергал себя унижению, нарушал закон. Те двое парней, на берегу, они ведь тоже занимались чем-то незаконным, и все ради денег. Они даже пытались выманить у него побольше золотых побрякушек. А это значило, что он обладал чем-то особенным, что мещане очень хотели иметь. И у него этого было много.

Он растянулся на постели, но оказалось, что она слишком мягкая для него. Кейд перевернулся на бок, потом на другой. Нет, лежать на ней было просто невыносимо. Уж лучше на полу. Он поднялся и озадаченно почесал в затылке. Сплошные неудобства. К тому же, чтобы найти ту девушку, ему придется пойти в пивную. Ему совсем этого

не хотелось. Пусть он уже больше не Оружейник, но грязное, вонючее заведение по-прежнему вызывало в нем лишь неприязнь и чувство гадливости. Он вспомнил ту ночь, когда впервые, накаченный наркотиками, попал сюда: метание теней, яркие пятна перед глазами, расплывающиеся лица и плечи, голоса женские и мужские... спертый воздух, перехватывавший дыхание... его невольно передернуло от всего этого. Однако ничего не поделаешь, придется идти. Именно из-за этой пивной он тут оказался. Девушка из секты тогда нашла его там, а теперь, вероятно, он сможет найти ее.

Однако в таком виде появиться в заведении было бы стыдно. Он осмотрел себя. Нет, ему нужна новая одежда и ботинки... туфли. Кейд догадывался, что даже мещанин не станет носить постоянно одно и то же.

Когда он подошел к мадам Кэннон, хитрая старуха уже поджидала его с новостями.

— Слушай, парень, тебе бы следовало спуститься сюда пораньше, — выпалила она. — Тут шатался один старикашка, Карлин, но потом ему пришлось смыться. Ну да ладно, ничего, — она дружески похлопала его по плечу, как старого приятеля. — Он завтра все равно сюда утречком наведается. Я бы и сама могла послать его к тебе, да думала, ты отсыпaeшьcя после очередной дозы.

Кейд был несколько озадачен. Во-первых, он представления не имел, кто такой Карлин. А во-вторых, что значит “очередная доза”. Эта мадам Кэннон, похоже, так и будет говорить одними загадками. Не долго думая, Кейд поинте-

ресовался, кто же этот старик, о котором она говорит.

— Карлин? — удивленно переспросила хозяйка заведения. — Да у него тут магазинчик поблизости: продает одежду благородным. Я вот никогда не могла понять — почему это наши бездельницы готовы платить за нее бешеные деньги, — она пожала толстыми плечами. — Наверное, чтобы щеголять перед своими дружками за закрытыми дверями. Я когда-то и сама была ничего себе. Но если бы мне кто-нибудь из моих мужиков сказал, что мне нужна затейливая одежонка, я бы ему глаза выцарапала, — она хрипло хохотнула. — А ты не из нашего района, точно?

На какую-то долю секунды Кейд растерялся, сбитый с толку неожиданным вопросом.

— Я так и думала, — со вздохом заметила мадам Кэннон, понижая голос. — Слушай, — она наклонилась к нему через стол, и от ее декольте с низким вырезом на него пахнуло дешевыми духами. — Тебе, парень, нужен хороший совет, и я тебе его дам. Даже если ты и не хочешь. Ты скрываешься, — она загнула толстый палец, — и ты колешься.., — она загнула второй, — не слишком хорошее сочетание, можешь мне поверить. Но в то же время, мозги у тебя на месте, как я посмотрю. Ты не хочешь чтобы какая-нибудь баба, я или кто-то другой, вытянули из тебя все, что ты имеешь. Правильно, так и надо. Но тебе, парень, надо немного поубавить спеси... со мной, например. Слушай...

Она остановилась, немного помолчала, чтобы передохнуть и затем продолжала уже совершенно серьезным тоном:

— Я захожу сегодня в кухню и вижу, как ты стоишь там один и сам себе улыбаешься... послушай, парень, ты бы мог иметь роскошный дом на блюдечке с голубой каемочкой, а ты представления не имеешь о ценности тех безделушек, которые хранишь в кармане. Потом ты начинаешь корчить из себя благородного... а я чуть было не передумала давать тебе комнату. Послушай, парень, — она положила пухлую ладонь на его руку. Первым порывом Кейда было отпрянуть назад, но он постарался сдержаться и продолжал слушать. Если он хочет выжить в этом мире, ему надо напрочь забыть о своих привычках Оружейника. — ... с таким симпатичным лицом, как у тебя, да еще с таким телосложением, надо быть просто последним кретином, чтобы не воспользоваться такими данными. Тебе ведь не надо говорить... ты просто улыбайся, и все! — она выпрямилась и помахала рукой, приветствуя нового посетителя. Кейд почувствовал некоторое облегчение, когда она поднялась со стула. — Мне надо обслужить клиентов, — она на секунду задержалась. — Да кстати, у тебя хоть имя-то есть? Как тебя называть?

Кейд внутренне улыбнулся абсурдности ситуации. Она ведь сама только что советовала ему помалкивать, и вдруг этот неожиданный вопрос... Впервые за все это время их знакомства, Кейд вдруг посмотрел женщине прямо в глаза. В ее взгляде не было ни хитрости, ни тайного умысла. Как видно, мадам Кэннон испытывала к нему настоящую симпатию, иначе зачем бы ей так о нем беспокоиться? Она не могла быть опасна для него, несмотря на все свои непристойные разго-

воры. Кейд продолжал молчать, но сдерживаться уже не мог, улыбка растянула губы, он едва не рассмеялся.

— Так-то! — в восторге выпалила женщине.
— Молодец! Ты, парень, как видно, совсем не дурак. Эй, Яна!

Томная брюнетка отплыла от группки девушек, которые тихонько беседовали в уголке, в ожидании клиентов. Она подошла к столу с продуманным изяществом. Серебристая подвязка на бедре зазывно поигрывала при каждом шаге, ярко выделяясь на фоне полупрозрачной ткани, которая не скрывала, а скорее подчеркивала прелести молодого женского тела.

— Яна, познакомься с моим другом, — рекомендовала мадам Кэннон. — Я для нашего Весельчака ничего не пожалею, — с нажимом произнесла она и многозначительно посмотрела на девушку. Потом повернулась к Кейду и подмигнула ему развратно и открыто.

— Неплохая рекламка для тебя, парень, — сказала девушка, провожая взглядом отходившую от стола мадам Кэннон. Голос у нее был хриловатый, с грудными нотками. Кейд даже не знал, был ли он таким от природы, или девушка специально придавала ему интимность и зазывность. Она опустилась на стул и машинально приняли ту же позу, что и хозяйка Кэннон, наклонившись вперед и предоставляя взгляду Кейда почти всю свою смуглую, большую грудь.

— Да, — натянуто откликнулся он, отводя взгляд от роскошных женских прелестей. — Она очень добра ко мне.

— Стой, я тебя помню! — неожиданно выпал

лила девушка, нацелив на Оружейника тонкий пальчик. — Ты был здесь на прошлой неделе. Ну и вид у тебя был, брат! Мне такого еще видеть не доводилось!

Неожиданно она нахмурилась:

— Что с тобой, Весельчак? Ты что, перепил? Или не в себе? — она вопросительно уставилась на него.

А Кейду и в самом деле было не по себе. И он ничего не мог с этим поделать. Его вдруг ошарашило это обращение “брат”, произнесенное этой девушкой, да еще в таком месте.

— Ничего, — поперхнувшись, выдавил он.

— Ничего?.. — с сомнением переспросила она, но дальше этого дело не пошло. Девушка, как видно, уже привыкла иметь дело со странными типами. Она просто решила перевести разговор на другую тему: — Слушай, я вижу, ты не пьешь...

Кейд проследил за ее взглядом и только теперь заметил стаканчик с мерзко пахнущей жидкостью. Он отодвинул его, едва не пролив содержимое.

— Я тогда даже поспорила с Арлин... ты помнишь ее? Маленькая блондинка, вон там, в углу, — и Яна показала в сторону девушек.

Мелькнула сумасшедшая надежда, но сразу же и исчезла, как только он увидел девицу, на которую она показывала.

— Короче, она говорит, что пил ты не ликер... ну. она, конечно, может ошибаться, но я-то уж точно тебя помню. Такого парня, как ты, мне раньше видеть не доводилось. Нет, если не хочешь, можешь ничего мне и не говорить...

Она оборвала саму себя на вопросительной ноте. Кейд, припомнив данные ему инструкции, улыбнулся, глядя ей прямо в лицо, и продолжал улыбаться до тех пор, пока не почувствовал себя полным кретином.

Результат оказался непредсказуем и драматичен. Девушка присвистнула протяжно и низко, как бы говоря: да, парень, с тобой дела совсем плохи. На этот ее свист оглянулось сразу несколько человек. она вопросительно уставилась на парочку за столом, ничего не понимая. Потом посмотрела на него с таким уважением и обожанием, с каким разве что Новички смотрят на старейших Оружейников на поле Битвы в первый день своего крещения.

— Ну, брат! — выдохнула она.

— Извините, — придушенно выпалил Кейд, подскочил и кинулся вон из пивной.

Он ретировался с поля сражения, оставив за ней полную победу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Заведение мадам Кэннон стало для Кейда отличной школой жизни в мещанском обществе. Уроки он усваивал быстро и довольно легко, все реже допуская ошибки. Хотел он того или нет, а учиться его заставляли обстоятельства. Профессиональная, годами тренированная наблюдательность позволяли ему отмечать слова, взгляды и жесты. Его отточенный в боях ум анализировал события. Он пытался выжить, и это ему удавалось.

Однако и заведение по-своему узнавало Кейда, во всяком случае то, что было необходимо. Для всех завсегдатаев этой пивной он был Весельчак, а нравы и законы подобных мест не позволяли соваться с расспросами насчет имени или положения. Да, о нем беспрерывно судачили, перемывая косточки из дна в день. Про него болтали разные небылицы, у которых и оснований-то не было. Но Кейду это было даже на руку. Пусть болтают. Чем больше сплетен, тем меньше вопросов. Некоторые считали, что он из благородных, однако поговаривали об этом шепотом, за спиной, не приставая с назойливыми откровениями. Его полные карманы и болтливый язык Яны быстро создали ему нужную репутацию.

Конечно, его телосложение сразу же броса-

лось в глаза. По всей видимости, парень просто увлекался боевыми искусствами, вот и все. Дорогие безделушки? Очевидно, он был искусным взломщиком, взявшим за последнее дело приличный куш. Его очередные провалы памяти и странные манеры? Ну так и тому находилось вполне простое объяснение. Наверняка парень сидел на каком-нибудь мощном наркотике. Это соответствовало и тому обстоятельству, что он совершенно не пил спиртное и не интересовался девочками, хотя они-то уж из кожи вон лезли, чтобы обратить на себя его внимание.

Как отличный боец и отменный взломщик он превосходил большинство других завсегдатаев этого заведения: трусливых мелких воришек, нервных шулеров и грязных сутенеров. Как отъявленный наркоман, он не знал себе равных среди дружелюбных, аккуратно одетых мошенников, которые иногда забегали сюда. Все они, начиная с приличных граждан, и заканчивая последними проходимцами, пользовались слабенькой травкой, от которой потихоньку балдели, сидя где-нибудь в уголке заведения. Он же употреблял нечто такое, о чем говорили в полголоса, да и то, косясь по сторонам. Уже один этот факт делал его кем-то вроде героя среди этого пустоголового сброда. Мадам Кэннон подобные сплетни не одобряла, и уж тем более не терпела наркоманов — у нее как-то была крупная неприятность на этой почве. Однако девочки просто балдели от всего этого, и заткнуть им рты было просто невозможно.

Вечерами Кейд сидел в пивной за угловым столиком почти под лестницей, и нетронутый бокал вина стоял перед ним. Карлин, который,

нарушая все законы, одевал мешанок в наряды для благородных дам, снял с Кейда мерку, и вскоре обменял кое-какие золотые побрякушки на целую пачку зелененьких и синеньких. Старик торговался до бесконечности за каждую мелочь. Однако хозяйка Кэннон взяла Кейда под свое крылышко и крикливо возмущалась каждый раз, когда старый жулик пытался обмануть парня. В итоге у Кейда появилось два комплекта приличной гражданской одежды и пара пачек денег. За комнату и еду было заплачено на две недели вперед, и теперь он мог спокойно заниматься своим делом, ради которого, собственно, сюда и явился — искать девушку из секты Кайро.

Благоразумно спрятав остаток золотых безделушек в тайник, расположенный сразу же за стенными полками, Кейд приберег себе средства на всякий случай, если вдруг понадобится бежать отсюда, или если пройдет время и деньги кончатся.

Дело осложнялось тем, что вопросов он задавать не мог — это сразу же вызвало бы подозрение среди обитателей заведения. Поэтому ему оставалось только ждать и держать уши на макушке, улавливая любую информацию, способную привести его к этой девушке. Каждый вечер он садился за столик лицом к двери и приглашал каждого посетителя выпить и потолковать. Поскольку Кейд оказался весьма щедрым компаньоном, многие охотно отвечали на его вопросы, какими бы странными они не казались.

Постепенно, все стали привыкать к его необычному поведению. Впрочем, завсегдатаям пивной было плевать на чужие манеры, лишь бы

поставили стаканчик-другой. Кроме того, в заведении было полно болтливых девушек, которые общались едва ли не с половиной города. В определенной степени и они помогали ему. Никого в сущности не удивляло, что симпатичный молодой парень ищет девушку, которая ему очень понравилась. Это было в порядке вещей в мещанской среде. Однако ни его усилия, ни старания девиц мадам Кэннон никаких результатов не дали. Никто девушку больше не видел, ничего о ней не слышали.

Это заводило все его расследование в совершенный тупик. С другой стороны, он все же мог попытаться найти ее в Болтиморе, там, где его уже один раз захватили. Но ехать туда ему не хотелось. Если ему не удастся здесь разыскать девушку, значит он постарается во всем разобраться сам, без ее помощи. Конечно, он представления не имел, с чего начинать, и за какую ниточку хвататься, но надеялся, что получив побольше информации, интуиция ему подскажет. И постепенно у него сложился в голове второй план.

Пока же, за две недели пребывания в заведении мадам Кэннон, Кейд получил столько информации о жизни, сколько не мог воспринять за последние тринадцать лет. Кейд старательно впитывал в себя все, что слышал от бесконечной вереницы людей, которая изо дня в день проходила мимо него. Они болтали много и охотно, поскольку Кейд не забывал угощать их.

Он встретил марсианина, который сбежал со службы и пристрастился к выпивке и мелкому воровству. Два вечера подряд Кейду пришлось

выслушивать его всхлипы по поводу совершенной ошибки. Он клял себя, на чем свет стоит, бормотал что-то нечленораздельное о собственной семье, о позоре, о цехе, о том, какая у него там осталась девушка и что он мог бы вернуться к ней, если бы не натворил глупостей... женился бы и завел кучу детишек. На третий вечер марсианин почему-то не появился, и больше его вообще никто не видел.

Один вечер он потерял впустую. И все из-за тихого, седовласого старика, который говорил певуче и правильно, мелодично растягивая слова. Он был бывшим взломщиком, который ушел на покой и теперь жил за счет своих прежних “заработков”. Впервые Кейд увидел его на четвертый день своего пребывания в пивной. Потом старик заходил ненадолго каждый день. Он был настоящим кладом знаний о жизни криминального мира, их привычках, прозвищах, жаргоне, подкупе и взятках. Он прекрасно знал все подробности об организованной преступности, проституции, сбыте ворованных вещей и продаже наркотиков. В последний свой вечер — тот самый, который Кейд потратил понапрасну — он болтал целый час, и уже как следует накачавшись, вдруг сболтнул, что обладает такими знаниями, которых нет ни у кого в Империи. Перегнувшись через стол он пьяно зашептал Кейду:

— Жизнь не всегда была устроена так, как сейчас!

Кейд вспомнил обряды сект, и заявление старика его заинтересовало. Он наклонился вперед, чтобы как следует прислушаться. Он надеялся узнать что-нибудь новенькое, что могло бы от-

крыть ему глаза на многие странные вещи. Но надежда оказалась иллюзорной. Старик был просто слишком пьян и совершенно не соображал, что несет.

Он заговорщицким шепотом принялся рассказывать Кейду, что нашел какую-то старую книгу. Случилось это еще несколько лет назад, когда он промышлял взломами. Так вот, книга эта называлась "Хрестоматия для шестого класса". Он считал, что книжка страшно древняя.

— Более десяти тысяч лет! — шептал старик, тараща глаза.

Кейд разочарованно откинулся на спинку стула, потеряв всякий интерес к разговору. Однако ненормальный старик продолжал бормотать. В книге оказалось довольно много занятных рассказов, стихов, анекдотов, многие, как предполагалось, совершенная правда, а не выдумка. Но у них было одно общее: нигде не упоминалось об Императоре, Ордене, Клейн-дао или самой Империи.

— Разве не понятно, что это может значить? — многозначительно поинтересовался чокнутый старик. — Чувствуешь, к чему идет? Было такое время, когда Империи и в помине не существовало. Ни Императора, ни Ордена...

Заметив неподдельную скуку на лице Кейда, старик пришел в неистовство и принялся орать чуть ли не на всю пивную. Конечно, никто бы не обратил на это внимания. В заведении всегда стоял ужасный галдеж и хохот. Но вот мадам Кэннон оказалась бдительной. Заслышав несколько слов из их разговора, она, переполненная верноподданическими чувствами, накинулась на

несчастливого бедолагу и вытолкала его взащей, учинив настоящий погром. Правда, в последствии ей пришлось об этом пожалеть. Поползли слухи, и через пару дней в заведение нагрянула облава.

Стража тщательно прочесала весь район, всех обитателей пивной допросили, в том числе и Кейда. Если бы не выдержка, его могли бы засечь. Немного повращавшись в мешанских кругах, он уже вполне сносно научился выкручиваться из подобных ситуаций. Он, как и все, небрежно отвечал на вопросы, и полиция не обратила на него никакого внимания. Впрочем, они искали совершенно другое лицо, их совсем не интересовало — откуда здесь взялся парень по прозвищу Весельчак.

Позже Кейд узнал, что старикашку все-таки схватила полиция. Сцапали его прямо на улице, когда сумасшедший старикан излагал свои бредовые идеи хихикающим мальчишкам. После ареста он долго не протянул. Кейд вспомнил о резиновых дубинках стражников и подумал, стоило ли так жестоко расправляться с несчастным ненормальным. В сущности, он был виноват только в собственной болезни, а не в подрыве устоев Империи.

Попадались Кейду и другие, которые подходили к столику немного выпить и потрепаться. Среди них даже был один элегантно одетый, женоподобный юноша, который, как видно, неправильно истолковал отсутствие интереса у Кейда к женщинам. Он несколько минут пытался изложить свою точку зрения на проблемы секса и вообще полов, но тут вмешалась мадам Кэннон. Она схватила его за шиворот и выпихнула его

тщедушное тело из дверей заведения, на прощание погрозив толстым кулаком:

— И чтобы больше я тебя здесь не видела!

Однако томное создание, не обращая внимания на угрозы, уплыло в темноту медленной, женственной походкой.

Одним вечером в заведение заглянул толстолицый тип с поучающими манерами — бывший мошенник, скатившийся на дно из-за пристрастия к алкоголю. Весельчак щедро платил за него, потому что тот побывал в секте Кайро и многих других. Он объяснил, что в сектах очень много потенциальных клиентов, которых можно неплохо облапошить.

Когда толстяк нализался как следует, Кейд допросил его поподробней. В таком состоянии алкоголик уже почти ничего не соображали вряд ли мог вообще запомнить, о чем они там беседовали. Но как оказалось, знал он, в сущности, совсем немного. Например, он никогда не слышал, чтобы секты применяли гипноз, да еще в сочетании с наркотиками. Овальная серая комната без углов вообще не имела никакого отношения к ритуалам и обрядам Кайро. Секты — объяснял словоохотливый мошенник — исключительно для простаков, потенциальный источник дохода людей, вроде него самого и Весельчака, которые соображают, что к чему. Заплетающимся языком он принялся уговаривать Кейда открыть вдвоем очередную секту с новым уклоном и, переманив на свою сторону чужую паству, доить ее потихоньку, а если запахнет паленным — смыться. С его собственным богатым опытом и внешностью Весельчака это будет раз плюнуть.

Но договорить толстяк не успел, его свалил сон. Он ткнулся носом в столешницу и громко захрапел, разводя рулады по всей пивной.

Попадалось много разных людей, все рассказывали что-нибудь новенькое и поучительное. Но "она" так и не появлялась. Никто не обмолвился о ней ни словом. Ее никогда не видели и ничего не слышали о девушке с такой внешностью.

Когда прошли две недели, которые Кейд отвел себе на сбор информации, он знал значительно больше, чем раньше. Однако его расследование ни на йоту не приблизило его к желаемому результату. Пришло время действовать по второму плану.

Мадам Кэннон принялась бурно протестовать, когда он заявил, что собирается уходить.

— В жизни своей не видела, чтобы мужик за каких-нибудь пару недель спустил такую кучу денег, — сетовала она, всплескивая толстыми руками. — Нечего было угощать кого попало. Мало ли кто назовется своим парнем! Слушай, парень, я заработала на тебе столько, что могу еще оставить тебя на целую неделю. Сроду у меня не раскупали столько спиртного. Но только ты никому об этом не говори, идет? — она жестом остановила его, когда увидела, как он отрицательно качает головой. — Погоди. Вот что я тебе скажу: в этом городе за две недели замести следы не успеешь. А вот за три — вполне можно. Ну как, надумал?

— Дело не в деньгах, — попытался объяснить Кейд.

Конечно, она права. Зелененькие и синенькие давно уже улетучились. Но она еще не знала о

припасенной коробочке в тайнике за полками и кое-какой другой мелочевке.

— Мне надо сделать одно дело. Я обещал еще до того, как пришел сюда.

— Да ты что, свихнулся, парень, совсем! — заорала она так, что едва стекла не задребезжали. — Какие могут быть обещания, если тебя разыскивают! Тебя же сцапают на первом же углу!

Однако, эта проблема волновала Кейда меньше всего. По слухам он знал, что поиски “мнимого” Кейда потихоньку затихли, по крайней мере в этой местности. Вероятно, полиция решила, что он уже давно подался куда-нибудь подальше от опасного места, где его застукали в последний раз. Еще десять дней назад один из стражников перестарался, испепелив на улице ни в чем не повинных двух прохожих. И хотя в сообщении потом говорилось, что тела “мнимого” Кейда и бывшего Наставника не опознаны, местная служба безопасности умерила рвение, а потом и вовсе успокоилась. теперь уже не было слышно ни об облавах, ни о постоянных патрулях. Если Арль и продолжал разыскивать его, то по каким-то тайным, своим собственным каналам.

Кейду же сейчас было нужно одно — укромное местечко, где бы он мог оставить основную часть своих вещей. Золото и лучший гражданский костюм он собирался взять с собой. Мадам Кэннон нашла выход и из этой ситуации. Она сложила все его пожитки в большой металлический ящик, где хранились запасы продуктов для кухни. Он был самым настоящим тайником: двойное дно, радионный замок с шифром, едва ли не брониро-

ванный корпус. Это было действительно надежное место.

Поднявшись в свою комнату, Кейд переоделся в строгий и довольно роскошный костюм, элегантный и дорогой. Снимая с Кейда мерку, старик Карлин недовольно ворчал под нос:

— Можно подумать, ты собрался на аудиенцию к самому Императору!

На это сварливое замечание Кейд только хитро улыбнулся. Старик, сам того не предполагая, попал в самую точку. Это и был последний и единственный план, который Кейд собирался осуществить в ближайшее время.

Конечно, он мог бы пробраться в секту Кайро, рискуя быть узнанным. Тогда его снова накачают наркотиками и загипнотизируют. И в награду за все свои старания он получит отменный заряд из воинского оружия. Нет, шансы на успех были минимальны, а риск слишком велик. Он мог бы попытаться пробраться в Конвент и все рассказать одному из Понтифексов. Но и этот план не годился. Стоит ему только официально заявить о своем существовании, и из него наверняка сделают обгорелый труп. Он и рта не успеет открыть. Но еще оставалась другая надежда сам Император. Сегодня было утро ежемесячного Дня Аудиенции, и он очень рассчитывал на это.

Здесь, в заведении хозяйки Кэннон Кейд успел убедиться: все эти блатные и мошенники, пьяницы и наркоманы, проститутки и сводники были, конечно, опустившимися людьми, которые, может в своей жизни ничего хорошего и не видели. Но все она сохраняли едва ли не фанатичную преданность Императору. Здесь не было

и следа заговора, который старался он раскрыть. Достаточно вспомнить какой ужас внушил им чокнутый вор с его старинной книгой и бредовыми идеями о древних временах. Вот почему он и хотел теперь обратиться именно к Императору.

Да, Империя огромна, думал Кейд, но не настолько огромна, чтобы Великий Властитель отказался выслушать своих поданных.

Единственное, чего он опасался, что ему не поверят, когда он расскажет свою запутанную, страшную историю. Император верит в собственный народ. Он может слишком уж благодушно отнестись к отступникам из секты Кайро. Империя велика, а куча фанатов вряд ли могла совершить слишком много. Надо добавить к рассказу несколько слов о самом Верховном Понтификсе. О его неподобающем поведении, о приказе уничтожить свидетелей. Это могло бы заинтересовать Императора. Все-таки Верховный Понтификс — достаточно влиятельное лицо при дворе, и если он замешан в заговоре, значит и многие другие, из окружения самого Властителя и Верховного Правителя, плетут козни против устоев Империи.

Кейд даже качнул головой, размышляя над всем этим. Уж слишком высоко он забрался. Впрочем, девушка предупреждала его. Но так или иначе, а отступать было слишком поздно. Он должен предупредить Императора. И, скорее всего, расследование будет вести не сам он, а люди, отвечающие за безопасность Империи.

Кейд вспомнил мрачное, волевое лицо Верховного Правителя, присутствовавшего на каждой аудиенции. Если Император был символом величия и славы, то Верховный Правитель олицетво-

рял собой власть и закон. Так было всегда. Это закон. Именно он управляет Империей, и не трудно догадаться, Верховный Правитель — единственный человек, который может поверить ему и оценить всю опасность ситуации. Он наверняка прикажет преданным ему людям устроить проверку, а большего Кейд и не желал.

Уходя из пивной, Кейд уносил в своих карманах половину оставшихся драгоценностей: пару коробочек и несколько безделушек. Да к тому же пухленькую пачку денег, которая могла ему еще пригодиться. Проводить на порог вышла сама мадам Кэннон. У нее были красные глаза, словно она долго рыдала. Надтреснутым, полным горя голосом она сообщила ему, вытирая мясистый нос не совсем чистым передником:

— Запомни, парень, здесь тебя всегда ждет надежный приют. Что бы там не случилось, я всегда приму тебя.

Он пообещал не забыть ни е, ни того, что она сделала для него. И в этом уж он не лгал. Кейд и на самом деле был очень благодарен этой женщине. Конечно, возвращаться сюда он и не собирался, но преподанные ему уроки запомнил на всю оставшуюся жизнь.

И все-таки, он по-прежнему чувствовал себя совершенно чужим среди этих людей. В их жизни не существовало гармоничного, стройного порядка, так характерного для Ордена. В их мыслях и поступках царил хаос и разброд. Никакой цели, их словно бы мощным течением влекло по волнам жизни, и они даже не пытались этому сопротивляться. Ничего возвышенного. Грязь, сплетни, драки, непристойность. И все же, вокруг них

царила странная атмосфера теплоты, взаимовыручки и доверия. Неожиданно он испытал чувство товарищества, как и к своим Братьям по Ордену, но намного сильнее. Почему? Неужели только потому, что его Братья отвернулись от него, стоило только попасть в тяжелое положение? Но ведь они только выполняли приказ. Он бы и сам поступил так же, окажись он на их месте. Поступил бы? Еще две недели назад Кейд точно знал ответ на этот сложный вопрос: да. Теперь — нет. Он так хвалился Орденом, но вот его вычеркнули — по ошибке — из списка живых, и он стал вне закона. Случается ли такое среди мещан? Скорее всего, нет. Они не подчиняются приказам, и помогают своим друзьям, попавшим в беду, даже если это связано с риском. Неужели это присуще всем гражданским? Или только среде преступников? Этого Кейд не знал.

Закрыв за собой дверь заведения и шагая по узенькой грязной улочке, он почувствовал себя необычайно одиноким. Это была та самая улочка, по которой он когда-то шел с девушкой, которая отчаянно цеплялась за его локоть, стараясь остановить. Он завернул за угол и вышел к тому месту, где столкнулся со Стражником. Сейчас на этом же посту стоял другой. Кейд покосился на постового, но тот даже не обратил внимания на изысканно одетого мещанина.

Кейд плелся по улице, уныло размышляя о своем одиночестве. Будь что будет, угрюмо думал он, и тут же разозлился на самого себя. Как он может впадать в уныние? Дело еще не проиграно. Есть надежда довести его до конца. Наоборот, он должен испытывая подобающую гордость той

услугой, которую собирался оказать Императору. Однако никаких подобных эмоций он почему-то не ощущал. Вместо этого он почему-то вдруг вспомнил о девушке-мещанке. Что же с ней все-таки случилось? Где она сейчас?

Девушка, девушка! Он солгал Верховному Понтифексу, не словом не упомянув о ней в своем рассказе. Нет, конечно, если бы не присутствие в жилище леди Мойи, если бы не обмен кокетливыми улыбками, многозначительные взгляды... если бы Кейд был уверен, что Верховный Понтифекс, как любой Оружейник предан Ордену и чтит заповеди Клейн-дао, он бы не задумываясь рассказал о девушке. Но после всего увиденного...

Он пытался убедить себя, что с ней ничего плохого случиться просто не могло. Но в то же время понимал, как бы там в дальнейшем не развернулись события, врать Императору он не станет. И если даже ее потом поймают и осудят, как злоумышленницу, молчать и выгораживать ее он больше не собирался. В конце концов, на карту была поставлена безопасность Империи и самого Императора с Верховным Правителем. Разве он мог в такую минуту думать о какой-то девушке?

И Кейд уверенной походкой направился ко дворцовой площади. Он был готов ко всему.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Кейда приняли за респектабельного мещанина, раздевшегося в пух и прах ради аудиенции у Императора, и потому без лишних слов пропустили через Врата — огромную арку в стене, которая опоясывала дворцовую площадь. Метрах в ста от ворот высилось огромное, роскошное здание Дворца из розового мрамора. Оно внушало восхищение и благоговейный восторг у всех, кто приходил сюда посмотреть на это чудо архитектуры. Служитель Клейн-дао — золотая коса на его серой одежде означала принадлежность к Дворцовой службе — подвел вновь пришедшего к толпе, терпеливо ожидавшей перед зданием.

— Подожди здесь, — буркнул служитель и отошел.

Кейд принялся ждать, разглядывая толпу вокруг. Мещане прибывали со всех сторон, число людей росло, однако все стояли тихо, переговариваясь только шепотом. Кейд обратил внимание, что кое-кто из толпы, как правило, хорошо одетый, подходил на пару слов к охраннику, который слонялся вокруг, присматривая за порядком. Они тихо перекидывались репликами, потом что-то переходило из рук в руки, и охранник отводил мещанина по направлению к самому Дворцу.

В очередной раз заметив подобную сцену,

Кейд постарался подобраться как можно ближе. Конечно, он не сумел расслышать всего, что говорил охранник с гражданским, но суть разговора стала ему ясна, когда он заметил в их руках деньги. Он даже горько улыбнулся самому себе. Какая насмешка! Даже здесь, в святая святых Империи, рядом с Императором, процветает мошенничество и коррупция.

Когда подошел еще один служитель, Кейд торопливо протолкался к нему и неловко сунул в руки небольшую сумму. Тот недовольно покосился на Кейда, однако все-таки отвел его во дворец.

— Когда войдешь в зал для аудиенций, — наставительно начал служитель полупшепотом, — встань к нему лицом и молчи, пока не объявят твое имя. Затем, опустив взгляд, ты должен кратко, всего в десяти словах, изложить суть собственного дела. Понятно?

— В десяти словах! — ошарашенно выпалил Кейд.

— А у тебя что, нет краткого изложения, мещанин? — изумился охранник, удивленно уставившись на странного посетителя. — Обязательно нужно иметь краткое письменное изложение твоего дела.

Кейд отрицательно покачал головой.

— Неважно, — заверил он стражника, — мне хватит и десяти слов.

Служитель охотно предложил свою помощь. Раз уж такое дело, он мог бы найти за дополнительную плату хорошего писца, который бы написал все, что требуется. Правда, придется слегка переплатить... за срочность. Но если уж он,

мещанин, хочет, чтобы его дело рассмотрели быстро и как полагается, то игра стоит свеч. Кейд вежливо отклонил это любезное предложение, чем несказанно разочаровал охранника. Однако Кейд не обратил на это никакого внимания. Ему хватит и десяти слов. Те, что он уже приготовился произнести, произведут должный эффект, а потом ему дадут столько времени, что он сумеет изложить дело во всех подробностях. В этом Кейд не сомневался.

Наконец охранник подвел его к высокой двустворчатой двери, инкрустированной перламутром и золотом, и отдал последнее наставление:

— Стой здесь и жди, тебя скоро впустят в зал.

— А когда это, скоро? — полюбопытствовал разодетый мужчина, стоявший рядом с Кейдом. — Сколько нам придется ждать на этот раз? — в его тоне чувствовалось скрытое недовольство.

Ответить Кейд не успел.

— Какая разница, — накинулась на богатого мещанина седовласая старушка, тщедушная и хлипкая на вид. — Каждая секунда, проведенная здесь, во Дворце — обиталище Великого Властителя — это настоящее наслаждение. Я давно уже готовилась к этой поездке... я живу в Нортумберленде, это Англия... так вот, много лет я все собиралась съездить, и только теперь накопила немного денег. Как я могу отказывать себе в таком удовольствии, когда неизвестно, доживу до следующего года или нет.

— Возможно и нет, — рассеянно брякнул мужчина, думая о чем-то о своем. И тут же с любопытством поинтересовался: — А какая у вас жалоба к Императору?

Кажется, старушку это возмутило:

— Жалоба? Жалоба! Да разве наш Великий Император живет только для того, чтобы выслушивать жалобы нас, мещан? Господи сохрани, нет у меня никаких жалоб! Я просто хочу увидеть вблизи его доброе лицо и сказать: "Привет и наилучшие пожелания от старушки из Нортумберленда, Англия". Как вы думаете, разве ему будет неприятно, что его поданные желают ему здравствовать и править?

Кейда умилила ее чистосердечность.

— Конечно, ему будет очень приятно, — с нажимом произнес он мягко, и старушка буквально засияла от удовольствия.

— Ну уж не знаю, — ворчливо заметил разодетый мужчина. — Я вам так скажу: кому, как не Императору разбирать наши дела? Я вот, например, представляю жалобу на своего проклятого соседа, его жену — неряху, и четырех их детей-бандитов. Я их вежливо просил, я строго требовал, предупреждал...

— Извините, — Кейд легко оттер локтем франта в сторону и потащил за собой недоумевающую старушку из Нортумберленда, пробиваясь прямо к стражнику, в дверях зала. Кейд уже заметил, что кое-кто, прошедший Врата, на удивление оказался в самом зале и теперь дожидался выхода Императора. Он подошел к охраннику и указал на старушку:

— Простите, сэр, моя матушка утомлена далеким путешествием. Мы здесь ждем с рассвета, скажите, когда же мы можем войти в зал?

— Что ж, это можно устроить довольно быстро, — невозмутимо парировал слуга,

многозначительно посмотрев на пустые руки Кейда.

И опять все решалось только через деньги, с отвращением подумал Кейд. У него оставалось их совсем немного, а расплачиваться золотом он не мог — это бы сразу показалось очень подозрительным. Кейд вытащил из кармана одну зелененькую и протянул ее охраннику. Тот взял ее и презрительно повертел в руке:

— Ты хочешь, чтобы в зал прошла только твоя престарелая мать? — спросил он ехидно, с хитренькой поглядывая на Кейда. — то ты и здесь можешь подождать, насколько я понимаю.

Кейд понял, что из его стремления хоть немного сэкономить, ничего не выйдет. Если он сейчас пожадничает, то все дело рухнет, как карточный домик. Впрочем, теперь деньги для него не играют никакой роли. Там, в зале, в присутствии Императора уже никто не посмеет потребовать с него мзду.

Решив для себя все это, Кейд отдал охраннику последнее. И уже через несколько секунд оказался в зале для аудиенций. Благодарная, ничего не понимающая старушка цеплялась за его локоть.

— Вот сюда, пожалуйста, — показал охранник, жестом предлагая им пройти. — И если будете разговаривать, то очень тихо.

Огромная толпа в зале, ожидавшая появление Императора, разделилась на две четкие группы. Разница между ними сразу же бросалась в глаза. Одна состояла из мещан, нервно сбившихся у белой линии из мрамора, выложенный в мозаичном полу. Их было человек пятьдесят, не больше. Они тихо переговаривались между собой, нетер-

пеливо поглядывая на двери, из которых должен был появиться Император. На некотором удалении от этой группы расположилась другая. Она отличалась и поведением, и нарядами. Это были благородные и придворные, давно уже привыкшие к атмосфере Дворца, и потому чувствовавшие себя здесь спокойно и уверенно. Они болтали непринужденно и весело, прохаживаясь по зале. Кое-кто украдкой перешептывался с приятелем, обсуждая последние дворцовые сплетни.

В конце зала Кейд разглядел небольшое возвышение, рядом с которым поднимался пьедестал, приблизительно в метр высотой. Это было официальное место появления Императора, и оно со всех сторон было окружено гвардейцами Клейн-дао, вооруженными газовыми пистолетами. Они бдительно следили за толпой, поддерживая порядок. Забывшись, Кейд сделал пару шагов в сторону, однако стражник тут же отреагировал, сделав резкий жест, словно бы хватаясь за оружие. Кейд торопливо вернулся к группе мещан, стараясь не выделяться из толпы и не привлекать внимание стражи. Он был слишком близок к осуществлению собственного плана и не хотел его провалить из-за нелепой ошибки.

Старушка, по-прежнему цепляясь за его рукав, продолжала рассыпаться в благодарностях. Но Кейд уже пожалел о своем благородном порыве щедрости. Он пробормотал какие-то извинения, отцепился от нее и поспешил перебраться куда-нибудь в другой конец толпы. Через минуту к нему присоединился тот самый франт, с которым они стояли в дверях зала.

— Я заметил, что вы никак не могли догово-

риться с охранником, — начал беседу мужчина, — поэтому я заплатил, не торгуясь. Интересно, сколько еще раз эти серые заставят нас платить? — в его тоне звучало возмущение.

— Лучше бы, это было в последний раз, — хмуро заметил Кейд, рассеянно оглядываясь по сторонам.

— Какая жалость! — слышался возглас сзади.

— Что? — удивленно поинтересовался Кейд, оборачиваясь.

Перед ним стояла средних лет женщина в элегантной одежде. Она смотрела куда-то на возвышение и ее взгляд выражал возмущение и гнев. Губы поджаты в прямую линию. Ее прямо-таки распирало от негодования.

Кейд проследил за ее взглядом. На возвышение взошли благородные — приближенные Императора — в основном леди, несколько высших лиц службы Клейн-дао, трое или четверо членов Ордена, на одежде которых красовались серебряные звезды — знак высшей принадлежности. Кейд внимательно изучал знаки отличия: Конго, Острова Тихого Океана, Калифорния и, конечно же, Восточное Побережье. Кейд никогда не служил ни одному из этих людей. Но сам он был довольно знаменитым Оружейником, несмотря на свой возраст. Его могли узнать и испепелить на месте.

— Какой позор для двора! — возмущенно продолжала женщина, недовольно хмурясь и сокрушенно качая головой.

— Что? — спросил Кейд.

Она показала пальцем, и он сразу сообразил, что задал вопрос неправильно. Не “что”, а кто.

— Кто это? — нетерпеливо выпалил он, хватая за рукав ближайшего мужчину.

Тот так и отпрянул от Кейда, словно от зараженного:

— Что вам угодно? — нервно начал мужчина недовольным гнусавым голосом. — Вы позволите... эта ткань очень мнется, — он с негодованием снял руку Кейда, однако Оружейник даже не обратил на это внимания.

Все его существо напряглось от неожиданного волнения, нахлынувшего удушливой волной. Он даже на секунду перестал дышать. Это была она, совершенно точно. Она стояла спиной к нему, и огромная ярко оранжевая копна взбитых волос заслоняла лицо. Однако Кейд почему-то был совершенно уверен. Да, это именно она.

Он повернулся к женщине, которая так возмущенно качала головой.

— Извините, может вы скажете, кто эта девушка с оранжево-красными волосами в тон платью? — спросил он как можно более вежливо.

— А вы не знаете? — изумилась женщина, многозначительно смерив Кейда оценивающим взглядом. — Это леди Джослин, — шепнула она, наклоняясь поближе к Кейду. — Надо заметить, со странностями. Глядя на нее, сроду не подумаешь, что она племянница Императора...

Разодетый мужчина повернулся к женщине:

— Та самая, которая кропает стишки? — насмешливо поинтересовался он, давая понять, что находится в курсе всех дворцовых сплетен и интриг.

— Да, — оживленно вставила женщина. — У меня подруга служит на кухне... не поваром, а диетологом, — торопливо пояснила она, — так вот, она говорит, что леди Джослин читает их всем подряд — хотят они того или нет. Как-то раз она даже принялась читать свои стихи каким-то мещанам, которые ожидали Императора во время Аудиенции, как мы сейчас...

Но Кейд не слушал. Леди Джослин повернулась к нему лицом, и ее сходство с девушкой из секты Кайро мгновенно улетучилось. Ярко-оранжевые волосы, конечно же, были крашенными. Но даже Кейд, меньше других мужчин разбиравшийся в одежде, заметил, как аляповато и безыскусно она одета. Плохо скроенное платье нелепо и комично сидело на ее сутулых покатых плечах. Кривая шея, казалась и вовсе не гнулась, а большие, глубоко посаженные глаза все время близоруко шурились, словно женщина не видела дальше собственного носа. Она была невысокого роста и ей то и дело приходилось тянуть вверх шею, чтобы заглянуть через плечо впереди стоявшего. Безразличным взглядом она осмотрела толпу мещан и направилась к помосту. Тут только Кейд заметил, что она к тому же еще и переваливается с боку на бок, прихрамывая на одну ногу. Сходство, заставившее принять этого дворцового уроды за яркое, энергичное создание, спасшее ему жизнь, было не более чем нелепой карикатурой.

Пока он разглядывал придворную женщину, все вокруг вдруг замерли, замолчали и выпрямились, напряженно глядя вперед. В зале наступила мертвая тишина. Медленной, размеренной поход-

кой вошел Император и опустился на трон. Два гвардейца Клейн-дао подошли к кучке мещан, и там началась молчаливая борьба за место.

Прежде, чем Кейд успел сообразить, что происходит, один из гвардейцев подскочил к нему, выудил из кармана последнюю голубенькую, презрительно повертел ее в руках и передвинул Оружейника почти в самый конец ряда.

Кейд почувствовал, что снова совершил какую-то оплошность. Но какую? Чего такого он не знал, что знали другие гражданские? Он понял, что инструкции охранника были всего лишь элементарным перечислением общепринятых правил: не разговаривать, не переступать белую черту, уложиться в десять слов... и это знали все. но ведь наверняка предполагалось что-то еще. Что? Мещане, посещавшие заведение хозяйки Кэннон, конечно, были вполне законопослушными и лояльными гражданами — в разумных пределах, разумеется, — но ни один из них никогда не посещал дворца и не присутствовал при аудиенции. Подобные процедуры и ритуалы, как правило, интересовали лишь представителей среднего и зажиточного классов. Поэтому Кейд ничего не мог узнать от своих бывших собеседников. Что же еще предполагалось?

Он порадовался, что оказался почти в самом конце ряда, который теперь довольно быстро приближался к пьедесталу, на котором стоял трон. Во всяком случае, у него будет немного времени сообразить что к чему и попытаться выйти из положения. Он стал присматриваться к тому, что происходило впереди. Их группу возглавлял разодетый мужчина. Он подошел к пье-

десталу, положил зелененькие в огромное блюдо и что-то сказал гвардейцу.

Благодарственное даяние, даяние любви, или что-то в этом роде, смутно припоминал Кейд, продвигаясь вперед следом за остальными. Теперь он точно знал, что еще от него требуется, но денег у него не осталось совсем. Он гневно глянул на седовласую старушку где-то в середине ряда, и горько пожалел о своем опрометчивом поступке. Он, как последний дурак, растаял от ее верноподданических заявлений, заплатив за вход. А она, расчетливая и хитрая мещанка, сохранила собственные деньги и теперь выложит на пьедестал даяния любви, в знак преданности Императору.

— Мещанин Болвен, — провозгласил гвардеец, и разодетый мужчина, опустив взгляд в пол, отчетливо проговорил:

— Представляю на суд Императора жалобу против презренного и низкого человека, — он вручил свое пухлое изложение дела гвардейцу и торопливо попятился в сторону, освобождая место следующему жалобщику.

Ни единого голубенького, с горечью подумал Кейд, а шеренга впереди таяла на глазах. “Даяния” называют они это. Разве может это означать, что деньги отдаются добровольно? Но так или иначе, а ими никто не брезговал.

— Прошу Императора принять моего сына на службу Клейн-дао.

— Верноподданический привет нашему Императору из города Бузна Виста.

— Прошу Императора рассмотреть вопрос банкротства моего мужа.

Кейд мельком взглянул в лицо Императора, в надежде прочесть какие-нибудь чувства на нем. Однако только напрасно потерял драгоценные секунды, поскольку в этот момент подошла его очередь. Лицо же Императора волнующе отличалось от того, что он ожидал увидеть. Никакой особой одухотворенности. Обычное лицо мудрого, спокойного человека, привыкшего с высоты своего положения рассуждать о важных и великих проблемах...

Гвардеец рядом с Кейдом тихо прошептал, скривив рот:

— Даяния в левой руке.

Кейд открыл было рот, чтобы заговорить, но гвардеец неожиданно оборвал его:

— Молчать, — в его голосе зазвучали металлические нотки.

— Но..., — начал было Кейд, однако ему прямо в лицо глянуло дуло боевого оружия.

Гвардеец угрожающе мотнул головой в сторону двери, приказывая выйти. Кейд понимал, что перед ним не какой-нибудь соплик-недоучка, вроде тех охранников, которые сторожили дворцовую площадь. Этот был рангом не ниже Воина, не боец, конечно, но великолепно натренированный страж порядка. Стоит Кейду сделать одно неверное движение, и от него через несколько секунд останется лишь горстка пепла. К тому же другие гвардейцы тоже смотрели в их сторону, над залом нависла гнетущая тишина...

Кейд молча вышел из ряда и попятился к боковой двери. Гвардеец последовал за ним, не спуская с него глаз.

Когда двери за их спинами закрылись, гварде-

еще, все еще держа оружие в боевой готовности, прочитал Кейду короткую, но унижительную лекцию о мещанах, которые представления не имеют о своих обязанностях и понапрасну тратят драгоценное время Императора, словно он какой-нибудь приказчик в магазине. Кейд понял, что даяние — непреложное правило для всех мещан, такое же обязательное, как выкурить косячок, если тебе его предложили. Такая незначительная мелочь, а из-за нее он теперь еще целый месяц не сможет прийти к Императору и изложить свое дело!

Ему внезапно стало невыносимо больно от бессмысленной несправедливости происшедшего. Словно он был неопытный Новичок, попавший в самый разгар Битвы. У Кейда даже горло перехватило от отчаяния и паники. Однако на сей раз он уже понимал, что никто, кроме него самого ему не поможет. Полагаться на Верховного Понтифекса или на Членов Правления Империей ему не приходилось. Если нити заговора ведут так высоко, может оказаться, что большая часть знати принимает в нем участие. Его охватила горечь разочарования. Всю свою жизнь он посвятил служению Императору и Ордену, и вот сейчас, когда он, рискуя собственной жизнью, пытается выполнить высшую миссию, его выставили из зала, словно мелкого карманника или жулика. И за что! только за то, что ему не хватило зелененьких, чтобы преподнести их властям!

А гвардеец, не обращая внимания на отчаяние Кейда, продолжал выговаривать, ругая глупого мещанина за то, что тот не оказал должного уважения Императору.

— Должного уважения! — неожиданно взорвался Кейд. Он выпалил это так громко, что эхо покатилося волной по коридору. — Да что ты можешь об этом знать, глупец! Я рискую собственной жизнью. Я выполняю долг, оберегая безопасность, а может и саму жизнь Императора, а он мне толдычит про уважение. Какое может быть уважение, когда вокруг Императора зреет заговор! Я пытался предупредить.., — неожиданно жалость к себе остыла, заглушенная волной страха. Еще секунда, и он мог назвать свое имя. И тогда пощады ему не будет. Его уничтожат на месте, уничтожат, как опасного маньяка-убийцу, который явился в Императорский дворец с тайным умыслом.

Но одетый в серое гвардеец стрелять не стал, хотя дуло оружия продолжало смотреть в лицо Кейду, а палец лежал на спусковом крючке.

— Ага, вот как, значит заговор? — насмешливо произнес гвардеец. — Ты что сумасшедший или.., — внезапно его тон изменился. — Кто бы ты ни был, а разбираться с тобой будут сами Оружейники. Иди.

Кейд потерянно побрел по коридору, мысленно готовясь к смерти. Если из Пещер Вашингтона ему удалось удрать, благодаря случаю, то уж здесь такого шанса больше не представится. Он знал, что к зданию Дворца примыкал Конвент, и у каждого Оружейника наверняка было описание его внешности с приказом уничтожить на месте. Кто бы мог подумать, что какая-то нелепая мелочь может стоять ему жизни!

— Сюда! — скомандовал гвардеец, дулом оружия указывая на лифт.

Когда они вошли, стражник нажал необходимую кнопку, и лифт взмыл под самую крышу Дворца. Выйдя на верхнем этаже, они оказались в небольшой прихожей, в которой нес службу какой-то Воин.

— Сэр, — сказал гвардеец, отдав честь, — пожалуйста, позовите дежурного Оружейника.

Караульный с интересом уставился на Кейда. Должно быть, никак не мог сообразить: что же такого натворил этот несчастный мешанин. Затем он наклонился к стенной панели и произнес несколько слов. Дверь открылась. Они прошли через комнату ожидания в саму приемную, где их уже ждал дежурный Оружейник. Подходя к столу Кейд отрешенно разглядывал узор на линолеуме, стараясь взять себя в руки и набраться мужества перед неизбежным. Он не мог заставить себя посмотреть в глаза своему палачу.

Однако выстрела не последовало. Вместо этого послышался голос — сухой, четкий, на удивление знакомый:

— Как, а мы думали ты.., — начал изумленно Оружейник.

— Тихо, — полушепотом оборвал его Кейд, поднимая взгляд.

Дежурным Оружейником оказался Кэнделл из Дэнвера, его товарищ и Брат по оружию. Они дружили несколько лет еще до того, как Кейда перевели во французский дивизион. После первой секунды недоумения Кэнделл взял себя в руки, теперь его лицо ничего, кроме равнодушия и серьезности не отражало. Кейд догадывался, что сейчас на уме у его бывшего товарища. Он наверняка думает, будто Кейд выполняет какое-

то тайное поручение, связанное с имперской безопасностью. А раз так, то выдавать товарища нельзя, хотя он бы никогда не спутал мнимого Кейда с настоящим.

— Гвардеец, в чем его обвиняют? — сухо поинтересовался Кенделл, поворачиваясь к охраннику.

— Сэр, этот отъявленный негодяй отказался преподнести добровольное даяние во время аудиенции. Он позволил себе дерзость разговаривать в присутствии Императора, а когда я вывел его из зала, принялся кричать что-то о заговоре. Мне показалось все это слишком подозрительным. Думаю, он сумасшедший, или же... — он многозначительно покосился на Кейда, — или же действует со злым умыслом, — закончил он.

— Совершенно верно. Вы правильно поступили. Я займусь им. Возвращайтесь на свой пост, — все это было сказано бесстрастно, приказным тоном.

Когда же оба Оружейника остались один на один, Кэнделл позволил себе расплыться в добродушной улыбке.

— А мы все считали тебя погибшим, Брат. К нам даже поступил приказ уничтожить опасного преступника, который выдавал себя за Оружейника, — он подошел к Кейду и ободряюще похлопал по плечу. — Это просто здорово, что ты пришел сюда. На дворцовой службе кроме меня еще несколько твоих товарищей Братья Россо и Бэнкер. Они наверняка обрадуются, услышав такую замечательную новость. Чем могу тебе помочь?

Кейд вдруг почувствовал себя словно заново

родившимся. Он ожил, мысли завертелись в голове с новой силой. Отвести его к Императору? Нет, теперь уже не за чем беспокоить Властителя подобными проблемами. Раз уж все сложилось именно так, то и Правая рука Императора сумеет навести порядок во всей этой неразберихе.

— Отведи меня к Верховному Правителю, Брат. Как можно скорее, — нетерпеливо произнес Кейд, оборачиваясь на дверь, словно боясь, что их кто-нибудь может подслушать.

Кэнделл жестом приказал ему следовать за собой, не задав ни одного вопроса. Он повел Кейда вниз по лестницам, по коридорам и узким переходам. Кейд видел, как перед аккуратной серой униформой открываются все двери, а часовые отдают честь.

Наконец они прошли через апартаменты, которые совсем не отличались изысканностью или роскошью. В прихожей сидели и ждали несколько человек. Рядом находилась ярко освещенная комната связи, где работали специально обученные гвардейцы. Работала аппаратура, операторы получали и отправляли информацию во все концы света. Чуть дальше находилось довольно просторное помещение с ровными рядами столов. За ними сидели шифровальщики, обрабатывавшие полученные и отправляемые данные. Дальше шел целый ряд маленьких комнат, где уже опытные военные работали над папками с секретной документацией и надиктовывали сообщения на ленту. Со скоростью скуттеров шмыгали под носом курьеры, принося и унося материалы, работа шла в полную силу, четко и размеренно. Это было

первое и поверхностное знакомство Кейда с государственной машиной управления.

В последней, пустой комнате им приказали немного подождать, предложив стулья. Несколько проведенных там минут показались Кейду нескончаемо безрадостными. У него создавалось впечатление, словно за ним кто-то следит, словно за шпионом или просвечивает специальными лучами. Но если такой прибор и существовал в помещении, то был тщательно замаскирован. Во всяком случае, сколько Кейд не приглядывался, а обнаружить его так и не смог.

— Оружейник Кэнделл, войдите и приведите задержанного, — наконец приказал голос из скрытого за драпировкой динамика.

Кейд так и замер. Это был тот самый голос, который произносил приказ по радио. Нет, Кейд не мог его забыть: звучный, властный, сильный... Сердце снова ушло в пятки. Он нервно сглотнул и поднялся со стула.

Он, вслед за Кэнделлом, вошел в помещение, подобного которому ему раньше видеть не доводилось. В нем были все удобства, как и в апартаментах леди Мойи, но здесь царила мужская строгость и любовь к порядку. В центре комнаты стоял большой письменный стол, за которым сидел Верховный Правитель. Кейд едва бросил на него испытующий взгляд, и сердце его учащенно забилося от радости. Это был именно тот человек, который сумеет разоблачить заговор и спасти Императора. Уж он-то наверняка не имел ничего общего ни с разленившимся придворным окружением, ни с развращенным Верховным Понтификом и его преспешниками...

— Сэр, — начал Кэнделл обычным деловым тоном, — это Оружейник Кейд, ошибочно считавшийся погибшим. Он просил привести его к вам.

— Просвечивание показало, что он не вооружен, — заметил Верховный Правитель, откидываясь на спинку полумягкого кресла. — Поэтому будьте внимательны, офицер. Следите, чтобы он не захватил ваше оружие, — он встал из-за стола, и Кэнделл со сконфуженным видом попятился от Кейда.

Верховный Правитель отстегнул воинское оружие Ордена и демонстративно швырнул его на стол. Кобура грохнула о столешницу. Верховный медленно подошел к Кейду.

Он был приблизительно того же роста, но помощнее. Крепкое телосложение выдавало в нем отличного борца. Кейд же был отменным боксером, мастером дивизиона.

Он остановился на расстоянии полуметра от Кейда и посмотрел Оружейнику в лицо, открыто и спокойно.

— Ты хочешь убить меня, Оружейник? — тихо спросил он таким тоном, от которого начинали мурашки бегать по спине. — Ну что ж, у тебя есть такая возможность.

— Я здесь не для того, чтобы убить вас, сэр, — твердо отпарировал Кейд, так же открыто глядя в глаза Верховному Правителю. — Я здесь для того, чтобы передать вам информацию, жизненно важную для Империи.

Долгую минуту Верховный Правитель всматривался в его глаза, храня таинственное молча-

ние. Потом неожиданно улыбнулся. Он вернулся к столу и пристегнул оружие.

— Офицер Кэнделл, вы уверены, что это именно Оружейник Кейд? — сухо спросил он, все еще стоя к ним спиной.

— Никаких сомнений, сэр, — откликнулся Кэнделл торопливо, как видно, пытаясь заступиться за своего друга. — Мы когда-то вместе служили новобранцами, сэр.

— Кейд, кто еще знает об этом? — все так же, не оборачиваясь, поинтересовался Верховный.

Кейд несколько растерялся. У него было такое впечатление, что он снова становится маленькой, беззащитной пешкой в чужой игре. Зачем вдруг Верховный вздумал так подробно его об этом расспрашивать? Может он, как и Верховный Понтифекс, хочет уничтожить его? Но врать Кейд не мог.

— Никто, сэр. Только Брат Кэнделл.

— Отлично.

Верховный Правитель резко обернулся. В его руках блеснуло оружие. Мощный разряд ударил в грудь Кэнделла раньше, чем Кейд успел что-либо сообразить. Оружейник вспыхнул факелом и через секунду превратился в черный, обугленный труп. Тело с глухим стуком упало на пол. По комнате поплыл тошнотворный, сладковатый запах горелого человеческого мяса.

Кейд следил за всем этим так, словно видел ночной кошмар. И не в реальности, а, скорее всего, во сне, дуло оружия повернулось в его сторону. Он отказывался верить собственным глазам.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

— Садись, — ровным тоном приказал Верховный Правитель, словно ничего не произошло.

Он положил оружие на полированный стол и снова повернулся к Кейду, который обессиленно рухнул в мягкое кресло. Мысли в голове неслись неясным потоком, путаясь и превращаясь в настоящий хаос. Нет, это уже даже не убийство... Когда он стал свидетелем гибели Фледвика, то он еще мог списать это на предательство Верховного Понтифекса... но теперь... Теперь все было иначе. Да и как можно сравнить Кэнделла и какого-то проворовавшегося Наставника Клейн-дао, попавшего в тюрьму за жульничество. Кэнделл был настоящим офицером... Оружейником. Он мог бы... Но почему?

— Ты мне нужен, — сухо произнес Верховный Правитель. — Мне всегда был нужен первоклассный Оружейник, который попал на самое дно и все же сумел выплыть. Ты можешь быть мне особенно полезен, поскольку весь мир уверен, что ты мертв. И Брат Кэнделл уже никогда никому не проговорится, — и Верховный небрежным жестом указал на обугленные останки офицера. — К тому же, у тебя редкая невосприимчивость к гипнозу.

— Вы и об этом знаете, — тупо произнес Кейд,

глядя прямо перед собой в пространство и почти ничего не видя.

Верховный Правитель усмехнулся и заговорил, растягивая слова:

— Великий Заговор. Да, у меня есть там свои люди. Откровенно говоря, я был встревожен, когда получил сообщение, что один из самых лучших Оружейников Ордена направлен убить меня. Еще больше я встревожился, когда ты улизнул из-под носа стражников.

Девушка, была ли она его шпионом в секте?

— А теперь, — быстро распорядился Верховный Правитель, — расскажи мне, как ты очнулся от гипноза.

Этот вопрос заставил Кейда немного сосредоточиться на прошедших событиях.

— Меня оставили в баре, где я и пришел в себя, — медленно произнес Кейд, неуверенный стоит ли рассказывать все, или попредержать детали. Если девушка из секты — шпион Верховного, он сильно рисковал. Его могли пристрелить на месте, как Кэнделла. Однако его заявление, что гипноз прошел сам собой, было безоговорочно принято на веру. Несмотря на все старания запугать своими знаниями, этот человек на самом деле знал далеко не все.

— Ну хорошо, а теперь рассказывай дальше, — приказал Верховный, пристально глядя Кейду в лицо. — Что случилось с твоим компаньоном? Он, кажется, был разжалованным Наставником Клейн-дао?

Кейд кивнул и принялся во всех подробностях описывать свои приключения за время пятидневного похода до пещер Вашингтона. О нападении

на часового, о лабиринте коридоров, который вывел их прямо к дверям апартаментов леди Мойи, о Верховном Понтифексе, явившемся на первый же звонок придворной дамы, о предательском убийстве маленького учителя. Верховный Правитель иронично усмехнулся, услышав в голосе Кейда неподдельную боль, когда тот рассказывал о присутствии дамы в жилище Верховного Понтифекса. Казалось, это не возмутило его, он даже ожидал чего-то подобного. Когда Кейд принялся рассказывать о своей жизни в заведении мадам Кэннон, Верховный Правитель одобрительно кивал головой в такт словам. Как видно, его порадовала сообразительность и смекалка бывшего Оружейника, однако недовольно нахмурился, услышав о неудавшейся попытке поговорить с самим Императором.

— Ты отлично справился, — наконец произнес он свой приговор, когда Кейд умолк. — А теперь я хочу знать, принесло ли это все тебе какую-нибудь пользу? — и заметив вопросительно-удивленный взгляд Оружейника, спокойно продолжал: — С самого первого дня своего посвящения ты, Кейд, находился в атмосфере Братства и лжи. Да, да, не удивляйся, именно лжи. Ты поступал совершенно правильно, но не потому, что причины твоих деяний были истинными и непогрешимыми. Наоборот. Если бы ты только мог понять настоящие причины событий, все для тебя встало бы на свои места... но скажи мне сначала: почему вы, Оружейники Франции, воевали с Оружейниками Московии?

— Потому что они пытались захватить залежи железа, принадлежащие нашему дивизиону, —

несколько растерянно ответил Кейд, ясно ощущая, что за этим простым вопросом что-то кроется.

Насмешка, скользящая по губам Верховного Правителя подтвердила опасения Кейда.

— Не было никаких залежей железа, — холодно бросил он. — Один из моих людей сфальсифицировал геологический отчет, предназначенный для Главы французского дивизиона, и заодно подбросил немного железа с Марса. Я держал все эти сведения на всякий случай, в качестве яблока раздора. И онигодились, как видишь. Когда глава вашего дивизиона принялся плести интриги и предлагать Московии объединить силы в заговоре, я подстроил утечку информации, которой тут же воспользовались москвиты. Произошла стычка... впрочем, ты о ней знаешь лучше, чем я. Теперь, эти два дивизиона вряд ли объединят свои силы в течение многих лет, — на лице Верховного Правителя играла циничная усмешка.

Нет, это просто изощренная шутка, подумал Кейд, отказываясь верить собственным ушам. Конечно же, это шутка, только в каком-то извращенном, дурном вкусе. Может у них тут во Дворце вообще принято так разыгрывать?

— И все ваши “славные” войны того же рода, — мрачно констатировал Верховный Правитель. — Они полезны только для того, чтобы дивизионы не вздумали вдруг объединиться и всегда были заняты делом. Так у них остается меньше времени на интриги. В этом же самом и заключен смысл Великого Заговора... хотя высокопоставленные члены Ордена и не догадываются об этом,

— самодовольно заметил Верховный. Казалось, он был очень горд тем, что творил. — Поддержание обширной подпольной организации требует колоссальных затрат. Члены заговора из секты Кайро скоро отойдут, на их место придут другие. Конечно, мои люди не дадут этому заговору вылиться во что-то серьезное, хотя, признаюсь, он едва не вышел из-под контроля, когда они сцапали тебя в Саррабле, — Верховный равнодушно пожал широкими плечами, — но в таких делах всегда чем-нибудь да рискуешь.

Нет, это уже не шутка, наконец-то дошло до Кейда. Он вдруг понял, насколько серьезен их разговор. От осознания этого факта у него закружилась голова. Трудно было представить, но мир, такой привычный, удобный и гармоничный рушился, оставляя после себя лишь обломки мечтаний и надежд.

— А чего хотят члены... заговора... которые думают, что состоят в заговоре? — с запинкой спросил Кейд, стараясь сохранить хотя бы видимость спокойствия.

Верховный Правитель развел руками, словно бы говоря: боже мой, это же так очевидно!

— Убить меня, конечно же. А потом захватить власть в свои руки и повернуть развитие всей Империи на свой лад. Им нужно как можно больше Воинов и Оружейников. Они хотят вести все более крупные войны и крупномасштабные военные конфликты, уничтожать все больше и больше населенных пунктов... Тебя учили, что главы дивизионов преданны Империи, тогда как мещане преданны властям. Но правда в том, что Главы Дивизионов — самые заклятые враги Им-

перии. Без Верховного Правителя, который бы мог накинута на них прочную узду, они бы за одно единственное поколение превратили Империю в сплошные обломки и руины. И твой драгоценный Верховный Понтифекс — не лучше. Ты, наверное, думаешь, что он единственный такой за все десять тысяч лет существования Империи, и что после него уже такого никогда не будет.

— Я на это надеюсь, — устало произнес Кейд, потеряв всякую надежду.

— Отбрось иллюзии, Оружейник. Большинство были абсолютно такими же, и в будущем... я думаю, ничего не изменится. И ты должен понять это. Арль плетет свои гнусные интриги для того, чтобы сместить меня и занять обе должности. Этого и следовало ожидать. Такой Верховный Понтифекс, как он, может держаться на плаву долгие годы, потому что у него отличные мозги. И я должен отдать ему должное в умении управлять людьми. Он приближен ко двору, в отличных отношениях со многими благородными, особенно дамами. Он принимает участие во всех интригах между дивизионами. Придворные леди просто без ума от него. Он кажется им таким недоступным и романтичным мужчиной. Они пускаются на самые разные ухищрения, чтобы соблазнить его. А в результате, когда это удастся, он получает почти неограниченную власть, потому что женщина при дворе может куда больше, чем обычный мужчина, пусть даже и с положением. Его святая присяга нарушена, он даже не интересуется боевыми действиями, в которых гибнут его Братья по Ордену. Он плетет сеть интриг, чтобы его выбрали в члены Правления. К тому времени,

когда Верховный Понтифекс попадает туда, он уже становится обыкновенным сибаритом, ленивым и растленным, ни на что не годным, кроме интриг и мелких каверз. У него просыпается вкус к власти, и он начинает пользоваться ей без меры. Таков и наш друг Арль.

Верховный Правитель на секунду замолчал, как бы придавая особый смысл своим словам.

— Но запомни, Кейд, как бы ни был плох Глава Ордена, а он должен существовать. Тебе пришлось сражаться, и ты прекрасно поймешь меня. Очень часто сам факт, что где-то существует Верховный Понтифекс — воплощение доблести и славы Ордена — спасал тебе жизнь или сберегал день для своего подразделения. Тот факт, что настоящий Верховный совсем не такой, каким привыкли его представлять рядовые члены Ордена и гражданские, совершенно ничего не меняет.

Кейд подался вперед. Та вещь, которую он сейчас собирался сказать, комом застряла в горле. Какую-то долю секунды он даже не был уверен, хватит ли у него духа произнести то, что хотел. Однако он все-таки сделал над собой усилие и спросил:

— А Император? — в наступившей тишине Кейд слышал только буханье собственного сердца, которое, похоже, готово было вот-вот выпрыгнуть из груди. — Император, почему он позволяет все это? Почему?

— Император — такая же ложь, как и все остальное, — совершенно спокойно ответил Верховный Правитель, словно бы и не замечая состояния Кейда. — Император не может этому помешать. Если он только попытается каким-то обра-

зом вмешаться в управление Империей, я найду вежливый и вполне оправданный способ проигнорировать его указания. Императоры, которые слишком настойчиво и активно в прошлом вмешивались в дела власти, не дожили до преклонных лет, Кейд. Верховные Правители убивали их. Да, убивали, — повторил Верховный, видя растерянность и недоверие на лице Оружейника. — И такое может повториться снова. Но в этом нет ничего пугающего. Так и должно быть. Как тебе известно власть Верховного Правителя передается назначением, а власть Императора — по наследству, первому законнорожденному ребенку мужского пола. Верховный Правитель выбирает себе преемника из достойных, а императорская власть достается тому, кого осчастлививляет судьба. Но нет гарантии, что Император станет достойным Правителем. Для этого надо обладать многими незаурядными качествами, а в особах голубой крови эти качества не в чести. И потому линия Верховного Правителя сильнее, чем императорская, поэтому она и должна править, — его голос окреп и зазвучал словно набат, эхом разносясь по большой комнате. — Но и без Императора государство существовать не может. Верховного Правителя не любят: он посылает людей на смерть, он собирает налоги, устанавливает законы и требует их соблюдения... Император же не делает ничего подобного. Он просто царствует, и его любят, потому что каждого гражданина Империи с детства учат любить его. И люди преданы своему Властителю. Они действительно, от всей души любят его. Но делают это по неправильной причине. Если бы они почитали его, что

бы могло произойти? Подумай, что может случиться, если бы все мещане перестали уважать и соблюдать закон? И что бы мы стали делать, когда все тюрьмы оказалось переполненными? И большинство населения прекратило работу, начало бы устраивать забастовки, крушить магазины, лавки, учреждения? Что бы мы могли предпринять, если бы толпа кинулась брать штурмом тюрьмы, выпускать преступников, грабить, насиловать и убивать? Нам бы пришлось использовать газовое оружие. Но разве может, пусть даже самое мощное оружие, остановить многомиллиардную толпу? Мы — только горстка преданных людей. Но против такой массы мы бессильны. Конечно, мещане жалуются на высокие налоги, на множество законов, на разделение общества. Но в целом — это законопослушные граждане, которые любят своего Властителя, и потому не хотят огорчать его преступлениями и правонарушениями.

Верховный Правитель подошел к столу, сунул оружие в кобуру и принялся нервно расхаживать по комнате.

— Я прошу тебя подумать, Кейд, — с нажимом произнес он, давая понять, что придает своим словам особый смысл. — Мне бы очень не хотелось избавляться от такого прекрасного оружия, как ты. Я прошу тебя подумать над всем, что ты услышал от меня. Мир устроен не так, как кажется, и уж тем более не так, как ты думал все эти долгие годы своего пребывания в рядах Ордена. Ты много лет добросовестно выполнял свою работу, потому что ты не знал настоящих причин, не видел обратной стороны этой жизни. Теперь

же все изменилось. Ты увидел изнанку, и жить по-прежнему уже не сможешь.

Кейд согласно кивнул. Он и сам понимал, что теперь, после этого тяжелого разговора, он бы и сам не захотел вернуться к прежней своей жизни. Слышать ложь и молчать.

— Для тебя найдутся куда более ответственные и важные поручения, выполнить которые может человек только с чистой совестью и открытыми глазами, — заметил Верховный Правитель, испытывая глядя на Кейда. — Как бы там ни было, но Империя существует, существует вот уже десять тысяч лет, потому что есть в ней люди, которые поддерживают структуру власти и возвращают ее на место, как только она скатывается с наезженной колеи. Это люди решительные и отважные, они прекрасно понимают, какую работу выполняют и берутся за нее без страха и сожаления.

Остановившись на секунду у тела поверженного Кэнделла, он просто сказал:

— Это делается для счастья миллионов и миллионов людей. Да, они жалуются на свои беды и трудности, но они счастливы, во всяком случае, большинство из них. Оружейники довольны, служба Клейн-дао довольна, довольны Дворы и мещане. Позволь чему-нибудь измениться, позволь системе разрушиться, и что станет со всеми? Дай каждому мещанину власть, которой обладаю я, и что он с ней сделает? Он начнет пользоваться ей и сумасбродничать, потому что его никто не учил, как надо пользоваться властью. А ведь далеко не такой простой вопрос, как кажется. Вот почему, мне нужны такие люди, как

ты. Подумай хорошенечко, Кейд. Есть ли что-нибудь неподобающее в том, что я делаю и предлагаю тебе? Ты занимался тем, что убивал. В этом и заключается предназначение Ордена. Мое назначение — сохранять устойчивость и благополучие Империи, заботиться о благе каждого гражданина.

Воля Кейда была почти сломлена под мощным воздействием этого страстного, искреннего голоса. Верховный Правитель говорил о присяге, которую Кейд когда-то давал, и полностью развенчал ореол ее святости и незыблемости. Кейд посвятил всю свою жизнь служению Императору, а тот оказался всего лишь бессильным, ритуальным прикрытием для Верховного Правителя, державшего в своих твердых руках все бразды власти. С безжалостной откровенностью он рассказывал Кейду о вещах, от которых ему пришлось раз и навсегда отказаться, ради стерильной жизни атлета.

Он говорил об изысканных блюдах, вкуса которых Кейд ни разу не пробовал. Говорил о музыке, танцах, пьянящих напитках, о любви: целый чувственный мир, который, как считал Кейд до сих пор, был совершенно закрыт для него. Теперь же Верховный Правитель, словно сладкоголосая сирена завлекал его двумя многообещающими идеями — благородством новой службы и теми благами, которые она предоставляла.

Было очень легко ходить в ловушку. Кейд лишился истин, служению которым он посвятил свою жизнь. А Верховный Правитель утверждал, что есть другая система ценностей и истин, и если только Кейд воспримет их, то сможет получить

такие многообещающие результаты, которых только в состоянии добиться сильный человек с умеренными аппетитами.

Да, слушать все это было легко, и легко соглашаться, но... Кейд догадывался, что существует нечто, кроме всего того, что ему здесь сообщили. Обстоятельства, которые не хотели укладываться в привычные рамки понятий и в систему, обрисованную Верховным Правителем. Девушка! Да, она не хотела смерти Верховного Правителя, но и гибели Оружейника тоже. Она ведь ясно предупредила его, что стоит ему только вернуться в ряды Ордена, и из него сделают покойника. И эти ее слова никак не давали Кейду покоя.

Больше не существовало всемогущего, всеблагородного императора. Не было верных ему Глав Дивизионов. Был только Верховный Правитель и девушка. Итак, подумал Кейд с горечью, предательство в порядке вещей. И так было на протяжении десяти тысяч лет, пока существует Империя. Он уже знал, какой ответ даст Верховному Правителю. Ответ, который спасет ему жизнь. Однако сейчас Кейд еще не был готов к этому ответственному моменту. Многолетний стратегический опыт подсказывал ему, что если он только позволит себе сдать сразу, это погубит его.

— Я вынужден просить предоставить мне немного времени, сэр, — с горечью попросил он. — Вы понимаете, все это слишком непривычно для меня. Я был верен своей присяге много лет. Я словно бы сросся с ней. Не прошло и месяца с тех пор, как я.., — он запнулся, — как я погиб

в бою. Могу я попросить разрешения получить день на размышление?

Губы Верховного Правителя дрогнули. Он едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

— Один день? Клянусь Богом, не много ты просишь. Я дам его тебе. Думай, сколько хочешь. Ты можешь провести его в моей квартире. У меня найдется для тебя удобная комната.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

По всем представлениям Кейда комната была действительно удобной. По роскоши она уступала только изысканному жилищу леди Мойи. Но по сравнению с убогой берлогой мадам Кэннон и строгостью спальных отсеков Конвента, эта комната представляла все удобства, о которых только мог мечтать в усмерть уставший человек. и, кроме того, она без сомнения представляла собой настоящую тюрьму.

Кейд понимал, что стоит ему только сделать попытку выбраться отсюда, как его тут же уничтожат. Однако на окнах решеток не было, как видно приказ “убить при встрече” свою силу все же потерял. Хотя Кейд не сомневался: стоит только хозяину этих апартаментов заподозрить неладное или усомниться в том, какой ответ Оружейник даст завтра, из этой комнаты ему больше никогда не выйти.

Все было куда серьезнее, чем казалось на первый взгляд. Если бы даже Кейд и хотел перехитрить Верховного Правителя, дав присягу, а потом ее нарушив, комната рассеяла все эти мысли. Он понимал, что в таком случае, ему все равно не удастся вернуться к прежним своим обязанностям в Ордене. Ему придется скрываться и прятаться весь остаток собственной жизни,

потому что Верховный Правитель наверняка откроет на него настоящую охоту. И у Кейда даже не будет возможности официально обратиться к властям за помощью, для всего мира он — мертв.

Кейд даже усмехнулся при этой мысли. Как ловко его поймал Верховный Правитель! И ведь действительно, если бы его, как Кэнделла, превратили в обугленный труп одним нажатием спускового крючка, ни у кого, даже у его собратьев по Ордену не возникло бы никаких вопросов или подозрений. Он мертв, его нет, и что бы с ним не случилось, никто ничего не узнает.

В этой комнате он оставался пленником, и потому хотел быть честным хотя бы по отношению к себе и... девушке... если, конечно, ему когда-нибудь удастся разыскать ее.

Эту ночь Оружейник проспал отлично. Он проснулся в привычное время, и после обильного и вкусного завтрака к нему заглянул хозяин квартиры.

Кейд не стал ждать, когда ему начнут задавать вопросы. Отдав честь, он отпрапортовал:

— Я принял решение, сэр. Я в вашем распоряжении. Каково мое первое назначение?

Верховный Правитель сдержанно улыбнулся, похоже, его не удивило решительное настроение Оружейника.

— Оно уже давно дожидается тебя, — дружеским тоном откликнулся он. — Империи грозит серьезная опасность безграничный эгоизм и близорукость одного высокопоставленного лица, против которого я не могу принять обычные меры. До сих пор... я пытался найти человека,

способного сделать необходимое. Теперь я его нашел — это ты.

Он замолчал, и в комнате нависла грозная тишина.

— Ты отправишься на Марс, — наконец произнес он внезапно севшим голосом. — Твоя задача — уничтожить Главу Марсианского дивизиона. Но запомни, сам ты должен остаться в живых. Детали операции — твоя забота. Я могу предоставить тебе скуттер и деньги, можешь покупать услуги людей или машины, как хочешь.

Мозг Кейда моментально включился в работу. Он снова стал опытным Оружейником, перед которым стояла тактически сложная задача. Он постарался отбросить ту мысль, что он может и не справиться с подобным заданием. Надо действовать и думать так, словно он уверен в успехе на все сто процентов.

— Мне нужно имя и соответствующая легенда, — сосредоточенно произнес он.

— Выбирай сам. Я же сказал: детали — твоя забота. Могу предложить в качестве подсказки определенную версию. Ты можешь выдать себя за дезертировавшего Воина, который направляется домой. Наверняка, о подобных случаях ты уже слышал и не раз. Также можешь воспользоваться теми знаниями, которые получил в пивной. Заодно твое пребывание там может оказаться замечательным алиби. Уверяю тебя, с такой легендой ты всюду будешь приниматься с распростертыми объятиями. Да, представь себе, — ответил Верховный на испуганно-вопросительный взгляд Кейда. — Дела там действительно настолько плохи. Неужели ты думаешь, что я отправил бы

тебя убить Главу Дивизиона за какие-нибудь мелкие прегрешения или неблагоприятные поступки? — он криво усмехнулся. — Его развращенность и предательство зашли слишком далеко. Ну а пока, подумай как следует, каким образом ты выполнишь это задание. Составь подробный список необходимого оборудования, а когда закончишь, позови меня, — и Верховный Правитель указал на красную стенную кнопку. — Приду я сам или пришлю доверенного слугу.

Он уже собрался выйти, когда сигнал интеркома прорезал тишину комнаты. Верховный пошел к стенной панели и нажал кнопку.

— Я здесь, слушаю.

— Сообщение, сэр, — послышался голос секретаря. — Мне принести его?

— В соседнюю комнату, — и обращаясь к Кейду, добавил: — Позови, когда будешь готов.

Оружейник Даром времени не терял. Он уже уселся за маленький полированный столик, в углу комнаты, и принялся составлять перечень предстоящих расходов, транспорт и легенду.

Верховный вернулся почему-то через несколько минут без всякого приглашения. Он с интересом взглянул на Кейда, который удивленно посмотрел на Правителя.

— У вас будет посетитель, — сухо сообщил он. — И интересно знать, как ей удалось...

— Ей? Кому? — Кейд так и подскочил, совершенно забыв и о задании, и о списке.

Лицо Верховного Правителя расплылось в хитрой улыбке:

— А ты как думаешь? Кого из придворных дам ты знаешь?

Кейд почувствовал, как оборвалось сердце. Значит это леди Мойя. Воспоминание о ней все еще причиняло боль. Пройдет, наверное, немало времени, прежде чем он придет в себя от открытий страшной ночи. Эта женщина до сих пор вызывала в нем отвращение и неприязнь. Он даже не знал, собственно, почему именно. То ли из-за ее манер, то ли от самого факта ее проживания в апартаментах Верховного Понтифекса.

— Только одну, сэр, — официальным тоном ответил Кейд. — Но я бы предпочел не встречаться с ней, если можно.

— Не получится, — развел руками Верховный Правитель, явно получая удовольствие от смущения Оружейника. — Она знает, что ты здесь, и у меня нет никаких оснований отказывать ей. Не могу же я рассказать ей, кто ты есть на самом деле. Как она узнала, что ты здесь? — неожиданно строго прогремел он.

Кейд растерялся.

— Сэр, я не знаю. Даю вам слово, я не видел ее после нашей встречи в Вашингтоне...

— В Вашингтоне? — Верховный Правитель хмуро глянул на Кейда. — Ты же сказал, что видел там только леди Мойю..., — неожиданно его строгое лицо расплылось в понимающей улыбке. — А, так ты и не знаешь! — хохотнул он, удовлетворенно потирая руки. — Мой добродетельный Оружейник, это та самая девушка, которую ты так старательно ожидал в заведении мадам Кэннон целых две недели. Как видишь, я все знаю. Только вчера мне принесли секретное донесение оттуда, уже когда ты спал. Так вот, эта девушка, ты ведь видел ее только однажды..., —

он явно растягивал удовольствие, наслаждаясь разговором. — Мой добродетельный Брат, ты так целомудрен, так привержен своей присяге... Ты ведь всегда говорил правду, верно? Как ты мог... упустить такую мелочь, как эта девушка? А ну-ка давай рассказывай, что там у вас произошло.

Кейд почувствовал, как кровь приливает к лицу. Однако это не была краска стыда. Ничего неподобающего он не совершал. Просто он оказался одураченным в собственных глазах. Он разыскивал ее целых две недели, ухлопал все свои деньги на расспросы, а теперь она сама нашла его. И оказывается, она никакая не мещанка, а придворная дама наибогороднейших кровей! Как же он мог принять ее за проститутку?!

— Ну уж нет, — рассмеялся Верховный Правитель, — портить шутку я не намерен. Зачем опережать события? Ты и сам скоро узнаешь, кто она, из ее собственных... трепетных... губ, — суровость исчезла. Он подошел к кровати и опустился на край. — Если это хоть как-то обрадует тебя, могу сказать, что я ничуть не разочарован. Наоборот, я стал даже с большим уважением относиться к тебе, Кейд. Мне очень нужны люди, которые умеют держать язык за зубами и не болтать о лишнем. Итак, значит она все-таки предприняла свою попытку Сходить в Народ, — как бы самому себе заметил Верховный Правитель. Похоже, его это очень забавляло. — Это еще раз доказывает, что иногда правильный выход из положения — самый легкий. Целых три недели подряд весь дворец жужжал, как улей, по этому поводу. Я считал, что знаю все, а тут на тебе.

Кейд изумленно уставился на Верховного Правителя, стараясь понять только что услышанное.

— Вес дворец? — неуверенно переспросил он.
— Вы хотите сказать, что знаете о ней? Весь дворец знал?

Но тогда зачем такая секретность? Подумал он, зачем ради этого надо было убивать Кэнделла? Почему его тогда заперли в комнате и никуда не выпускают? Это совсем не вязалось со вчерашним разговором в кабинете у Верховного Правителя.

— Да, конечно, знали. Но они думали, будто она встретила наглого обманщика, выдававшего себя за Кейда... и только я знал, что ты — настоящий Оружейник, чистый и непогрешимый. Во всяком случае, я так считал. По всей видимости, у меня была правильная информация, а придворные вкривь и вкось толковали случившееся. Каких только сплетен не наплодило это происшествие, — он хохотнул. — Они и в самом деле думали, будто она столкнулась с грязным мошенником. Это про тебя-то! Видел бы ты свое лицо, перекошенное от ужаса, когда я рассказывал вчера обо всех этих дурных вещах и соблазнах! Нет, Кейд, мошенник из тебя некудышний. Ты остался таким же честным и непорочным, каким был все эти тринадцать лет. Вот такой человек мне и нужен на службе, — и он опять не сумел сдержать смехок. — А интересно... из нее, наверное, получилась милая проститутка, а? Как она выглядела? Она ведь такая... ну ты знаешь...

— Прекрасная? — без всякой задней мысли брякнул Кейд, глядя на Верховного Правителя чистыми глазами.

Тот воззрился на Оружейника с изумлением, потом нахмурился:

— Нам лучше поскорее отправить тебя на Марс, — сухо оборвал он и взглянул на бумагу, которую держал в руках. — Она говорит, что видела тебя вчера при дворе, но не хотела тебя выдавать. Теперь, когда ты оказался у меня в руках, ей хочется повидаться с тобой, прежде чем ты умрешь.

Неожиданно вся его веселость исчезла.

— Кейд, — сурово сказал он, — я могу понять и простить ту маленькую ложь, которой ты пытался выгородить ее. Во всяком случае, это понятно, ты оставался предан своему маленькому другу. Ты прямой и честный человек, врать не умеешь. Но если я только узнаю, что за твоей ложью кроется нечто большее, нежели простая благодарность за помощь, этот визит твоей подружки станет для тебя и в самом деле последним перед смертью.

Когда Верховный Правитель вышел, и дверь за ним закрылась, Кейд бросился в кресло и закрыл глаза рукой. Нет, наверное, он сошел с ума. А может вообще весь мир сошел с ума?

— Предатель, смотри мне в глаза! Мне сказали, что ты лгал, и я не верила им, но теперь я знаю все. Посмотри мне в глаза, если осмелишься!

Кейд подскочил при первых же звуках заунывного, скрипучего голоса. Он совершенно не слышал, как открылась дверь, и теперь с удивлением уставился на нелепую женщину, стоящую посреди комнаты. Ее чуть хриплый, гортанный голос совершенно не вязался с драматичными словами,

которые она сейчас произносила. Да и вся она скорее напоминала карикатуру — злую и отвратительную — на придворную благородную даму. Сердце у Кейда сжалось. Ему показалось, что кто-то сыграл с ним жестокую шутку. Это была леди Джослин. Он и сам вчера заметил некоторое сходство... но отдаленное, едва заметное. Кто же мог узнать об этом?

— Предатель, — повторила она с презрением, — посмотри мне в лицо! Ты так ошибался, когда хотел воспользоваться бесхитростной глупенькой девушкой-мещанкой. Посмотри же мне в лицо!

Он посмотрел и заметил, как невероятные, совершенно таинственные перевоплощения начали происходить с ее внешностью. Голова чуть подалась назад, и он увидел длинную шею, тонкую и изящную. Подбородок женщины гордо вздернулся вверх, она смотрела прямо на него с вызовом и иронией, а чуть косившие глаза вдруг заблестели азартом, словно бы подогреваемые внутренним огнем. Из неуклюжей дурнушки девушка в мгновение ока превратилась в красавицу. На ней по-прежнему были дурацкие оранжево-красные волосы, и нелепо сшитое платье, но ни эта вихрастая грива, ни прозрачный балахон уже не могла обмануть Кейда. Да, это была она, та самая девушка из секты Кайро, и теперь он уже больше не мог ошибиться.

Наверное, это было написано у него на лице, потому что девушка кривила губы в невольной улыбке едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. Однако по-прежнему продолжала ломать комедию:

— Тебе нечего сказать в свое оправдание? —

требовательно спросила она исковерканным голо-
сом.

— Тысяча извинений, леди, — хрипло выдавил Кейд, и сердце его гулко заколотилось где-то в висках. — Если бы я знал... если бы вы хоть словом упомянули о своем благородном происхождении, я не посмел бы вам лгать, — он почувствовал, что сам начинает ломать комедию. Если бы только Фледвик видел его сейчас! Да, этот мошенник наверняка бы пожал руку своему смекалистому ученику.

Девушка подмигнула и кивком приказала продолжать.

— Без сомнения, ваше благородное сердце поймет и простит, когда я скажу, что только ваша несравненная красота толкнула меня на преступление, — по всей видимости, леди Джослин являлась объектом насмешек всего двора. Предполагалось, что она, отправляясь в город инкогнито, наверстывала упущенное на стороне, развлекаясь не в слишком порядочных заведениях. Ее прошлые приключения, да к тому же еще и арест подтвердили гулявшие по Дворцу сплетни, к вящему удовольствию дворцовых остряков. Она вела себя так, будто его, по ее настоянию, приговорили к смертной казни за оскорбление придворной высокопоставленной дамы и за попытку выдать себя за погибшего Оружейника.

— Простить? — взвизгнула она резким, отвратительным голосом. — Простить? С тобой поступят по справедливости, и мне незачем тебя прощать. Ты должен отдать свою жизнь за оскорбление лица королевской крови! И это будет достойное наказание для такого отъявленного преступ-

ника, как ты. Я пришла тебя утешить, Брат. Подай мне стул. Можешь сесть у моих ног.

Кейд сделал, как она ему приказала, даже на пытаюсь понять, что же, в сущности, происходит. Он осознавал лишь одно, что она затеяла какую-то игру, и надеялся, что в скором времени все выяснится само собой.

Она опустилась на стул и вытащила из обширных карманов широкого платья смятые листы, сплошь исписанные строчками стихов. Кейд опустился перед ней на колени, а затем сел на пол.

— Этот час я обязалась посвятить тебе, чтобы утешить перед смертью. Я прочитаю тебе свои стихи, — и она нараспев, гнусаво-завывающим голосом принялась декламировать то, что, по всей видимости, считала настоящей поэзией:

Во всей Империи нет даже шепота,
который бы остался неслышанным.
Ни днем, ни ночью не спит и бдит тот,
кому принадлежит дворцовый шлем.
Многочисленны двери Империи.
Эту же дверь не стерегут, другая на замке,
и каждый преданный гражданин имеет ключ,
чтобы жить подобающим образом.

Ее колено резко толкнуло Кейда в плечо при словах “эту же дверь не стерегут”. Ему без труда удалось понять, что она имеет в виду. Кажется, таинственная игра начинала приобретать определенные правила.

Благородный или мещанин, ты должен пользоваться тем, что суждено судьбой.

Клейн скажет нам, как поступить,
и выбора пред нами нет.

На сей раз ключевым словом оказалось “пользоваться”.

Она продолжала нараспев зачитывать дальше свои вирши, когда между листов выскользнул маленький плоский предмет. Он свалился прямо в руки Кейду. Оружейник взглянул на девушку. Не отрываясь от рукописей, та коротко кивнула ему. “Пользоваться”. Кейд мгновенно открыл эту крохотную коробочку и увидел пленку с записью, которой бы хватило на полчаса. Счетчик стоял на нуле.

Мой голос невелик, и я не знаю,
как наполнить все протянутые руки,
настроить тело, душу на добро.
Но если б голос мой был громам подобен,
то я вскричала бы: не забывайте, люди,
что только Клейн вас к счастью приведет.

“Мой голос... я не знаю, как... настроить...” Он искусно установил тембр, показатели высоких и низких частот, чтобы они соответствовали ее исковерканному голосу. Он надеялся только, что подслушивающие устройства не настолько высокого качества, которое позволит им определить подмену. По короткому кивку девушки, он включил запись и вздохнул с облегчением, когда по комнате поплыл все тот же гнусавый с хрипотцой голос, продолжавший читать стихи:

Что за блаженство верность нам дает!

И есть ли сердце, что...

Он осторожно положил аппарат на ее стул, когда она поднялась и жестом пригласила его следовать за ней. Они вместе на цыпочках вышли из комнаты. Верховному Правителю, подслушивавшему на другом конце устройства, предстояло наслаждаться изрядной порцией рифмоплетства леди Джослин.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Она провела Кейда по бесконечным извилистым темным лестницам и переходам. От прикосновения ее хрупкой руки открывались невидимые, потайные двери, замаскированные под панели или гардины. Они прошли почти весь дворец, но не встретили ни единой живой души. Да, это огромное здание, резиденция Императора, скрывало и таило в себе куда больше, чем казалось на первый взгляд. Это Кейд уже понял.

Когда они наконец вышли, то оказались на узкой, маленькой улочке, как в той части города, где Кейд скрывался две недели. В конце небольшой аллеи, у перекрестка стояла машина. Они сели в нее, и она тут же сорвалась с места, мча их через город. Кейд даже не успел заметить, кто же ее вел, поскольку, едва опустившись на заднее сидение, он тут же повернулся к девушке и принялся благодарить ее за очередное спасение. Мысли в голове лихорадочно носились, вопросы так и напрашивались сами собой. Но когда он попробовал задать один из них, она только приложила палец к ярко накрашенным губам и отрицательно покачала головой, давай понять, что сейчас не место и не время для объяснений.

Кейд откинулся на спинку сидения и постарался расслабиться. Однако мысли не давали ему

покоя. Он был потрясен этими таинственными ее перевоплощениями. При первой их встречи она показалась ему обыкновенной мешанкой, замешанной в заговор, из секты Кайро. Правда, в ней чувствовалась привычка повелевать, но он и догадаться не мог о ее благородном происхождении. Потом она стала достойной представительницей носителей подвязки, соблазнительной и вульгарной. Теперь же — придворной дамой, племянницей самого Императора!

Сейчас он догадывался, что там, в секте, она была шпионкой, только вот чьей?

Второй раз, в заведении хозяйки Кэннон, она просто устроила настоящий маскарад. Все во дворце считали, что делает она это только ради развлечения. Кейд понимал: нет.

А раз она уже столько раз доказывала свою способность перевоплощаться, то Кейд и сейчас не был уверен, что перед ним она в своем настоящем обликии. Кто даст гарантию, что она с ним откровенна. Ведь глупая, неуклюжая леди Джослин, над которой потешался весь двор, это совсем не та леди Джослин, решительная и властная, сидевшая рядом с ним на заднем сидении машины.

Сейчас он был уверен только в двух вещах: она по-прежнему прекрасна... и что она снова спасла его. Но зачем?

Машина осторожно затормозила у края поля, и девушка жестом приказала ему открыть дверцу. Она быстро провела его к старому, облезлому зданию, похожему на огромный ангар. Кейду даже не удалось взглянуть на отъезжающую машину.

— Открывай, — приказал она тем самым, знакомым повелительным тоном, который он впервые услышал в овальной серой комнате.

Кейд с трудом вытянул из двойного запора тяжелый железный засов и рывком распахнул двустворчатую дверь. Внутри находился большой аэрокосмический скуттер грузового назначения — двенадцать метров полированного металлического сплава.

— Ты можешь его пилотировать, Оружейник, — произнесла она скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Я пилотировал скуттеры до Луны и обратно, — признался Кейд.

Тревога скользнула по ее лицу. Она нахмурилась.

— А до Марса?

— Нет, но могу и до Марса, — просто ответил Кейд. И это была чистая правда. Штурманское дело он знал великолепно, впрочем, как и любой другой Оружейник, обучавшийся своему делу в стенах Конвента.

— Надеюсь, — выдохнула леди Джослин. — Этот скуттер заправлен топливом и обеспечен всем необходимым оборудованием. На борту есть запас пищи и воды, — она вложила ему в руку лист с записями. — Это координаты места посадки на Марсе. Там тебя будут ждать друзья. Если их что-нибудь задержит, никуда не удаляйся от скуттера, они скоро придут. Если взлетишь немедленно, то, вероятно, окажешься вне досягаемости радара прежде, чем они начнут преследование.

— Они? — непонимающе спросил Кейд, —

Скуттеры Верховного Правителя? — он несколько удивился ее заявлению. Он-то предполагал, что в эскадре Верховного не может быть ни боевых машин, ни тем более истребителей.

— Кейд, — твердо сказала она, — у нас нет времени. Мне и раньше приходилось помогать тебе против твоего собственного желания. Если бы ты всегда слушался меня, то не попал бы в такой переплет. Поэтому давай не будем спорить, делай, как я тебе говорю. Взлетай немедленно без вопросов и возражений. Но сначала ты должен ударить меня, и посильнее, чтобы я потеряла сознание.

— Что?! — Кейд потрясенно уставился на нее.

— Послушай, ты уже однажды это сделал, — резко выпалила она. — Мне же надо их как-то задержать, когда они кинутся догонять тебя.

Кейд взглянул на нее: большие, блестящие глаза и очаровательное лицо, изуродованное карикатурным макияжем. Как удивительно приятно тепло, исходящее от ее тела... оно совсем не похоже на страшную опасность, которой его так долго пугали. Да и опасно ли это вообще — ощущать близость женщины? Прикоснуться к ней ладонями, губами... наверное, это похоже на прикосновение к Оружию Верховного Понтифекса... При одной этой мысли Кейд вспыхнул, в голове бешено запульсировало, он с удивлением почувствовал, как по телу разливается горячая волна наслаждения... наслаждения, какого раньше ему испытывать не доводилось.

— Кейд! — яростно выпалила девушка, возвращая его на грешную землю. — Нам нельзя терять ни секунды. Пленка могла дать нам не

больше тридцати минут... если только у них не возникли подозрения раньше... Делай, что я тебе говорю!

На взлетную полосу, надсадно ревя, выскочила дворцовая машина и, визжа покрышками, начала тормозить, на ходу разворачиваясь.

— Вот они, — с горечью выкрикнула она.

Только короткое мгновение Кейд колебался, затем размахнулся и нанес не сильный, но целенаправленный удар. Девушка обмякла ему на руки, не издав ни единого звука. Он подхватил ее и понес в скуттер. Как бы там ни развивались события, а оставлять ее здесь он не намерен.

Дверь в кабину управления была открыта. Он бегом поднялся по лестнице, опустил безжизненное тело в ложемент, пристегнул ремни и с грохотом захлопнул дверь в тот самый момент, когда слышался приказ сдаваться.

Он проскользнул в пилотский ложемент, тренированное долгими годами сознание, мгновенно включило автоматическую память. Он действовал даже не задумываясь: ремни, фиксатор головы, первый модулятор температуры и напряжения, второй модулятор, запуск, проверка двигателя, старт...

Скуттер с такой скоростью рванулся вперед и вверх, проносясь над взлетным полем, что на какую-то секунду Кейд потерял сознание от страшной перегрузки. Едва придя в себя, он выгнулся в ложементе, пытаясь посмотреть: как там девушка. Она по-прежнему лежала без сознания. На панели замигали индикаторы, руки сами собой выполняли привычную работу, хотя вот уже три года, как Кейд не вылетал в космос. На

несколько минут он забыл обо всем, став как бы неотъемлемой частью корабля. Воля и сознание передавали импульсы и приказы компьютерам через его ловкие, быстрые пальцы. Когда же, наконец, скуттер вышел на заданную орбиту и Земля большим голубым диском стала удаляться за спиной, он включил радары и отстегнулся.

Кейд рывком выбрался из ложементa, наклонился над девушкой и осторожно пощупал пульс на горле. Возможно, он ударил ее слишком сильно. Она не должна была оставаться так долго без сознания, встревоженно подумал Кейд. Однако она по-прежнему не приходила в себя, и он ничего с этим поделать не мог.

С каждой секундой его тревога росла. Наконец, Кейд принялся обыскивать скуттер в поисках аптечки. Он натянул специальные башмаки, распахнул люк грузового отделения — всего метра три длиной — и вплыл в него. Однако ничего, кроме запакованных ящиков, он там не обнаружил. Здесь был только груз, а не медикаменты.

За багажным отделением он обнаружил небольшую кабину с койками вдоль стен и вытяжным шкафом — жилое помещение. Наверняка ей понадобится вода, подумал Кейд. Он быстро наполнил флягу водой из крана, затем зачерпнул из плошки клеящей пасты — непременный атрибут в любом космическом корабле — и с ее помощью прилепил флягу к бедру. Когда он рывками пробирался обратно в рубку, ему навстречу выплыла девушка. Она держалась за поручни, ее покачивало из стороны в сторону.

— Какой же ты дурак, — бесцветным голосом произнесла она.

— Ты сказала мне пилотировать скуттер на Марс, — откликнулся Кейд сухо, — именно это я и делаю.

— Дай мне воды, — девушка неумело отхлебнула из фляги, взгляд ее немного прояснился. — Кейд, — в ее тоне чувствовалась усталость. — Вероятно, ты сделал это из лучших побуждений, но теперь нас обоих убьют. Неужели ты думал, что тебе просто так, безнаказанно позволят улететь в космос с членом Императорской семьи на борту? Они нас уничтожат, — ее голос окреп, в нем снова появилась сила. — А про меня “с сожалением” заявят, что я погибла во время боя. Если бы ты меня послушался, я бы смогла выиграть какое-то время и дать тебе улизнуть.

Кейд указал на кормовой радар:

— Смотри, вокруг ничего нет. Только одна маленькая точка.

— Где?! — она резко оттолкнулась от поручня и подлетела к экрану. Ее взгляд так и впился в изображение, руки стиснули край паза в переборке.

— Видишь? — показал Кейд. — Скорее всего, это просто метеорит. Но он в стороне от нашей орбиты. Не беспокойся, они не смогут взлететь раньше, чем через пару часов. По крайней мере, если у них нет заправленных, готовых к отлету скуттеров. К тому времени мы уже будем...

— А если есть? — неожиданно взорвалась она. — Ты же сам видел: этот корабль стоял, готовый к старту! Неужели ты так ничему и не научился? Неужели ты все еще думаешь, будто Империя — это именно то, чем она кажется непосвященному? Этот скуттер шесть лет дожидался своего

Оружейника, который бы повел его. А теперь мы будем уничтожены из-за твоего глупого сумасбродства!

Кейд внимательно вглядывался в экран, наблюдая, как крохотная точка начинает расползаться на отдельные три, приобретая форму правильного треугольника. С каждой секундой они становились все отчетливей. Теперь у него не осталось никаких сомнений.

— Скуттеры, — упавшим голосом признал он. — Интересно, какие — грузовые, буксиры, разведчики или истребители.

— Не знаю, — огрызнулась девушка, все еще сердясь на него. — Я — не Оружейник. Скорее всего истребители.

Кейду с трудом в это верилось. Истребители были предназначены для акций уничтожения. Они подлетали к своей жертве на допустимо малую дистанцию, выравнивали скорости, а затем таранили корабль-цель, разбивая его бронированной носовой частью. Для всех, кто попадал под такой удар, подобная операция могла кончиться только одним — смертью.

— Они, наверное, не знают, что ты на борту, — растерянно произнес Кейд.

— Я вижу, ты все еще живешь в своем собственном розовом мире, — саркастически заметила леди Джослин. — Ты по-прежнему пытаешься соблюдать этические правила, когда остальные уже давно наплевали на них. Я — это только хороший предлог для атаки. Им нужен ты, живой или мертвый. А раз так, стесняться в средствах и методах они не станут, — ее слова звучали жестко и сухо. Каждое слово хлестало,

как пощечина. Он чувствовал себя виноватым, потому что сам втравил ее в это рискованное мероприятие. — Если бы ты послушал меня, ничего бы этого не случилось. Впрочем, говорить об этом поздно. Что ты собираешься предпринять? — ее тон стал резким и деловым.

— Попытаюсь оторваться от них... если получится, — он подлетел к пилотскому ложементу и опустился в него. — Могу попробовать перевести корабль на крейсерскую скорость, — однако он и сам понимал, что максимальная скорость грузового скуттера — черепаший ход для истребителей. — Если те пилоты не слишком опытные...

— Они все там по-опытней тебя! — резко отрезала девушка.

У него вдруг мелькнула мысль: а известно ли ей, что на истребителе обязательно несколько пилотских составов, и все на боевом дежурстве, все разрабатывают маневр с целью захвата и уничтожения противника? Они всегда ждали, когда единственный пилот корабля-цели устанет от изматывающего режима работы и допустит ошибку. Они гнались за жертвой, сменяя друг друга, как волчья стая добычу. И когда наступал момент, пилот корабля начинал повторять тактические маневры, вот тогда-то они и ловили его...

Он настроил кормовой радар на максимальное увеличение, и получил изображение трех уродливых скуттеров. Размерами они были немного меньше его грузового, сплюсненные бронированные носы... это действительно были истребители.

— Послушай меня, Кейд, — это был не приказ и не просьба. В ее тоне проскользнули такие

нотки, от которых ему стало не по себе. Все его внимание переключилось на ее слова.

— Слушаю, — сосредоточенно отреагировал он.

— Тебе придется сражаться с ними. Другого выхода нет.

Он недоверчиво взглянул на нее.

— У нас на борту есть орудия, — неуверенно произнесла она, старательно отведя взгляд.

— Ты понимаешь, о чем говоришь?! — выпалил Кейд ошарашенно.

— Понимаю, так же как и ты, — парировала она со злостью. Она посмотрела ему прямо в глаза. — Это наш единственный шанс, Кейд! Ты должен в них стрелять! — приказала она.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Услышать подобное из уст ленивого и распущенного Оружейника — марсианина, погибшего во Франции, было ужасно. Но ее слова рвали его сердце на части.

— Пойми, вопрос стоит о жизни или смерти, Кейд! — молила она, совершенно забыв о приличии и стыде.

— Наши жизни! — презрительно бросил он, и даже криво усмехнулся. — И что это будет за жизнь, если наша совесть омрачится подобными воспоминаниями?

Это возмутило ее:

— Тогда ты должен сделать это ради Империи! — яростно выпалила она. — Ради выполнения нашего задания!

— Какого задания? — он рассмеялся ей в лицо. — Ради лжи, фарса и гнусной шутки из уст Верховного Правителя? Зачем мне вся эта прогнившая Империя? Зачем мне бессильный Император, Верховный Правитель-убийца, лживый распутник вместо Верховного Понтифекса? У меня не осталось ничего, леди, кроме решимости не запятнать себя!

— К чертям собачьим! — неожиданно взорвалась она, больше уже не пытаясь его упротить. — Твои рассуждения о доблести и чести —

сплошная глупость! Ты как сопливый мальчишка, отпрыск мещанина, трясешься при одном упоминании о Биту-пять или Бифай-во!

— Я не боюсь Бофий-во и не верю в эти сказки, — холодно парировал Кейд, задетый за живое. — Я знаю, что есть множество порочных и бесчестных вещей, и делать их я не собираюсь. Я жалею, жалею, что ты вообще это произнесла.

Как видно, внутри у нее все клокотало от гнева, однако она сумела взять себя в руки.

— Ну хорошо, раз так, то мне придется тебе кое-что рассказать. Я не собираюсь брать с тебя слово, что ты никому этого не расскажешь. Твое обещание было совершенно бессмысленным. Но я надеюсь, что когда придет время, ты скорее позволишь им замучить себя до смерти, чем скажешь то, что я сейчас открою тебе.

Кейд угрюмо молчал. Он уже решил для себя: что бы она не говорила, он не станет ей уступать.

— Ты никогда не слышал о таком понятии, как “история”, Кейд?

Он с удивлением поднял на нее глаза. Подобное он уже слышал однажды в заведении мадам Кэннон, от того, старого сумасшедшего, которого потом стражники забили насмерть в тюрьме. Этого бывшего грабителя Кейд считал просто ненормальным, и даже представить себе не мог, что услышит такие же слова от кого-то другого, тем более от нее — леди Джослин, племянницы Императора.

Она сосредоточенно нахмурилась. Лицо ее стало серьезным.

— История, — начала она спокойно, — это правдивое повествование об изменениях социаль-

ной организации человечества, происходящих с течением времени.

— Но..., — начал было Кейд, недоуменно глядя на леди Джослин.

— Не перебивай! — оборвала его та торопливо. — Знаю, ты скажешь, что это нелепая бессмыслица. Что “изменения” и “социальная организация” — понятия, противоречащие друг другу. А само сочетание “изменения социальной организации” — ничего не значащий набор слов. Но ты не прав, — она резко качнула головой, словно подтверждая сказанное.

— Я не могу рассказать тебе, откуда мне это известно, но уверяю тебя, за всю историю существования человечества существовало огромное количество форм социальной организации. Мир не был создан десять тысяч лет назад.

Ее убежденность произвела на него сильное впечатление. Может она тоже сошла с ума, как тот бывший грабитель? Или она вновь играет с ним, как обычно, не раскрывая собственных тайных целей?

— Попытайся понять следующее: десять тысяч лет назад существовала социальная организация без Империи. Но она была полностью уничтожена людьми, которые вели прицельный огонь прямо с воздуха. Это была неравная, страшная война, где жертвами становились старики, женщины и дети. Военные, пользуясь летательными средствами, уничтожали с воздуха гражданское население. Они стреляли по жилым домам, по учреждениям, громили деревни, поселения, бомбили города. Они убивали всех, даже беременных женщин и младенцев в люльках. Они отравляли

воду и пищу, и люди умирали в страшных мучениях. Города и деревни заполнялись трупами, их никто не хоронил, и вскоре все это превращалось в зловонные очаги гниения. Социальная организация оказалась разрушена. Люди, оставшиеся в живых, покидали города... да, Кейд, они покидали те самые города, в которых мы сейчас живем. Даже названия их не изменились. Они уходили в леса, подальше от цивилизации и там жили, как дикие звери, добывая пищу своими руками, умирая от болезней. Они страдали, потому что знали и более счастливые времена, но ничего не могли вернуть.

Кейд, как зачарованный слушал ее рассказ, стараясь вникнуть в каждое слово.

— Но постепенно, год за годом, они стали забывать о страшной трагедии, которая их настигла. Они помнили лишь одно, что смерть всегда приходит с неба. Вот откуда и пошли все эти страшные легенды об ужасах воздушной войны.

Кейд невольно кивнул. Да, уж такова психология людей. Незнестность страшит более всего. Как при ночной атаке: чем меньше видишь, тем страшнее.

— У них были центры лечения... впрочем, я сейчас говорю не о том, — перебила саму себя леди Джослин. — Ты вот говоришь, что не веришь во всякие там “бомбардировщики” и “самолеты”. Но они существовали, правда. И Бифай-во, и все остальные — это всего лишь названия тех самых скуттеров, которые принесли смерть и разрушение на благословенную мирную землю.

— Пещеры, — неожиданно выпалил Кейд,

поразившись мелькнувшей мысли. — Это место, называемое Вашингтоном, ветхие развалины, груды камней с зияющими черными проемами...

— Да, пещеры! — подхватила леди Джослин. — Пещеры, которых каждый боится подсознательно, самим существом. И никто не может объяснить, почему, — она замолчала, переводя дыхание, затем напряженно продолжила: — Кейд, ты должен сражаться. Если ты этого не сделаешь, то по-глупому проиграешь наши жизни, — она уже даже не просила его, а просто предупреждала.

Нет, как бы она не старалась, он не верил ей.

Неопределенная ссылка на некую существующую, но недоступную информацию — вот что такое ее рассказ. Это походило на невероятную ситуацию: руководитель разведотряда прибыл и докладывает — “Сэр, я сам не видел, но думаю, что где-то в неизвестном направлении находится группа противника, состоящая из двух единиц”. Кто же поверит словам этого нерадивого разведчика, который ничего толком не умеет объяснить. Нет, такого не может быть. Кейд так сжал поручни, что побелели костяшки пальцев. Десять тысяч лет существовала Империя, Клейн-дао, Орден, Верховный Правитель, Дивизионы, мещане... мир был именно таков.

— Они уже близко, — бесцветным голосом напомнила о себе Джослин, неотрывно глядя на экран.

И неожиданно Кейд пришел к окончательному решению.

— Где оружие? — хрипло спросил он, севшим от волнения голосом.

Он избегал смотреть ей в глаза. Он не верил ей и только притворялся, что верит. Ему не хотелось умирать и тем более осознавать, что является виновником и ее смерти тоже. Каких бы мук совести это не стоило, он должен спасти их обоих.

— В стенном отсеке. Кажется, их десять.

Целых десять орудий! Он сможет палить из них при неслыханно высокой апертуре, пока патроны не начнут плавиться. А потом отбрасывать их один за другим в открытый космос. Десять орудий — вот так. Слово оружие — не предмет со своей индивидуальностью, именной для каждого Оружейника, освященный прикосновением Верховного Понтифекса...

— Нам надо надеть космические скафандры, — деловито заметил он. Открыв стенную секцию, Кейд подобрал себе костюм по размеру.

Прошло три года с тех пор, как он последний раз выходил в космос, но размеры он помнил наизусть. Одевшись, он помог подобрать костюм и Джослин.

— Теперь шлемы? — спросила она, надев скафандр. — Мне кажется, сначала лучше отнести орудия в багажное отделение.

Они оба прихватили с собой столько, сколько могли унести. С помощью клеящей пасты, Кейд разместил оружие широким рядом. Девушка расположила свои, в точности подражая действиям Оружейника.

— Теперь шлемы, — сказал он. — Потом ты вернешься в кабину управления. Я загерметизирую отсек и открою лацпорт. А ты внимательно наблюдай за показаниями приборов. Ты знакома

с сигнализацией? — она отрицательно покачала головой. — Это просто. Сигнал приближения — это громкий звонок, но я его в вакууме не услышу. Мне надо, чтобы ты предупредила меня по интеркому, вмонтированному в шлемофон. Для этого ничего делать не надо. Просто скажешь вслух. Если мне удастся отогнать их, тебе придется выпустить воздух из кабины управления, пока давление не сравняется с грузовым отсеком, только тогда я смогу открыть дверь. Ты просто опусти вниз рукоятку на верхней части контрольной панели. Сама увидишь, там еще надпись “космический замок”. Справишься?

Девушка кивнула. Кейд испытующе глянул на нее, однако следов страха не нашел. Молодец, подумал он, она настоящий боец и не привыкла сдаваться. Впервые, быть может, он позволил себе приписать женщине мужские качества. Это тоже было новым для него. Они застегнули гермошлемы.

— Проверка связи. Ты меня слышишь?

— Слышу, — раздался тоненький голосок в его наушниках. — А ты не мог бы немного убавить громкость?

Он слегка убавил:

— Так лучше?

— Спасибо.

Это несколько разозлило Кейда. Она говорит ему “спасибо” за то, что он убавил громкость и ни слова благодарности за его решение сражаться с правительственными скуттерами. А ведь она прекрасно осознает, на что его толкает. Неужели она не понимает, на что толкает его? Или она настолько глупа, что думает, будто он безогово-

рочно поверил во всю ее болтовню насчет войн, катастроф, бомбардировщиков и прочей ерунды?

Джослин отправилась в рубку управления, а Кейд тщательно загерметизировал двери, затем снял со стены оружие и внимательно осмотрел его. На удивление, оно оказалось без номера. Что такое оружие без номера? Оружие без приписанного ему Оружейника или Воина — неслыханно! Но их здесь было целых десять. И с этим фактом ему придется смириться.

Кейд настроил каждое на максимальную апертуру, выкачал ручным клапаном воздух из грузового отсека и открыл лацпорт.

Теперь ему пока делать было нечего. Он болтался в пространстве, ловко цепляясь руками за многочисленные поручни, и старался не думать обо всем, что с ним произошло. Однако отогнать назойливые мысли оказалось довольно трудно.

Все, что он знал когда-то, все эти сведения, откуда они? Кто первым сказал, что вещи должны быть такими, а не другими? Кто определил законы существования общества? И почему?

Он знал, что Новички приходят в Орден и служат там под началом старших Братьев, что потом они становятся Воинами, умелыми и сильными. А если повезет, если они проявят особые таланты, им даруется ранг Оружейника, который должен показать себя не только отличным бойцом, но и знатоком оружия. Это были основные знания.

Он был уверен, что они служат Императору, но этот постулат Клейн-дао рассыпался в прах после безжалостных откровений Верховного Правителя. Раньше он был убежден, что Верховный

Понтифекс — символ Ордена, его телесное воплощение, и это оказалось ложным. Ему внушали, что стрелять из скуттера не позволено ни при каких обстоятельствах, и вот он сам, преданный и честный Оружейник, собирается совершить непозволительное. То самое, из-за чего еще недавно он отправил на смерть своего собрата по Ордену, Оружейника-марсианина.

Раньше он знал, что для Брата Ордена существует лишь одна женщина, и это не женщина во плоти, а та, которая витает над полем Битвы, подходит к умирающим и вознаграждает их за жизнь в воздержании. Но теперь он знал, что для него существует и другая женщина, многоликая и таинственная: то предательница из секты Кайро, то проститутка, то слабоумная придворная дама, крапающая стихи, то вещательница сумасшедшей “истории”. Так откуда же его знания?

То, что случилось с ним за последние несколько недель многому научили его. Теперь он знал, что вопреки повелениям Ордена, он такой же человек, как и другие. И он хотел эту женщину, которая не раз спасла его. Хотел ее в реальности, а не в эфемерных мечтах. Он не знал ее секрета, но она была дорога ему.

— Сигнал приближения, — услышал он ее голос в шлемофоне.

— Сообщение получено, — автоматически ответил Кейд, и с горечью улыбнулся самому себе. Тринадцать лет выучки нельзя отбросить в один момент. Он навсегда так и останется Оружейником.

Кейд пробрался к ряду орудий. Два из них

прикрепил к бедру, третье взял в руки, приготовившись к атаке. Ситуация, в его понимании, получалась нелепая: один человек — одно ружье. Вот как должно быть. Но почему? Спросил он мысленно самого себя. Почему не один человек — два ружья или даже три... или десять...

Он оттолкнулся и плавно поплыл по направлению к открытому лацпорту, перебирая руками скобы. Он перелетал от одного иллюминатора к другому, внимательно вглядываясь в черноту космического пространства с бриллиантовыми россыпями звезд. Солнце находилось почти прямо у них по курсу, поэтому истребители в его лучах особенно будут хорошо заметны. Хотят они того или нет, а загнать скуттер в собственную тень им не удастся.

Мигнули три огонька, и яркий сноп света пронесся мимо лацпорта, ослепительной вспышкой резанув по глазам. Истребители промахнулись в своей первой попытке подстроиться под скорость скуттера. Но они наверняка еще вернутся...

Кейд подумал, сможет ли он в рядах сект найти то, что так интересовало его. И даже содрогнулся от дерзости собственной мысли. Да, его мучили сомнения и противоречия, но секты вряд ли сумеют ответить на эти вопросы. Как он понял из разговора с мошенником, сидя за столом в пивной, эти организации существовали только для простаков. Обычные ловушки, с помощью которых можно легко выкачать деньги из доверчивых мещан. Источник дохода для предприимчивых жуликов. А может попытаться найти успокоение?

Ну что ж, за этим дело не стало. Разве такое успокоение нельзя найти в том же заведении мадам Кэннон? Сколько угодно. Ты можешь залечь на дно, так что тебя не коснется ни один луч света. Ты будешь жить, колоться и спать с женщинами, пока у тебя не кончатся зелененькие, а потом ты пойдешь на улицу и столкнешься с каким-нибудь запоздалым мещанином в темном переулке. И тогда у тебя снова появятся деньги, и ты сможешь вернуться в заведение, пить, колоться и спать с женщинами, не видя ни одного луча света. Если стрелять со скуттера — грех, то как называется образ жизни, принятый в заведении мадам Кэннон?

Опять впереди показались истребители. Они пролетели мимо на минимальной скорости. Но радоваться не стоило. Кейд знал: их окружали.

Откуда взялись все его знания? Он знал, что Орден, философия Клейн и Империя были созданы десять тысяч лет назад. Он знал это потому, что так говорили все. Но им-то откуда было это известно? Потому что им говорили об этом другие. Сознание Кейда болталось в пустоте, без малейшей опоры, как и его тело сейчас в безвоздушном пространстве космоса. Нет, он не верил в “бомбардировщики” и всякие там “реактивные самолеты”. Эти сказки для маленьких детей. Но он верил, что нельзя стрелять с воздуха. Эту истину Оружейникам внушали многолетними тренировками.

“Я отведу тебя в Пещеры:

И придет Биту-девять, и отрежет раскаленными ножами тебе пальцы на руках и ногах;

И придет Биту-пять, и насыпет тебе в горло шарики из раскаленного металла;

И придет Бифай-во, и разотрет твои руки и ноги на раскаленной терке.

И наконец, если ты все-таки будешь вести себя плохо, то придет Битри-шесть, и настигнет тебя, даже если ты будешь убегать от него из одной пещеры в другую, крича и плача в темноте. И сколько бы ты не молил его о пощаде, Битри-шесть с рычанием и воем догонит тебя и дохнет своим зловонным, ядовитым дыханием. И это будет для тебя самым страшным наказанием, потому что кости твои расплавятся, и ты будешь гореть вечно".

Мимо открытого проема лацпорта снова пронесли три истребителя, сверкая огнями и исчезли далеко впереди скуттера.

"Кленни гадкий. Он рассказывал мне, как провертел гвоздем дырку в стене и каждое утро подглядывал за своей сестрой, когда она одевалась. Делать такое — все равно что стрелять из скуттера".

"... щекотливые, но неизбежные вопросы должны задаваться приемной комиссией. Кандидат Кейд, можете ли вы с любовью к Императору в сердце сказать, что по ночам у вас бывают только нормальные, здоровые сны, без таких извращенных сцен, как проявление привязанности к другому мальчику или стрельба из скуттера?"

"... но, мои дорогие, я должен вам сообщить один очень важный факт. Этот несчастный молодой человек, который начал с того, что открыто пренебрегал уроками Клейн-дао, окончил не про-

сто трусом и вором. При разведывательном полете он потерял высоту и попал под интенсивный обстрел наземных частей противника. Мне даже трудно произнести то ужасное, что он сделал, хотя, думаю, вы все и сами догадываетесь. После окончания боя, сокрушенный раскаянием за свой греховный поступок, он лишил себя жизни, как и подабает Оружейнику, но представьте, если можете, какой стыд терзал его Братьев по Ордену. Он запятнал свое подразделение несмываемым позором...”

“... сердце разрывается при одной мысли об этом ужасном поступке. Но рано или поздно это должно было произойти. Никто даже и предположить не мог, что глубоко в его душе гнездится порок, но я собственными глазами видел листок, исписанный его рукой. Он решил задачу по тактике седьмого уровня сложности с использованием дымовой завесы. Он послал скуттер над левым флангом противника, приказав Оружейнику поджечь деревья при низкой апертуре ружья... огонь предполагалось вести... гм... с воздуха. Это доказывает, что осторожность никогда не бывает излишней...”

“Они прорвались на площадь, нам придется разбить их фронтальным ударом. Кейд, возьмите скуттер и узнайте приблизительное их количество. Оставьте ваше оружие здесь. Нам известно, что у них нехватка боеприпасов, нехорошо, если вас собьют и ваше оружие попадет в их руки.”

Истребители снова пронеслись мимо, но уже гораздо медленнее. В следующий раз их скорости совпадут.

Нет, ему никогда не будет оправдания, если

он сейчас возьмется за оружие. Он вспомнил, как парил над площадью, старательно уворачиваясь от выстрелов из плотно расположенных орудий внизу. Он был занят подсчетом и о том, чтобы ответить огнем на огонь у него и мысли не было. Он только выполнял данное ему задание. Он представил, что опустил на расположения внизу невидимую сетку, подсчитал количество людей на каждую клеточку, а потом прикинул в уме их общее количество. Выполнив задание, он тут же развернул скуттер и на крейсерской скорости направился на командный пост, расположенный на окраине деревни у Рейна. Потом он присоединился к тяжелому и опасному пешему наступлению.

Ему так говорили, и он верил. А теперь, словно бы яркий свет включился в сознании. Сколько еще раз, подумал он, ему приходилось верить в пустые слова, вопреки очевидным фактам и здравому смыслу?

Внимание, истребители!

На этот раз не было ни недолета, ни перелета. Внезапно три истребителя замерли на расстоянии километра, будто пристыли в пустоте космоса.

Они были немного меньше грузового скуттера Кейда, отличались высокой скоростью, отличной маневренностью и могли похвастаться большим количеством силовых установок. В распоряжении же Кейда была одна-единственная, да и та не слишком мощная, совершенно не рассчитанная на боевые действия. Истребители подошли слишком близко. Кейд даже мог разглядеть сверкающие блистеры рубок, возвышавшиеся прямо над

тупыми, крючковатыми носами кораблей. Он мысленно усмехнулся.

Силовая установка использовалась на истребителях в крайних случаях, в качестве резерва. Кейд надеялся, что до этого дело не дойдет. Он заметил, как один из истребителей включил реверс-двигатели и через несколько мгновений увеличил вдвое расстояние между собой и скуттером. Остальные два остались на своей позиции.

На борту двух истребителей должна быть смена пилотского состава на случай, если скуттер не станет делать уклоняющих движений. Сейчас они, скорее всего, планируют простейший из симметричных курсов двойного столкновения. очень скоро пилоты возьмутся за дело, они постараются загнать корабль в тиски и раздавить его меж двух уродливых носов.

Кейд представления не имел, с какого расстояния истребители обычно начинают свою атаку, однако в этом вопросе ему хватало и собственно го воображения.

Все трое начали медленное перемещение в пространстве космоса, занимая наиболее выгодную позицию для удара. Как только жертва окажется в клещах, половина дела будет сделана.

Кейд ногой зацепился за поручень у самого выхода из лацпорта. Он сильно рисковал вывалиться наружу и потеряться, но другого выхода не видел. Руки были заняты оружием. Он внимательно, не спуская глаз, наблюдал за приближающимся истребителем. Его блистер ярко посверкивал в лучах солнца.

Кейд дождался, когда истребитель подойдет на достаточной расстоянии. Мышцы руки сработали

автоматически. Оружие выплевывало струи огня не больше трех секунд, потом заряды кончились. Кейд отшвырнул оружие в открытый космос и выхватил с бедра второе. Но его уже не понадобилось. Рубка истребителя обуглилась, вместо сверкающего блистера над носом корабля возвышались оплавленные наросты. Однако, как видно, управление истребителя не пострадало. Он резко развернулся и стал уходить в сторону.

Второй все еще облетал скуттер, работая боковыми двигателями. Наполовину высунувшись в проем лацпорта, Кейд отстрелял все заряды сначала второго оружия, а затем и третьего. Он не без гордости наблюдал за тем, как ярким пламенем взорвалась рубка, и в разные стороны брызнули раскаленные осколки. Третий истребитель не стал дожидаться своей порции и убрался быстрее, чем Кейд успел сменить оружие.

Когда Оружейник высунулся и оглядел пространство, космос был чист. Его охватило ликование. Отличная работа, подумал он. Ему одному удалось разделаться с тремя истребителями. И все-таки он подумал о Воинах, по которым только что стрелял. Как правило, во время атак команда на истребителях надевала скафандры, поэтому вряд ли кто-нибудь погиб во время разгерметизации. Это немного успокоило его. По крайней мере он не будет чувствовать угрызений совести.

В то же время Кейд испытывал удовольствие от новизны боя. До сих пор ему не приходилось стрелять по движущимся целям из летящего скуттера. Это было захватывающее, азартное чувство. В какую-то секунду, забыв о грехе, он увлекся стрельбой. Неожиданно Кейд расхохотался прямо

в микрофон шлемофона. Он смеялся над своими страхами и опасениями, над Кленни, над смущенным членом приемной комиссии, над Наставником Клейн-дао с его уроками нравственности, над дымовой завесой новобранца Лорка, над Присягой, принятой тринадцать лет назад, над Верховным Понтифексом и Главой своего Дивизиона.

Его смех оборвался, когда в наушниках послышался недовольный голос леди Джослин:

— Убери громкость!

— Извините, леди, — усмехнувшись, откликнулся Кейд, возвращаясь в реальный мир. — Ты видела, как я их убрал? — не без гордости поинтересовался он. — Теперь открой замок, мне надо попасть в кабину управления.

Джослин сделала все, как они и договаривались. Она выпустила воздух из кабины, когда давление сравнялось, Кейд открыл двери и вошел к ней. Затем они вместе загерметизировали лацпорт и стали медленно увеличивать давление воздуха в корабле.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Сначала Кейд помог ей снять шлем, потом она помогла ему. Некоторое время они стояли, молча глядя друг на друга. Обоим хотелось что-нибудь сказать, но слов, как назло, не находилось.

Наконец Джослин первая отвела взгляд, и Кейд почувствовал, что она стыдится своего неблагоприятного поступка. Она и в самом деле не должна была требовать от него подобного действия. Сначала она полностью разрушила его веру, а теперь заставила стрелять прямо из летящего скуттера.

Но теперь все это казалось ему совершенно незначительным и лишенным смысла фактом. Она заставила его отречься от веры, и во имя чего? На Кейда снова накатил приступ хохота. Этот взрыв смеха эхом прокатился по всему кораблю.

Ведь это было настолько нелепо! Вот она стоит перед ним, засунув ногу в эластичную петлю, вмонтированную в стенную панель: коренастая, бесформенная, фигура, не более напоминающая женщину, чем радары или гидравлический насос. Над грузной массой металла, пластика и прорезиненной ткани свисали спутанные кудряшки ярко-рыжих волос придворной дамы. Ее макияж, выполненный скорее для маскировки, а не для

красоты, до такой степени испачкал все лицо, что ему даже трудно было узнать ту привлекательную, очаровательную девушку, которая поразила его своей внешностью в первый день их встречи, в секте Кайро.

Кейд продолжал смеяться, а в больших глазах леди Джослин застыл немой вопрос, который она так и не решилась произнести. Вместо этого она только тихо попросила:

— Пожалуйста, помоги мне снять скафандр.

Внезапно отрезвев, Кейд деловито принялся показывать, как надо отсоединять части костюма и складывать их в секции шкафа. Через пару минут леди Джослин уже снова была в своем нелепом наряде придворной дамы. И тут она его ошарашила еще больше. По своей наивности Кейд думал, что вряд ли ей удастся его чем-нибудь удивить, настолько он привык к ее причудам. Однако он был совершенно поражен, когда она, словно какая-нибудь мещанка из бедной семьи, бросила небрежным тоном:

— Я приготовлю нам что-нибудь поесть. Как ты думаешь, в багажном отсеке давление уже поднялось? — она произнесла это таким будничным тоном, словно ей всю жизнь только этим и приходилось заниматься — готовить пищу для рядового Оружейника.

Справившись с изумлением, Кейд проверил показания датчиков и распахнул перед ней дверь, с интересом наблюдая, что же будет дальше. Уж очень ему хотелось посмотреть, как это придворная дама будет готовить ему обед.

Однако в проеме двери леди Джослин не ожи-

данно обернулась к нему, едва не столкнувшись нос к носу.

— Пожалуйста, — попросила она тихо, — ты бы мог на несколько минут выйти. Мне надо переодеться и привести себя в порядок.

“Несколько минут”, это сколько? Мелькнуло в голове. Кейд даже представить себе не мог этого. Сам он одевался или раздевался за считанные секунды. А сколько для этого потребуется придворной даме? Он постарался побыстрее избавиться от подобных мыслей.

Кейд потратил полчаса, чтобы выбраться из скафандра, тщательно осмотреть его и аккуратно сложить в секции шкафа, потом он напридумывал для себя еще тысячу мелких дел, стараясь убить время. Когда же миновали тридцать минут, он понял, что больше не выдержит.

Кейд осторожно пробрался через багажное отделение в третью кабину, из нее — в жилую. Дверь была открыта, и он вошел.

— А, вот и ты, — обрадованно воскликнула Джослин, — а я уже собиралась тебя позвать.

Она стояла у крошечной плиты, и из двух упаковок питательной смеси только-только стал появляться пар.

— Здесь есть стол и скамьи, выдвинь пожалуйста, — бросила она через плечо, не оборачиваясь.

Кейд нажал кнопку в стене, не сводя глаз с нее. Она наконец-то умылась. От неприятного, размазанного придворного макияжа не осталось и следа. И естественное совершенство ее лица снова поразило его своей красотой. Волосы она обернула куском чистой ткани, словно они еще

не просохли после мытья, Кейд надеялся только, что нелепая ярко-рыжая краска с них тоже сошла. Вместо широкого оранжевого балахона на ней теперь был комбинезон, который обычно носят техники. Закатанные рукава и штанины смешно топорщились, а ремень туго обтягивал тонкую талию. Она выглядела аккуратно и соблазнительно. Интересно, подумал Кейд, как мужчины, не принадлежащие Ордену, обычно говорят женщине, что она прекрасна? Он невольно покраснел от подобных мыслей. Как ему такое могло прийти в голову? Неужели он собрался ей говорить об этом?

— У тебя еще есть несколько минут умыться, — с намеком заметила она.

— А? Да, конечно... спасибо..., — смущенно откликнулся он.

Перелетев к вытяжному шкафу, он сунул в него голову и руки. Теплый пар за несколько секунд очистил кожу от грязи, а затем поток горячего воздуха высушил капельки воды. Кейд повернулся к столу и только теперь с внезапной тревогой сообразил, что ему предстоит сидеть с ней за одним столом и смотреть, как она ест.

— Прошу прощения, — смущенно забормотал он.

Ему надо было взять себя в руки и собраться с духом. Кейд быстро нашел предлог. Он отыскал себе подходящий комбинезон и отправился в кабину управления переодеться. Ему понадобилось всего минуты три, чтобы привести себя в порядок, и все это время он размышлял о том, как будет сидеть за одним столом с женщиной и смотреть, как она ест. Еда была таким же сугубо

личным делом, как сон или утренний туалет. Однако он уговаривал себя, что это только первый шаг. Чем скорее он избавиться от привычек Оружейника, тем легче ему будет жить дальше. Привычная смесь наверняка поможет ему. В космосе не было заката солнца, но его организм прекрасно знал положенное время. Если считать по земному времени, сейчас было пара часов после полудня. Его желудок еще четыре часа не сможет принимать мясную пищу. Комбинезон ему тоже поможет привыкнуть к новой обстановке. Кейд был рад избавиться наконец от нарядного костюма мещанина, заказанного им на ворованные деньги. Конечно, комбинезон — это не военная униформа, но ему уже доводилось носить комбинезоны, когда он был новобранцем.

Обед прошел легче, чем он ожидал. На скамьях были привязные ремни, а крышка стола обладала клейким покрытием. Создавалась, пусть и неполная, но все-таки иллюзия гравитации, так необходимая на данный момент его желудку.

Девушка старательно хранила молчание все время, пока они торжественно пережевывали питательную смесь, потягивали воду из фляг и, осторожно запуская руки в отверстие банки, вылавливали кусочки фруктов с тщательно высушенной корочкой, но сочные внутри.

Наконец Кейд первым прервал это затянувшееся молчание:

— Расскажи мне еще.

— Еще о чем? — сдержанно спросила она. Однако по лицу ее было видно: она прекрасно поняла, о чем идет речь.

— Ты знаешь, о чем. Например об “истории”. Или лучше, какой груз мы везем и кому?

Даже в пылу сражения с истребителями Кейд не забывал о тех ящиках и контейнерах, которые хранились в багажном отделении.

— Мне нечего больше рассказать, — сухо ответила она, хмуро сведя брови к переносице. Похоже, ей не нравился вопрос Кейда.

— Перед вылетом ты сказала, что корабль прождал шесть лет, — не отступал Оружейник.

— Неважно. Забудь об этом.

Кейд отставил флягу от себя:

— Значит, ты тоже лгала, как и все остальные, — с горячностью выпалил он.

“Гнев, это порок”. Постулат Клейн-дао возник в сознании непрощенно, автоматически, и Кейд со злостью отогнал его прочь. Теперь он больше не Оружейник, его не связывают наставления, предназначенные для воспитания истинного Воина.

— Какими еще совершенствами обладает племянница Императора? — язвительно начал он, кривя губы в ухмылке. — Я видел тебя в качестве предателя, проститутки и шпионки. Может ты еще и воровка? Это твой скуттер? Или ты просто решила воспользоваться им... как, например, мной?

— Убирайся вон! — ее лицо побелело и напряглось от гнева. — **УБИРАЙСЯ ВОН!** — прошипела она сквозь зубы.

Кейд отстегнул ремни, которые удерживали его на скамье, и всплыл в воздух, руками удерживаясь за край стола. Однако уходить он и не собирался. Нет, она должна ответить на все его

вопросы. Его достаточно использовал Орден, а теперь она подвергает его жизнь риску, даже не объясняя целей. Неужели он так и будет всю свою жизнь тряпочной марионеткой в чужих руках?

— И ты думаешь, что вот так запросто можешь отмахнуться от моих вопросов? — он холодно взглянул на тонкие плечи девушки, и, вспомнив наставления мадам Кэннон, заставил себя улыбнуться.

Она продолжала молчать. Губы сжаты в тонкую линию. Слова были готовы сорваться с языка. Но все-таки она сдержалась, хотя глаза горели яростью.

— Да, это нелегко, — тихо произнес он — Как видишь, в конце концов, даже Оружейник может понять правду жизни. Ты постаралась лишить мою присягу всякого смысла. Так почему же ты решила, что я буду вести себя в соответствии с ее требованиями? — Кейд видел, как ее захлестывают эмоции. Она пыталась сдержаться, но долго ей это не удастся все равно.

— Разве ты забыла, что я почти три недели провел среди мешан в пивной мадам Кэннон, где собирается всякое отребье? Я многому у них научился. Я познал истины, которым ты меня не смогла бы научить. Я даже встречал похожую на тебя женщину. Ты ведь не думаешь, будто единственная, кого используют в вероломных целях? Я не знаю, кто твой хозяин, но я знаю ее хозяина. Леди Мойя...

— Убирайся вон! — закричала она в отчаянии. — Вон! Немедленно! — она неловко вскочила, ремень дернул ее назад, на скамью. Она едва не

упала, принялась рывками расстегивать замок. По ее лицу текли слезы. Однако почему-то Кейд не ощущал жалости к ней. И когда она наконец освободилась от ремня и вскочила, он шагнул к ней:

— Нет, я не уйду отсюда до тех пор, пока ты не ответишь мне. Может, тебе и довольно того, что ты служишь своему повелителю. Но сам я больше не собираюсь действовать вслепую. Мне надоело, что меня постоянно кто-нибудь использует в собственных целях. Тринадцать лет меня использовал Орден. Мне ничего не объясняли, а только приказывали. И я даже был этому рад. Потом я “погиб”, и люди из секты Кайро пытались использовать меня в качестве убийцы, — Кейд усмехнулся. — Потом и твой друг, Верховный Правитель, тоже хотел использовать меня, и тоже как убийцу, только теперь уже убрать требовалось Главу марсианского дивизиона. Клянусь Империей, каждому что-нибудь да требовалось от меня! Даже пьяный мошенник в заведении мадам Кэннон и тот пытался воспользоваться моей внешностью, чтобы одурачить глупых мещан. Так вот, с меня хватит. Больше я никому не позволю играть мной, словно тряпичной куклой. Ты поняла?

Он замолчал, сообразив, что его длинная тирада дала ей возможность овладеть собственным гневом и прийти в себя.

— Ты дважды спасла меня, — уже тише добавил он, — когда другие пытались использовать. И я тебе очень благодарен за это. Но меня интересует вопрос: зачем? Насколько я понимаю, в этой жизни ничего не делается даром. И ты

оказалась абсолютно такой же, как и другие. Тебе нужен был не лично я, а мои услуги. Тебе нужен был опытный Оружейник, который бы смог пилотировать этот корабль. Зачем? Для кого? Ты не хочешь отвечать мне на эти вопросы. Но ответы на них я все равно найду.

Он замолчал, выжидая паузу, а потом неожиданно резко рывкнул ей в лицо:

— Чей груз мы везем? Что там? На кого ты работаешь?

Неожиданно лицо ее стало абсолютно бесстрастным, глаза потемнели от гнева:

— Ни на кого! — отчетливо выдавила она и направилась мимо него к двери.

Этого Кейд не ожидал. Он думал, что у нее сейчас произойдет нервный срыв и она все выложит ему. Он схватил ее за рукав комбинезона, пытаясь остановить. Неожиданно девушка развернулась и пощечина обожгла его лицо. Никогда, ни одна женщина не била его! Не понимая, что делает, он жестоко схватил ее за руку. Она испуганно вскрикнула и забилась, пытаясь освободиться из этих железных тисков. Они оба отлетели к стене.

— Отвечай! — с угрозой произнес он, наклоняясь к самому ее лицу.

Еще несколько секунд девушка отчаянно сопротивлялась, но потом вдруг расплакалась и бессильно обвисла в воздухе. Он знал, что теперь она скажет ему все. Он хотел ее отпустить, но вдруг почувствовал, что руки ему не повинуются. Продолжая держать ее, Кейд наклонился к ней, и сделал то, о чем даже никогда не смел помыслить. Его губы коснулись ее губ. Он потом не мог

сказать, сколько длилось это прикосновение — доли секунды или минуты.

Наконец она оттолкнула его, и он ухватился за поручень, забыв обо всем на свете. Его охватили новые переживания, такие яркие и сильные, что дух захватывало. Вот какие, оказывается, чувства внушают женщины мужчинам! Вот чего он был лишен всю свою жизнь! Вот о чем говорил Верховный Правитель, не скупясь на безжалостные выражения. Вот что заставило Верховного Понтифекса забыть о своих обязанностях перед Империей и бросило к ногам леди Мойи. И именно это предлагала ему Яна в заведении мадам Кэннон. И никто из них не догадывался, что для него это не имело никакого смысла... во всяком случае, до сих пор.

Он поднял взгляд на девушку. Она стояла на другом конце комнаты, уперевшись руками в поручень. На ее лице был написан страх и растерянность. Он вдруг почувствовал, что она совершенно бессильна перед ним. Он мог бы овладеть ею, если бы только захотел. Но, конечно же, он бы никогда подобного не сделал. И останавливали его не запреты Клейн-дао, а элементарное нежелание причинить ей боль. Он не хотел, чтобы все происходило именно так. Не хотел корить себя за совершенную гнусность весь остаток собственной жизни.

Он поцеловал ее, но самое главное, что в какое-то мгновение она ответила на его поцелуй. И в этом для него открылся новый, удивительно прекрасный мир.

— Джослин, — тихо позвал он. И слово как бы приобрело вкус. В нем звучала мольба и ласка.

— Я надеялась, что хотя бы от этого с твоей стороны я буду избавлена, — холодно сказала она, глядя в пустоту прямо перед собой. — Я расскажу тебе то, что считаю нужным, а потом ты оставишь меня одну.

— Джослин, — снова произнес он с нежностью, но она даже не обратила на это внимания.

— Да, я была шпионкой в секте Кайро. И тебе стоило бы порадоваться этому факту. Ты можешь верить мне, или нет, как хочешь, но я не проститутка и не воровка. Я служу Империи. Что же касается груза, к тебе это не имеет никакого отношения. И я действительно, впервые в жизни стану предательницей, если скажу о нем нечто большее. А теперь оставь меня.

— Как скажешь, — сухо согласился Кейд.

Ему больше нечего было узнавать. И того, что ему теперь открылось, хватало на обдумывание.

Он вышел из комнаты, не бросив на нее ни единого взгляда, и уже в этот день не пытался с ней заговорить. Она спала в жилой комнате, он — в пилотском ложементе. Однако, как он ни старался расслабиться и успокоиться, сон не шел. Почти семь часов подряд он провозился на своем неудобном ложе, переворачиваясь с боку на бок. Его мучили нескончаемые размышления и сомнения. Он задавал себе тысячи вопросов и не находил ответов. Он снова и снова вспоминал поцелуй, и при мысли об этом сердце начинало гулко колотиться в висках, а дыхание перехватывало от удушливой волны наслаждения.

Никакие отговорки, никакие доводы не помогали ему справиться с собственными эмоциями. Он был привязан к ней вопреки здравому смыслу

и логике. Он знал, что она ведет какую-то опасную, двойную игру, используя его в качестве орудия, но все-таки пытался понять ее мотивы. Кейд снова перебирал в уме все, что она говорила ему, но кроме противоречий и нелепостей ничего не видел. Она заявляла, что служит Империи. Но Верховный Правитель, не задумываясь убивающий преданных ему людей, тоже претендовал на подобную благородную миссию. То же самое, без сомнения, говорил о себе и бессильный Император, и запятнанные ложью Главы Дивизионов, и этот лживый отступник — Верховный Понтифекс, предавшийся растленным удовольствиям.

У Кейда не было никаких оснований полагать, что во всем этом есть хоть малейший смысл. Да, когда-то для него все имело смысл. Каждое слово, жест, ритуал, вещь, событие... все это занимало подобающее место в разумно построенной и логичной философии Клейн-дао. Но сейчас он был убежден, что в мире больше нет общих сил и законов, которые правят обществом. Существует лишь прихоть и каприз Верховного Правителя, сластолюбие и предательство Верховного Понтифекса. Такое впечатление, что все законы Империи — сплошное поле стычек между враждующими людьми, рвущимися к власти. Разве он вправе требовать от нее большего, чем предлагал мир вокруг?

Утром, измученный переживаниями, Кейд Почувствовал голод. Первым делом он отправился в жилой отсек позавтракать. Джослин была с ним вежлива, но холодна. На Все его вопросы и обращения отвечала односложно, без всякого желания. Он решил, что настаивать не будет. Она

держалась целую неделю, в то время как Кейда постоянно мучили мысли. Он попробовал еще раз допросить ее. И снова задал вопрос об Империи. Она недовольно поджала губы и заявила, что ей вообще не стоило затрагивать эту тему. Она бы и не стала этого делать, если бы речь не шла о спасении их жизней.

— Для тебя было бы лучше вообще забыть, что ты когда-либо слышал это слово, — сухо бросила она ему.

— А могу я забыть о том, как стрелял по истребителям из открытого лацпорта скуттера? — строго поинтересовался он.

Она только отвернулась и не стала отвечать на этот вопрос. Впрочем, ответа и не требовалось. Он хотел знать о грузе, но на эту тему она категорически отказывалась говорить. Это доводило Кейда до сумасшествия. С каждым днем росло его раздражение и озлобленность от мысли, что из него, как и раньше, сделали безвольную пешку в чужой игре. Если она честна с ним, то почему бы не выложить все начистоту? Или, может, она боится, что узнав об истинных целях, он откажется помогать ей? Возможно. Но как бы там ни было, он не собирался молча терпеть свое теперешнее положение. Он — не марионетка, он вправе знать все. В конце концов, он был опытным Оружейником в рядах Ордена. Если бы не грязное предательство, он мог бы сделать неплохую карьеру, став Понтифексом Конвента, а может и самим Верховным Понтифексом. Теперь же эти двери были для него закрыты навсегда. Но и здесь, как видно, его ждала не слишком завидная участь.

Впереди у них оставалось еще четыре дня путешествия, когда Кейд наконец решил действовать. Ему хотелось посмотреть, что же за груз они везут. Конечно, он мог бы сделать это и открыто, девушка все равно не смогла противостоять ему. Однако идти на открытый конфликт ему не хотелось. Тогда Кейд умело обеспечил себе полную свободу действий. Когда хронометр показывал полночь, он поднялся с ложементов и направился к ее двери. Затем довольно громко погромел ручкой, делая вид, будто пытается войти. По всей видимости, спала Джослин не очень крепко, и едва заслышав шум, поднялась. Во всяком случае, через секунду с ее стороны раздался щелчок запираемого замка. Он опять погромел ручкой и отошел, что-то ворча себе под нос. Кейд специально создавал много шума, при этом хмуро улыбаясь самому себе. Теперь она вряд ли решится выйти к нему. Однако, его ликование улетучилось, когда он вспомнил, что вся еда на корабле теперь оказалась именно за этими закрытыми дверями... Ну что ж, ему и раньше доводилось поститься по нескольку дней. Зато теперь у него есть шанс узнать, ради кого она играет его жизнью.

Металлическая обшивка ящиков, свободно плавающих в невесомости, легко поддавалась самой маленькой апертуре ружья. Он принялся вскрывать один контейнер за другим. Во всех лежало одно и то же — боевое оружие. Оружие без номеров. Их здесь было несколько тысяч, и все уже с полным комплектом боезарядов. Однако при всей своей кошмарности, эта картина поче-

му-то не удивила Кейда. Похоже, он подсознательно ожидал увидеть нечто подобное.

Он методично вскрывал ящики, и находил всюду одно и то же. А шкафы? На них висели радионные замки хитроумной конструкции. Кейд не поленился вскрыть и их, внимательно осматривая содержимое каждого.

Закончив, Кейд отправился в кабину управления, даже не пытаясь скрыть следы собственной деятельности. Десять тысяч ружей, отправлявшихся на Марс. Теперь он и сам мог догадаться, на кого работала леди Джослин.

С чистой совестью, перестав мучиться сомнениями и вопросами, он улегся в ложемент и тут же уснул, наверстывая бессонные ночи последней недели. Утром, только проснувшись, он направился к ее кабине и слегка подергал ручку двери. Заперто. Впрочем, этого и следовало ожидать. Он нажал клавишу переговорного устройства.

— Что тебе нужно? — холодно поинтересовалась она.

— Сначала извиниться за то, что потревожил твой сон.

— Замечательно. А что дальше? — в ее тоне прозвучала издевка.

— И чего-нибудь поесть, — Кейд несколько не обижался на нее за этот тон. Теперь, когда он узнал почти все, его больше не беспокоили разговоры с ней.

— Представления не имею, как я могу передать тебе еду, — безразлично сказала она.

— Не в твоих интересах морить меня голодом, — многозначительно заметил Кейд. — Ты же

сама понимаешь: мне еще совершать посадку на Марсе.

— Я и не собираюсь морить тебя голодом, — в ее голосе зазвучала ирония. — Но думаю, небольшой пост тебе не помешает. У тебя и так энергии через край.

— У меня через край? — Кейд сделал вид, что удивился. Ему даже нравилось играть в эту игру.

— Да я совсем ослабел. Столько сил потратил...

— Это на что же? — подхватила леди Джослин.

— Да вот, выдалась тяжелая работенка сегодня ночью. А теперь есть хочется.

— Какую работу? — насторожилась девушка. Она, как видно, уже поняла, что эта игра потеряла свой безобидный характер.

— Ну, вот выйдешь, покажу.

Он развернулся и пошел обратно в кабину управления. Ждать ему пришлось недолго. Минут через десять она сама вызвала его по интеркому:

— Если я дам тебе поесть, ты обещаешь вести себя... как следует? — с запинкой спросила она.

— Конечно, весело откликнулся он. — Если, конечно, тебе будет достаточно слова бывшего Оружейника. А уж там сама смотри, полагаться на него или нет. Или, может, мне чем-нибудь поклясться? — вся эта перепалка забавляла его.

Молчание. Потом почти смущенно:

— Самим собой.

Он слегка помедлил, потом задумчиво произнес, взвешивая каждое слово:

— Клянусь самим собой, что не причиню тебе никакой обиды.

— Хорошо, через пять минут, — сказала она и прервала связь.

Кейд ждал. Он слышал, как отодвинулся засов, и дверь открылась. Затем тишина. Он заставил себя расслабиться, удобно устроившись в ложементе. Неожиданно из багажного отделения выплыл бутыль с питательной смесью и медленно поплыл в его сторону. Это насмешило Кейда. По всей видимости, она невольно выпустила его из рук, заметив весь этот беспорядок с ящиками. Интересно было бы посмотреть на ее лицо в этот момент!

Кейд спокойно наблюдал, как бутыль, пролетев всю кабину, натолкнулся на пульт управления и, медленно вращаясь, поплыл обратно. Кейд мог бы подхватить его, но не сделал ни одного движения, дожидаясь Джослин. Через несколько секунд девушка сама появилась в проеме дверей бледная, но спокойная.

— Ну, хорошо, — выдавила она, — теперь ты знаешь. Только не требуй никаких объяснений. Я все равно ничего не скажу, даже если ты станешь меня пытаться. У меня есть обязательства, и я их не нарушу.

Кейд пожал плечами:

— Зато у меня их нет, — коротко ответил он. — Ты за меня нарушила те последние, что еще оставались. И я не собираюсь просить у тебя объяснений. Мне они ни к чему. Ты забываешь, что за эти последние несколько недель я разговаривал не только с тобой, но и со многими другими людьми. Например, с Верховным Правителем, который рассказал мне много занятного о структуре Империи в целом и о своих обязанностях в

частности. С жалким, несчастным марсианином, который в пивной у мадам Кэннон за кружкой спиртного пытался бороться со своим одиночеством.., — он вспомнил Оружейника-марсианина Харро, который умер, расплачиваясь за великое прегрешение, — и с другими, — коротко закончил он.

Кейд поймал в воздухе бутыль со смесью и немного отхлебнул.

— Замечательно, — девушка опустила на край второго ложемент и испытующе посмотрела на Кейда. Она больше не сердилась на него и наконец-то перестала притворяться равнодушной. — И что же ты понял?

Он опустил бутыль. Смесь была холодной и невкусной. Впрочем, первый голод он уже утолил. Теперь торопиться не стоило.

— Начнем с главного. Я знаю, кому ты так старательно сохраняешь верность.

Он подождал ее реакции, однако по ее лицу невозможно было что-либо прочесть. Она продолжала молчать, глядя прямо перед собой невидящим взглядом.

— Я не стану притворяться, будто понимаю, почему вдруг особа королевской крови служит шпионом для Главы марсианского Дивизиона, но.., — он с удовлетворением подметил, что попал в самую точку. Нет, на ее бесстрастном лице по-прежнему ничего не отражалось. Просто она шумно вздохнула. — Ты отрицаешь это? — с некоторой долей издевки поинтересовался он.

— Нет, не отрицаю, — безжизненно произнесла она тихо, стараясь не смотреть на него.

— Тогда, может, ты согласишься, объяснить

этот знаменательный факт? — и Кейд вопросительно воззрился на девушку.

— Нет, я не могу, — задумчиво, словно бы нехотя, произнесла она. — А что еще ты знаешь?

— А почему я должен говорить тебе? — он уже открыто торговался. — Почему я должен отвечать на твои вопросы?

— Потому что я знаю больше тебя, — девушка немного оживилась. — Потому что есть вещи, которые опасно знать. Кроме того, — завершила она, — я никак не могу сообщить тебе больше, пока не узнаю, как много известно тебе.

Ну что ж, такие правила его вполне устраивали. В сущности, нет никакой разницы в том, кто выскажет истину. Главное, чтобы она наконец прозвучала вслух. Хватит с него лжи.

Кейд поудобней устроился в ложементе:

— Ладно, тогда я скажу сам, — ему нечего было терять, к тому же, ему очень хотелось хоть с кем-нибудь обсудить те мысли, которые так долго не давали ему покоя. — Вот что я думаю. Прежде всего, мне известно, что некоторое время назад, приблизительно с месяц, глава марсианского Дивизиона обратился к Императору с любезной просьбой предоставить в его распоряжение всех Оружейников-марсиан. Раньше они все служили на Земле, в разных Дивизионах, но теперь их Глава мечтал собрать все войско под свое крылышко. Кроме того, все Новобранцы должны были оставаться на Марсе до принятия присяги. Это означает, что в земных дивизионах не останется ни одного марсианина, все они вернутся на свою планету. Во-вторых, мне известно, что Верховный Правитель серьезно намерен

помешать удовлетворению этой просьбы. И мне кажется, я знаю, почему...

Джослин подалась вперед, с нетерпением ожидая его дальнейших слов. И он продолжал, намеренно растягивая удовольствие:

— ... почему Марсу вдруг понадобились все Оружейники-марсиане, и почему Верховный Правитель настроен так решительно против? Причина настолько проста, что кажется смехотворной. Она бы не пришла в голову никому, кроме, конечно, высокопоставленных особ, приближенных ко двору, которые неплохо знакомы с положением в Империи. Все дело кроется в железе, которого у Марса в избытке, вот и все, — Кейд пожал плечами.

Она откинулась на спинку ложементы и равнодушно посмотрела на Оружейника. Казалось, ей стало скучно от всей этой нудной беседы. Все это она знала и без него. Это знали все. Однако дальше он собирался сказать самое главное, то, что крылось за самой проблемой железных месторождений.

— Все земные производители оборудования нуждаются в железе. Если бы Глава марсианского Дивизиона имел свой собственный Орден, состоящий исключительно из марсиан, при их необычной привязанности к дому и семье, у Марса будет больше власти, чем у Императора... я могу так утверждать, потому что беседовал со многими из них. Они действительно очень преданны своей родной планете, и даже поступив на службу в земные Звезды, продолжают скучать по тем временам, когда жили дома.

Он рассмеялся, вспомнив слова, которые он

должен был повторять каждый день при пробуждении и которые приводили его в нужное настроение на протяжении шести тысяч дней его жизни:

“Императору подабают править. А Ордену, в лице Верховного Понтифекса, подабают служить Императору. Пока существует этот закон, страхи и хаос не коснутся прекрасного и гармоничного мира”.

Он процитировал это вслух, перевирая слова. Впрочем, для него теперь это не играло никакой роли.

— В течение многих лет я повторял это изо дня в день, — с горечью произнес он. — Впрочем, сейчас мы говорим не об этом. Я думаю, Глава марсианского Дивизиона понимает, что его просьба останется неудовлетворенной. И я считаю, сейчас он готовится создать свой собственный нелегальный Орден для достижения определенных целей.

По ее губам скользнула мимолетная улыбка. Кейд понял: несмотря ни на что, она по-прежнему считает его Оружейником с привычными представлениями и взглядами, отягощенными законами и постулатами Клейн-дао. Сама того не подозревая, она очень многое сказала ему этой легкой улыбкой.

Раньше он только догадывался, а теперь был совершенно уверен, что работа по созданию самостоятельного Ордена ведется на полную силу. Три года подготовки требуется новобранцу для того, чтобы получить в руки оружие Ордена. Сколько их там? Сколько плохо обученных, простосердечных марсиан ждет сейчас ружья, которые он везет на своем корабле?

Впервые за десять тысяч лет будут стрелять ружья, которых не коснулась рука Верховного Понтифекса. Однако неожиданная мысль резанула сознание своей беспощадностью: не десять тысяч... а за всю историю существования человечества... интересно, сколько же это лет?

— И как ты думаешь, с какой целью? — поинтересовалась девушка, испытующе глядя Кейду в лицо.

Он вскинул брови, словно говоря: да это же так элементарно!

— Да собственные вооруженные силы. Силы, настолько мощные, чтобы они могли противостоять силам всех Дивизионов. Этого и не требуется. Он наверняка знает, что Верховный Правитель никогда не позволит Главам Дивизионов объединить усилия и выступить вместе. Насколько я понимаю, согласно твоему плану, я должен был доставить это оружие на Марс, выполняя роль пилота, ничего не подозревая. Это был бы идеальный вариант: исполнитель, который не может проговориться, поскольку сам ничего не знает, и задание выполнено. Это оружие дает Главе марсианского Дивизиона почти неограниченную власть. Он может стать Наместником Императора... а может и самим Императором... вместо твоего дяди...

Он выжидающе помолчал, однако она так ничего и не сказала.

— Отлично, — согласился он, — ты можешь это опровергнуть? Или, может, я что-то неправильно сказал?

Джослин лишь отрицательно качнула головой:

— Нет, — медленно произнесла она, — все

правильно. Кроме одного. Ты должен понять, Кейд, я... не шпионка! И мне никто не платит за мою работу! — она произнесла эти слова с таким безграничным презрением, что на какое-то мгновение Кейд просто не мог не поверить ей.

— Но тогда зачем? — напряженно выпалил он. — Почему ты все это делаешь? Ради чего?

Она улыбнулась.

— Я уже говорила тебе: во имя Империи, — ее слова снова показались Кейду полной бессмыслицей, однако она совершенно серьезно продолжала: — Кейд, ты впервые встретил меня в секте Кайро. Тогда ты мне не доверял, и это естественно... но ведь позднее ты понял, что ошибался. Мне стоило доверять. Ты знаешь, что я там делала?

— Великий заговор! — насмешливо произнес он. — Каждый Глава Дивизиона мечтает стать Верховным Правителем. Хаос и неразбериха вплоть до жестокости и бессмыслицы! Да, я знаю, что ты там делала.

— Если бы ты больше доверял своему разуму, а не гневу, — отрезала она холодно, — ты бы понял, что сильно ошибаешься. Нет, погоди, — тут же остановила она его, видя, как Кейд открыл было рот, пытаясь возразить. — Я не принадлежу Заговору, — быстро продолжала она в запальчивости, — и тебе пора бы это понять давным-давно. Если бы я была заговорщицей, зачем бы я стала спасать тебя от действия наркотика? Да, я не питаю особой привязанности к Верховному Правителю. Его методы грубы и жестоки, но это еще не повод убивать его. Это не принесло бы ничего хорошего Империи, кроме войн, конфликтов и

борьбы за власть, — она замолчала, чтобы перевести дыхание, и Кейду пришлось признаться, что ее последние слова вполне разумны. Это было единственное несоответствие, которое никак не укладывалось в рамки созданной им картины.

Она сама кое-что разъяснила:

— Знаешь, Кейд, — ровным тоном произнесла она, стараясь говорить спокойно. — Многое из того, что ты сейчас говорил так и есть на самом деле. Почти все. Но существуют некоторые обязательства, о которых ты представления не имеешь. А я не осмеливаюсь тебе рассказать о них. Это очень опасные знания даже для меня, уж для тебя они равносильны смерти. И речь здесь идет даже не о нашей безопасности, а о жизни других людей, куда более влиятельных и сильных... впрочем, все это неважно. Но даже при том, что тебе известно сейчас, ты мог бы понять, почему я вступила в этот Великий Заговор.

— Ну да, понятно, потому что тебе это приказал твой хозяин, — как ни в чем не бывало выпалил Кейд, стараясь ее подзадорить.

Ее ладони гневно сжимались в кулаки и она яростно затрясла ими перед его носом, злясь на его недогадливость.

— Потому что мне нужен был ты! — сквозь зубы, отчетливо произнесла она, стараясь сохранить последние остатки самообладания. — Ты или любой другой Оружейник, способный пилотировать на Марс этот скуттер. Неужели ты так ничего и не понял? Этот корабль ждал шесть лет, ждал своего пилота, вот и все. И я сумела достать пилота. Теперь понимаешь? Я не могла позволить тебе убить Верховного Правителя, потому что

тогда бы ты поплатился собственной жизнью. И не могла позволить ему уничтожить тебя. Ты был нужен мне, — она выпалила это с отчаянной горячностью и замолчала, вопросительно глядя на Кейда.

Ну что ж, теперь все сходилось, с горечью подумал он. Ей нужно было выполнять задание, и она его выполнила, используя силу своего положения и красоты. Она спокойно предавала одних ради благополучия и успеха других. Она действительно выполнила свою миссию. Она заставила его с помощью лжи и хитрости стать пилотом скуттера. И он, земной Оружейник, теперь доставляет оружие Главе марсианского Дивизиона, чтобы потом с помощью этих ружей Братья одного Ордена убивали друг друга. Хотел он того или нет, а он сам оказался замешан в грязное дело.

Кейд, совершенно ошарашенный, молчал. Она же восприняла его молчание совсем иначе.

— Теперь понимаешь? — тихо спросила она. — Кейд, может быть, позже я смогу рассказать тебе гораздо больше, но сейчас...

— Ты уже и так сказала достаточно, — хмуро ответил он. — Меня теперь интересует одно. Если ты не работаешь платным шпионом, то почему ты решила действовать против одного заговор и помогать осуществлению другого? Чем он лучше?

Бессилие отразилось на лице Джослин.

— Да не заговор, понимаешь? А просто изменение социального строя! — выпалила она. Наконец-то, Кейд чувствовал, что добился своего. Плотину прорвало. — А это значит — изменения

человеческой жизни, — не без гордости заверила она. — Спасти мир от мертвой хватки Верховного Правителя и философии Клейн-дао! Как я могу тебе это объяснить?! — отчаяние на лице девушки неожиданно сменилось странной одухотворенностью, словно что-то засияло внутри ее души. — Я уже рассказывала тебе об Истории, но для тебя это не более, чем пустые слова. Ты не изучал., — она качнула головой, перебивая саму себя, — ты не изучал никаких наук, и вряд ли имеешь представление о таком понятии, как “наука”. Конечно, нет. Это слово наполовину забыто, но главное — оно запрещено. Да, запрещено, — повторила девушка, видя удивленный взгляд Кейда. — Наука изучает изменения в ходе развития, а изменения сами по себе несут угрозу стабильности положения Клейн-дао и Верховного Правителя. Но человечество гибнет, Кейд, потому что оно не может развиваться в совершенно стабильных, неизменных условиях. Люди прикованы к одним и тем же вещам, к одним и тем же машинам. Изобретать что-то новое запрещено. Но разве трудно понять: все это постепенно изнашивается, приходит в негодность...

— Нет, — Кейд тряхнул головой, — не понимаю. Когда ломаются старые, изношенные машины, им на смену приходят новые. Наставники Клейн-дао изучают механику и создают необходимое оборудование.

— Да нет же, — с горечью выпалила девушка, ее глаза горели от возбуждения. — Нет, они не создают. Создавать и изобретать можно только нечто совершенно новое, а они повторяют старое. А наука означает постоянное движение вперед,

поиск истин в самых различных направлениях. Она предполагает свободу мысли. Кейд, поверь мне, я знаю из Истории, были времена, когда человек приводил механизмы в движение с помощью одного металла — ураний. Но его больше нет. Потом использовался торий, но и его запасы иссякли. Теперь же осталось только железо, да и то на Марсе. Человечество слишком бездумно использовало эти запасы, впрочем, как и сейчас. Но скажи, что будет, когда железо на Марсе кончится? Что тогда? Десять миллионов людей примутся искать новый источник энергии, но его, увы, нет. Пойми, — ее голос зазвучал спокойно и уверенно, — цивилизацию можно уничтожить разными способами. Совсем не обязательно стрелять по городам и деревням с воздуха. Есть методы куда более жестокие и губительные.

Она замолчала на секунду, переводя дыхание. Кейд же обдумывал, что она ему сказала. Он начинал чувствовать, что погружается в какой-то страшный омут, из которого уже никогда не выбраться. Впрочем, теперь говорить об этом слишком поздно. Он увяз окончательно и пойдет до конца.

— В скором времени из-за отсутствия сырья и источника энергии нам придется прекратить производство скуттеров и машин. Когда же приостановят работу водонапорные станции, города превратятся в настоящие помойки. Начнутся повальные эпидемии. Люди, живущие в глубине материков будут умирать от страшных болезней. Кожа у них на шее вздуется, потому что никто больше не станет доставлять им соль и рыбу с океана. Дети будут вырастать калеками, потому

что пищевые комбинаты прекратят работу, как и все другие предприятия и учреждения. Вся растительная пища достанется животным, поскольку у нас не хватит даже проволоки, чтобы построить ограждения, а электричество иссякнет — ни освещения, ни защиты. Человечество изведут болезни, потому что все производства остановится, в том числе и медицинские предприятия, а бороться с недугами самостоятельно, люди давно уже разучились, — она остановилась, устав от своего долгого рассказа и молча посмотрела на него. — Для тебя это хоть что-нибудь значит? — спросила она наконец с ноткой горечи в голосе.

— Не знаю, — медленно произнес он. Он и в самом деле не знал. Ему вдруг вспомнились слова Верховного Правителя, которые тот произнес над обугленным телом Кэнделла. Это были суровые, но прекрасные слова.

Кейду же понятно было только одно: существуют две откровенно оппозиционные силы. Взгляд Верховного Правителя на мир и его структуру был более понятен и близок к Кейду, нежели странные и совершенно необоснованные мировоззрения Джослин, но... если бы он мог до конца поверить ей, то и у него, и у других людей снова появилась в жизни цель, к которой стоило бы стремиться.

— И все это, — тихо продолжала она, — можно изменить с помощью науки. Конечно, есть и другие вещи, например, "искусство". Еще одно новое слово для тебя, Кейд. Оно означает исследование этой вселенной и создание новых вселенных при помощи речи, звука и света. Оно заставляет тебя смеяться, рыдать и удивляться. Никто

из живущих сейчас людей не способен понять радость творения, или радость получения искусства от самого творца. Ты не знаешь, что такое “свобода”. Но, может быть, тебе скоро удастся узнать значение этого слова. Я надеюсь.., — какую-то долю секунды она колебалась, потом воинственно взглянула на него: — Я надеюсь, когда мы прибудем на Марс, ты не откажешься служить Главе марсианского Дивизиона. Сейчас это именно тот человек, за которым надо идти. Но пока я не могу рассказать тебе больше.

— Тогда я и не буду спрашивать, — хмуро согласился он.

Кейд и так услышал слишком много. ее рассказа хватит на долгие и мучительные часы размышлений. Он узнал все, что ему требовалось. Она объяснила ему многое, что такое “наука”, “искусство”, “история”. Но вот о чем она забыла упомянуть, так это о слове “любовь”, которое интересовало его сейчас, пожалуй, больше всего.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Им предстояло пробыть в космосе еще трое суток. И за эти три дня Кейд все реже и реже вспоминал о своей бывшей принадлежности к Ордену. Прошла жизнь, ушла безвозвратно, исчезли те самые убеждения, которые придавали ему силы и уверенности. Теперь же оставалась только одна надежда — женщина. Единственно возможная женщина в жизни Кейда, точно так же, как Хранительница Ордена была единственно возможной женщиной для него в бытность Оружейником. До посадки на Марс он мог наслаждаться крепнувшей между ними дружбой... или чем-то, значительно большим, чем проста привязанность. Кейд представления не имел, что может выйти из всего этого. Он знал одно: если им удастся живыми приземлиться на Марсе, уж он-то найдет способ как остаться рядом с ней. Глава марсианского Дивизиона мог оказаться правителем ничуть не хуже, чем Верховный Правитель или даже более достойным, чем Верховный Понтифекс.

Интуитивно ощущая, что от него требуется, Кейд использовал время для того, чтобы завоевать симпатию и укрепить доверие леди Джослин.

Он никогда раньше не думал, что способен часами вести бесконечные беседы и жадно слушать все ее рассказы.

Однако вскоре им пришлось прервать это приятное времяпрепровождение. Марс приближался. На экране переднего обзора он сначала виделся крохотной точкой, затем небольшим диском, который из часа в час рос, занимая половину небосклона, а затем и весь обзор. Беседы сменились предпосадочными хлопотами. Леди Джослин отдавала распоряжения и выполняла приказы Кейда.

Координаты, которые она дала ему, привели их к кратеру в южном полушарии планеты. Столица Марса находилась меньше чем в ста километрах от этого места.

Пункт посадки был выбран почти идеально с точки зрения наибольшего удобства и соблюдения секретности. С воздуха это выглядело обычным серым пятном — ни привычного для Марса красного, ни зеленого, сплошная серость. Отсутствие красного цвета означало, что в данном месте залежи железа иссякли, а значит, нет ни поселений, ни предприятий по переработке руды. А отсутствие зелени показывало, что здесь нет воды. Соответственно, здесь не могло быть фермеров с их хозяйствами, где выращивались овощи и разводили скот для рабочих рудников и жителей городов планеты. Серый цвет, как табличка, показывал необжитость и заброшенность этого места.

Кейд посадил скуттер ровно, без происшествий, остановив машину так, словно она была обычным автомобилем. Он отстегнулся от пилотского ложементы и выглянул в иллюминатор на безжизненную равнину, окруженную старыми, изуродованными холмами, необычно высокими для Марса, где свирепствовали постоянные бури. Джослин тоже выбралась из ложементы и теперь, стоя рядом, тревожно всматривалась в эту пустоту. Она уже успела закутаться в пышные синтетические меха.

Кейд нашел для себя какой-то костюм и с трудом натянул его. Вернувшись, он увидел, как Джослин нервно выхаживает по крошечной кабине.

— Ты сможешь дышать марсианским воздухом? — деловито поинтересовалась она.

Кейд кивнул.

— Я воевал в Альпах и на одной из планет в созвездии Тельца.

Он вспомнил те дни. Вокруг него были хорошо тренированные, сильные люди, но все они буквально валились с ног. И все потому, что их не приучили действовать в условиях пониженного давления. Их хриплое дыхание, полуоткрытые рты, кровь, хлынувшая из носа... все это живо всплыло в памяти сейчас.

— А ты? — встревоженно спросил он. — В шкафу есть респиратор.

Она отрицательно качнула головой:

— Я уже бывала здесь, — бросила она и тут же жестом остановила Кейда, который решительно направился к клапану герметизации. — Но только не выпускай весь воздух сразу.

Кейд запустил механизм, и наружу стала вырываться тонкая струя воздуха, выравнивая давление. Сначала заложило уши, потом в глазах помутилось, ему даже пришлось ухватиться за поручень, чтобы не упасть. Джослин перенесла эту процедуру значительно легче. Объем ее легких по сравнению с весом тела был куда больше, чем у него. Поэтому она первой пришла в себя, и справилась с клапаном раньше, чем Кейд смог твердо держаться на ногах. Она тревожно осмотрела пустой горизонт.

— Ты, конечно, довольно лихо посадил скутер, но это нисколько не облегчает нам работу, — заметила она. — Мне кажется, нам лучше начать разгрузку, и как только появятся друзья... груз уже будет готов для отправки.

— Для отправки Главе марсианского Дивизиона?

— Да.

Он вслед за ней прошел через багажное отделение и открыл лацпорт. Пока она опустошала полку за полкой, он выволок по пандусу тяжелые ящики. В пятистах метрах от скутера росла куча ружей. Но каждый раз, выбираясь с оружием из корабля, Джослин внимательно оглядывала горизонт.

— Твои друзья, как я предполагаю, запаздывают? — чувствуя неловкость, спросил Кейд.

— Чем меньше ты будешь предполагать, тем лучше, — отрезала она довольно грубо. Однако Кейд не обиделся на нее. Он понимал, что она сейчас должна чувствовать. Небольшой срыв в осуществлении плана, и многие годы подготовки пропадут даром.

Наконец она облегченно вздохнула и в ее глазах загорелись радостные огоньки. На холмах, на самой линии горизонта, появились черные точки... Одна, затем другая... и наконец, десятки, сотни черных точек, которые медленно росли, превращаясь в крохотные фигурки людей.

— Оружейники Марса? — Кейда так и раздирало любопытство при виде такого неожиданно большого количества народа, и в то же время презрение к неорганизованному появлению — ни разведчиков впереди, ни строя. они напоминали не единый отряд, а какую-то разношерстную, неслаженную толпу.

— Какие там Оружейники, Кейд! — невольно выпалила Джослин, переведя на него взгляд. — Лучше всего назвать их просто “патриотами”. Тебе уже однажды приходилось слышать это слово, — в голосе ее зазвучали совершенно новые нотки. Кейд никак не мог определить: презирает он этих людей или восхищается ими. — Это значит, что они любят свою родину. Они больше преданы Марсу и его Правителю, чем самому Императору, со всей его обширной Империей.

Он ничего не мог с собой поделаться: при этих словах его прошибла холодная дрожь... но уже через мгновение он сам улыбнулся собственным страхам.

— Значит, это всего лишь исполнители, которых направил...

Она отрицательно покачала головой:

— Их никто не направлял, Кейд. Они просто исполнители и делают свое дело по зову сердца.

Толпа медленно приближалась. Патриоты, или исполнители, все это роли никакой не играло. Кейд видел главное: среди них нет ни одного Оружейника или воина. Это были фермеры, шахтеры, служащие из города. Они все шли легкой, плавной походкой, присущей только тем, кто родился и вырос на Марсе. Похоже, и низкое давление воздуха тоже не причиняло им особых неудобств. Они шли довольно быстро, и когда оказались достаточно близко, Кейд успел заметить натренированным взглядом, что никто из них не устал и не задохнулся. Да и марсианский холод на них тоже, как видно, не действовал. Леди Джослин и ему самому пришлось надеть теплые одежды, а эти люди шли налегке, словно не было ни колючего холодного воздуха, ни промозглого ветра с холмов.

У каждого на плече висел мешок из грубой ткани. Кейд вдруг ясно представил, как они потащат оружие в них, и ружья будут биться друг о друга, мотаясь из стороны в сторону при каждом шаге. Эта мысль прожгла его сознание жестокой

болью. Нет, тринадцать лет в рядах Ордена не могли не оставить отпечаток на его мировоззрении. Раньше, он бы лично уложил каждого, кто посмел бы даже помыслить о подобном отношении к оружию. Он стиснул зубы и постарался взять себя в руки. Многие потеряло для него значение с тех пор, как его объявили мертвым. Вот и это оружие теперь было всего лишь орудием убийства, как пила — орудием для распилки дров.

В толпе он заметил большое количество женщин и мальчиков-подростков. Всего людей было приблизительно около девятистот. Им предстояло перетащить пятьдесят тысяч ружей.

Кейд даже удивился, как же они умудряются сохранять секретность, если действуют совершенно открыто. Ведь такую толпу легко засечь с воздуха. Однако он тут же вспомнил слова марсианина Харро: "...людям нравится быть среди своих... на Марсе все по-другому... не думаю, что ты знаешь, кто был твой прадед в восьмом поколении..." Если бы только подобные чувства могли испытать все люди Империи, а не только марсиане!

По мере приближения толпы нарастал и шум: беспорядочный гомон возбужденных девятистот человек. Это уж совсем ничем не напоминало Кейду привычную в Ордене дисциплину. Шедший впереди высокий худой человек средних лет, неожиданно остановился, развернулся к толпе и заорал, размахивая руками:

— Заткнитесь все! Заткнитесь и оставайтесь на своих местах. Не ходите дальше! Не ходите!

Несколько помощников бросилось задерживать гомонящую толпу. Это оказалось довольно трудно, им пришлось немало побегать и поорать. Их резкие голоса прорезали разреженный воздух, долетая до Кейда отрывками фраз. Он с сомнением и сарказмом наблюдал за этой сценой. Много ли можно ожидать от такой оравы?

Наконец через минуту толпа остановилась, сбилась в кучу и прекратила гомонить. Над холмами повисла мертвая тишина. Предводитель направился к Кейду.

— Меня зовут Такер, — представился он, подходя поближе. — В сообщении ничего не говорилось о женщине, — и он подозрительно покосился на леди Джослин.

— Дочь Марса, — отрекомендовалась девушка. Если в ее голосе и звучал хоть малейший намек на издевку, то, как показалось Кейду, никто бы не сумел его уловить.

Тоший выпалил с воодушевлением:

— Марс благословляет тебя, сестра.

— Марс благословляет нас всех, от низших до высших, — по всей вероятности, это был пароль и условный ответ.

Взгляд Такера потеплел.

— Мы рады приветствовать в своих рядах благородную леди, — с чувством произнес он. —

Мне сообщили, что пилотом скуттера будет человек не из среды наших Братьев.

— Пока нет, — торопливо вставила Джослин. — Но он станет им. Это Оружейник, рожденный на Земле. Он будет обучать марсиан военному искусству, чтобы приблизить день освобождения.

— Движение растет, — с восторгом произнес Такер. — Ничто не может остановить его!

Кейда это уже начинало раздражать. Весь вид этого худого человека, возглавлявшего толпу, его высокопарные слова скорее напоминали мистическую чепуху одной из жульнических сект, чем приветствие собрата в рядах заговора.

Толпа опять принялась шуметь, и в процедуру пришлось вмешаться. Сделал это такер самым штатским образом. Он повернулся к своим людям и вместо команды, заорал во все горло:

— Всем заткнуться! Подойдите ближе и встаньте в шеренгу, что ли... и мешки приготовьте! Да шевелитесь, времени нет!

Кейд с ужасом наблюдал за тем, как нестройная толпа принялась выравниваться в шеренгу с криками, руганью и толкотней. Он внутренне стонал от одной мысли, что весь этот сброд придется преобразовывать в настоящую армию. Однако он молча заглушил свое презрение к ним. Ну что ж, если леди Джослин хочет, он постарается сделать из них Оружейников, хотя в успехе этого предприятия был совершенно неуверен.

После того, как несколько помощников рьяно

взялись за дело и принялись наконец строить толпу, шеренга приобрела менее ровные очертания. Леди Джослин говорила, что марсиан кое-чему уже научили. Кейд же видел, что они даже не имеют представления о построении и равнении. А уж командах типа “смирно”, вряд ли они вообще когда-либо слышали.

Кейд никак не мог понять: являются ли люди, отдавшие приказы, их добровольными, временными командирами, или эта орущая ли голая орда все-таки представляла собой хоть какую-нибудь организацию. Через несколько минут, к его облегчению, дело сдвинулось с мертвой точки. Несколько человек принялось отсчитывать по шестьдесят ружей и нагружать ими подставленные мешки. Шеренга двигалась довольно быстро. Снова над толпой поднялся галдеж, и теперь уже никто не мог его прекратить. Люди не слушались приказов, смеялись, болтали, заглядывали друг другу в мешки. Все это на Кейда произвело весьма гнетущее впечатление.

Постепенно ружья разобрали. Конечно, будь это на Земле, такая ноша оказалась бы непосильной, однако на Марсе, с его более низкой гравитацией, мешки весили много, но вполне приемлемо для одного человека. Кроме того, на каждом ружье был пятикилограммовый предохранитель. Так что, несмотря на неумелое обращение с оружием, несчастных случаев не произошло.

Когда наконец толпа разобрала все, Кейд с

облегчением вздохнул. Хоть одно дело обошлось без происшествий.

— Корабль нам больше не понадобится, — деловито заметила Джослин. — Его надо убрать отсюда, иначе кто-нибудь может засечь его с воздуха. Ты можешь закинуть его куда-нибудь подальше на автопилоте?

Это было довольно дельное предложение. Кейд со знанием дела заложил программу и запустил скуттер на космическую орбиту. К тому времени, когда корабль с грохотом устремился в небо, последние патриоты разбирали оружие. Такер суетился и что-то орал, стараясь построить всех в одну шеренгу. Ему это плохо удавалось, поскольку возбужденная толпа продолжала галдеть, да к тому же голос командира тонул в грохоте работавших двигателей. Помощники носились по шеренге, толкая людей и крича на них. Кейд понял, что они готовятся уходить из долины и собираются сделать это по-военному, строем.

Он с усмешкой наблюдал за всем этим, когда новый рев стал нарастать, приближаясь с неба. Кейд вскинул голову и увидел космические корабли. Их было много, целая эскадра. Их полированные бока ярко поблескивали в лучах солнца. Через мгновение сто или больше космических истребителей пронеслись над головами ошалелой толпы, заполняя грохотом и ревом двигателей всю долину, окаймленную высокими холмами.

Они облетели местность пару раз, а затем,

образовав правильный, изящный полукруг, начали снижаться, собираясь приземлиться на ровном месте. Кейд видел, с какой точностью работают корабли, и лихорадочно соображал — пилотируются ли они вручную или по радио из единого центра?

Толпа марсиан смешала и без того перепутанные ряды. Девятьсот человек бестолково засуетились и забегали, толкая друг друга, задавая испуганные, нелепые вопросы, из-за этой паники над долиной поднялся настоящий гул. Кейду стало противно. Патриоты, подумал он раздраженно. Как они могут сражаться с регулярными войсками Ордена, если пугаются одного вида истребителей?

Пальцы леди Джослин впились в руку Кейда. Он чувствовал это лихорадочное прикосновение даже сквозь меховую толщу одежды. Он посмотрел на девушку. Она была смертельно бледна, в глазах светился страх и отчаяние. Наверное, у Верховного радары на Деймосе и Фобосе, подумал Кейд. иначе он не сумел бы засечь нас с такой точностью.

На какое-то мгновение истребители зависли над площадкой, потом медленно опустились, мягко коснувшись грунта. Двигатели замолкли. В какую-то секунду над толпой тоже нависла тишина, но она тут же взорвалась ясным, властным голосом, который прокатился по долине, отражаясь от склонов холмов и рождая многочисленное эхо. Этот голос был хорошо знаком Кейду,

когда-то десять лет назад, во время принятия присяги, он подумал, что таким голосом может обладать только сам Император. Он грянул на толпу неожиданно, громоподобно, раздавив ее, заставив замолчать и слушать.

— Марсиане, мои Оружейники занимают позиции и окружают вас, — нет, этот голос Кейд не мог спутать ни с одним другим. Он раздавался в комнате, где лежал распростертый на полу, обугленный Кэнделл, он звучал по радио, когда отдавался приказ уничтожить Оружейника на месте, и вот сейчас он снова звучал в ушах, расплываясь по разряженному марсианскому воздуху. Голос Верховного Правителя. — Вы все бросите свои мешки с оружием и подойдете к подножию холма. Если вы сдадитесь добровольно, вас обыщут и отпустят. Нам нужны только двое, что прилетели на скуттере. Мы вынуждены их задержать, все же остальные могут расходиться по домам. У вас пятнадцать минут на выполнение этого условия. Если вы откажетесь повиноваться, мои Оружейники откроют огонь и начнут фронтальное наступление.

Голос замер на высокой ноте, и меж холмов еще несколько секунд металось громкое эхо. Над толпой же нависла гнетущая тишина, потом заговорили все разом:

— Кто она?

— Кто этот человек со скуттера?

— Они сказали, что он один из братьев!

— Избавляйтесь от ружей!

— Они испепелят нас на месте!

— Что нам делать?

— ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ?

Кейд сокрушенно покачал головой. Действительно, что может сделать эта трусливая толпа против хорошо обученного войска? Такер то и дело бросал на Оружейника красноречивые горячие взгляды.

— Он лжет! — зазвенел возмущенный голос леди Джослин. — Он лжет! Неужели вы думаете, будто он отпустит вас, когда вы окажетесь беззащитными? Он убьет вас всех!

Но толпа продолжала неистово гомонить, многие и в самом деле побросали мешки. Леди Джослин никто так и не услышал, кроме самого Кейда и Такера. Предводитель марсиан повернулся к девушке:

— О чем ты говоришь, сестра? Мы и с оружием совершенно беззащитны перед отрядом Оружейников. Конечно, наши люди прошли определенную подготовку, но они не умеют стрелять, не знают законов боя. Они уничтожат нас всех, если...

Гомон толпы заглушил его голос. Такер растерянно замолчал, его взгляд невидяще смотрел на своих соотечественников. Он не знал, как поступить.

— Двести лет, — прошептала леди Джослин бесцветным голосом, словно бы обращалась к самой себе. — Двести лет отданы составлению

планов, двести лет терпеливого ожидания, двести лет постоянного страха: а вдруг нас выдаст предатель, или просто проговорится какой-нибудь дурак, но ничего этого не произошло. Одно ружье, потом два, потом три ружья в год, потом десяток... и снова ожидание...

Она покачнулась на носочках, рискуя упасть. Кейд обнял ее одной рукой.

— Какая мечта.., — продолжала она с горечью, — и мы так приблизились к ней. Марс восстал, философия Клейн-дао повержена, армия разделена, Верховному Правителю брошен вызов! На Марсе, да и везде, люди наконец стали думать сами, осмысливать традиции и законы, до сих пор связывавшие их по рукам и ногам. Думать и осмысливать, — огонек, зажегшийся было в ее глазах тут же погас. Она невидяще смотрела прямо перед собой в пустоту. — Мы зашли слишком далеко в своих ожиданиях, — тихо произнесла она и повернулась к Кейду. — Мы не рассчитывали, что инерция будет так сильна. Двести лет... надеюсь, что когда мой дядя умрет, он не будет сильно страдать.

Ее дядя? Кейд ухватился за эти слова, и только теперь наконец к нему пришло понимание.

— Император, — медленно произнес он, — твой дядя — Император, ему известно об этом?

— Да, конечно, — в ее голосе слышались слезы.

Кейд ошарашенно посмотрел на девушку, словно впервые только что увидел ее. Он пора-

зился собственной слепоте. Ну почему, почему он не мог догадаться об этом раньше? Это же так очевидно, так ясно! Теперь для него все выстроилось в логически завершенную, стройную картину.

— Император.., — принялась объяснять Джослин, — ... последние пять Императоров были совершенно бессильны изменить социальный строй. Они все понимали, но ничего не могли поделать. Да и как они — горстка мужчин и женщин — могли справиться со страшной, вооруженной армадой, подчиненной Верховным Правителям? Три поколения назад правящий Император понял, что ставку необходимо сделать на Марс. Его правители могли восстать, и их подданные наверняка поддержали бы это выступление. Пятьдесят лет назад был заключен пакт между Императором и Марсом. Какая красивая мечта! — она резко оборвала себя. — Впрочем, какая теперь разница!

Она надеялась, что ее дядя не будет страдать перед смертью. Но уж Кейд-то знал, что Императору придется страдать, как придется страдать и ей тоже. он слишком хорошо понимал, что из себя представляет человек, занимающий должность Верховного Правителя. Он не даст им умереть до тех пор, пока не вырвет из них всю информацию. Он слишком горд и честолюбив, он будет бороться за свою власть всеми методами. Он уничтожит безжалостно и не задумываясь любого, кто станет на его пути. Даже Императора.

Неожиданно над долиной загремел властный голос с корабля:

— У вас осталось восемь минут!

Толпа закружилась вокруг своего предводителя. Озлобленные, растерянные, они толкались и кричали, спрашивали, что им делать, требовали ответа, действий. А Такер молча слушал разговор и не знал, что предпринять.

— Если бы мы только могли сражаться с ними, — неожиданно он, — если бы мы только могли сражаться!

— Думать и мыслить, — рассеянно повторил Кейд. — Думать, думать.

Пять лет в Новобранцах. Десять лет солдатской службы. Пятнадцать лет в Оружейниках. Противопоставить Оружейникам кого-либо ниже рангом по владению воинским искусством все равно, что идти с деревянными дубинами против ружей Ордена. Такер прекрасно знал это, и все-таки осмеливался помыслить о сопротивлении. Была ли в его словах хоть искра истины?

Эти люди — патриоты, мысленно рассуждал Кейд. Теперь он хорошо представлял для себя значение этого слова. Да, они были напуганы и растеряны неожиданностью разворота событий. Они подавлены и озлоблены, потому что план, который они готовили десятилетиями, рухнул, как карточный домик. У них почти не осталось надежды.... почти, да. Но у них еще оставалось оружие в мешках. И обученные люди могли еще

защитить свои идеи. Они не поддались паники, и были готовы сопротивляться. А это главное!

Все это промелькнуло в сознании Кейда одной мыслью за короткую секунду. И тут же в его голове созрело решение. Он повернулся к растерявшемуся Такеру:

— Мы можем с ними сражаться, — с нажимом произнес он. В его словах было столько уверенности, что она передалась и тощему человеку. На его лице вспыхнула дикая надежда.

— Против Оружейников? — встревоженно выпалила Джослин, не веря собственным ушам.

— Да, — холодно отрезал Кейд. — Против Оружейников.

— Их тренировали, — совершенно некстати брякнул Такер. — Целых три года...

— Больше нам ничего и не останется, — ответил Кейд на немой вопрос Джослин, даже не обратив внимания на марсианина. — Это будет более достойная смерть, к тому же... ты сама учила меня подвергать сомнению установленные правила.

Он выхватил из кобуры оружие и выстрелил вверх трехсекундным зарядом на малой апертуре. Толпа ошалело замерла, моментально умолкнув. Над долиной нависла тишина. Как хороший оратор, Кейд выждал несколько секунд, нагнетая напряжение толпы, и когда люди встревоженно задвигались, заговорил:

— Я — Оружейник Кейд из Ордена Оружей-

ников, — бросил он в притихшую толпу, наметанным глазом следя за реакцией. Его голос неожиданно громко покотился по долине. — У нас есть ружья, больше ружей, чем там, на холмах, у Оружейников, которых привел сюда Верховный Правитель. Вы должны сопротивляться и дать бой пришельцам. Я научу вас, как владеть оружием.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

В голове его мгновенно пронеслись тысячи мыслей, подобно молнии осветив сознание. Он всегда считал ружье Оружейника сложным предметом, которым простой мещанин овладеть не может. Как вихрь пронеслись воспоминания: вводный курс — общее устройство ружья, Церемониал ружья, приказ заряжать, проверка после заряжения, место ружья и его значение в философии Клейн-дао, установка силы заряда и диапазона для различных применений. Все это пронеслось у него в голове в том самом порядке, в котором они это изучали, будучи Новобранцами. И одно за другим он отбрасывал эти некчемные сейчас понятия и знания.

Что должен знать человек — не Оружейник — чтобы научиться стрелять из воинского Оружия? Ответ на этот вопрос оказался неожиданно прост и ясен. Кейд даже удивился тому, с какой легкостью ему сейчас удалось отбросить все те знания, которыми его пичкали в Ордене. Неужели постулаты Клейн-дао и в самом деле ничего не значат?

— Чтобы выстрелить из ружья, — прокричал он, обращаясь к замершей в напряжении толпе,

— надо как следует прицелиться и нажать спусковой крючок. Когда заряд кончится, и оно перестанет стрелять, выбрасывайте его и хватайте следующее, — он повернулся к Такеру: — У вас есть человек десять, которым повинуются остальные?

Худой марсианин молча кивнул, преданными глазами глядя на Кейда.

— Приведите их сюда, — приказал тот.

Пока Такер собирал своих помощников, торопливо выкрикивая имена, Кейд принялся внимательно осматривать близлежащие холмы. На фоне неба едва заметно вырисовывались тонкие прутья радионных решеток — около десяти — расставленных на равном расстоянии друг от друга вдоль кромки холмов. Насколько низко они оценивают его боевые способности, если держат командные посты настолько открытыми!

Кейд старался соображать быстро, с максимальной пользой для дела. Куда лучше всего нанести удар с такой неорганизованной толпой? Прямо по курсу находился небольшой проход между холмами. Он был действительно очень удобен для отступления из долины. Но для защищающих общепринятая стратегия предусматривала прострел подобного перехода нависным огнем. В свою очередь, общепринятая теория также советовала вызвать огонь защищающих, засекать огневые точки, а затем, начав по ним прицельную стрельбу броситься на штурм перехода. Так требовала тактика. Но у марсиан не

было достаточной тренировки и навыков, чтобы выдержать подобное сражение.

Однако наметанным глазом Кейд тут же уловил другой выход из положения. Почему обязательно надо действовать так, как предписывает теория боя? А если поступить нестандартно? Чуть левее от прохода высилась уродливая маленькая скала, она выступом нависала над склоном. Вряд ли кому-нибудь придет в голову штурмовать подобную высоту или защищать ее по всем правилам военной науки. Она и сама по себе казалась непреступной. Планы насчет нее могли бы прийти в голову только ненормальному. Впрочем, какой бы неприступной она ни была, ее обязательно кто-нибудь прикрывает. Один или два Оружейника, не больше. Но если разобраться, такая ли уж невыполнимая это задача для марсиан, которые привыкли к низкому давлению воздуха и пониженной силе тяжести на родной планете?

— Вот мои люди, — перебил размышления Такер.

Кейд придирчиво оглядел человек двенадцать лейтенантов, которых Такер подвел к нему. Они, пожалуй, ничем не отличались от остальных, разве что на лицах не было заметно ни страха, ни отчаяния.

Кейд принялся их инструктировать, делая упор на самое главное. Если бы его слышал сейчас хоть один из Наставников, который преподавал воинскую дисциплину в Конvente, он бы,

наверняка, скривился от отвращения. Ни слова о назначении и роли ружья. Кейд только показал спусковой крючок, как устанавливать диапазоны и силу заряда. И даже сам удивился легкости и простоте процедуры. Ему бы раньше и в голову не пришло, что за какие-нибудь пару минут можно полностью объяснить что к чему. В Ордене на это уходили годы.

Покончив с ружьем и продемонстрировав единственным выстрелом, чтобы сэкономить заряды, Кейд приступил к самой боевой задаче.

— Мы направимся к вершине вон той скалы, — сказал он, показав пальцем в сторону крутого холма. — Постарайтесь показать людям все, что показал вам я и объяснить до того, как мы туда доберемся. Да, еще, не пытайтесь их как-то организовать и выстроить в шеренгу. Чем больше беспорядка, тем лучше. Все.

Он дал им минуту на то, чтобы объяснить кое-что взволнованной толпе, и двинулся в направлении холмов. Он прошел мимо людей, потом обернулся к ним и выкрикнул команду, которая, как он подозревал, была древнее самого Ордена, такая же старая, как сама История человеческой цивилизации.

— Вперед! За мной!

— За Марс! За Главу Дивизиона! — истошно заорал кто-то и кое-кто из толпы подхватил этот боевой клич.

Кейд не стал оглядываться. Если вся толпа следует за ним, хорошо, если нет — ну что ж,

придется довольствоваться и малым числом. Если они все погибнут, то, по крайней мере, не даром. Он не оборачивался еще и по другой причине: не хотел, чтобы Оружейники на холмах заподозрили неладное.

Однако когда он прошел несколько метров, то услышал за собой гомон движущийся толпы. И тут Кейд почувствовал такую радость, которой раньше, пожалуй, и не испытывал. Значит, эти необученные, обреченные на смерть люди все-таки верили ему! Отлично, значит дело строилось с мертвой точки!

Для тренированного взгляда Оружейника все это суматошное шествие скорее напоминало бегство, чем наступление. Даже если они и видели, как Кейд что-то объяснял толпе, даже если кое-что успели уловить из его инструкций, вряд ли они подумают, что мещане рискнут атаковать отборные войска Верховного Правителя. Они были слишком уверены в собственных силах, и это было их уязвимым местом.

Впрочем, никаких иллюзий по поводу собственного успеха Кейд не питал. Да, эти патриоты решили атаковать, но они все-таки напуганы. Десять тысяч лет страха нельзя уничтожить за десять минут. Как только Оружейники предпримут контратаку, скорее всего, эта разношерстная толпа ударится в панику и начнет отступать. Первые несколько залпов, и кинутся врассыпную женщины и мальчишки. За ними, наверняка, последуют мужчины. Мещане и есть мещане. где

бы они не жили — на Земле или на Марсе. Они везде одинаково недисциплинированы и расхлябаны, не привыкшие довольствоваться малым, глупые и слабые. Особенно женщины. Нет, конечно, леди Джослин наверняка не боится смерти, но ведь она благородного происхождения, в ней течет императорская кровь. А остальные? Кейд не мог дать никаких гарантий. Его план может сорваться, но не попытаться он не мог.

“Надо как следует прицелиться и нажать на спусковой крючок!” Какие замечательные слова, мысленно издевался он над самим собой. Неужели он вообразил, что эта дикая толпа сумеет выступить против опытных Оружейников? Такер сказал, что их тренировали три года. Тренировали! Кейд мысленно усмехнулся. Уж он-то представлял себе, что это была за тренировка. Небось по часу в неделю муштровали на плацу, обучая выстраиваться в колонну по четыре. Какая глупость! Кому это теперь нужно? Да и это, как видно, прошло для них бесследно. Одни попытки выстроить их в шеренгу чего стоят. А уж обо всем остальном и говорить не приходится. Они ни разу в своей жизни не видели ни одного ружья.

“Думать и осмысливать”, продолжал он издеваться над собой. Какой тут к черту осмысливать! Сейчас, пытаясь организовать атаку они нарушили основное положение Клейн-дао. Воин — это Воин, гласило оно. Оружейник — это искусный, опытный воин, единственный солдат, способный воевать, во всей Империи.

То, что он задумал — настоящее безумие. Но так или иначе, а он уже мертв, и терять ему нечего. Впрочем, как леди Джослин. Их обоих Верховный Правитель постарается уничтожить в первую очередь. А ему не хотелось жить. После того, что он узнал о мире, ему совсем не хотелось умирать. Это казалось ему слишком несправедливым.

Джослин бежала рядом с ним, стараясь не отставать. Она запыхалась, но молчала.

— Неужели ты думаешь..? — наконец начала она. Как видно, сомнения не давали ей покоя. — Кейд, это же гвардия Верховного Правителя! Они превосходят любое другое соединение Оружейников в Империи!

— А мы и не Оружейники, — яростно прорычал он. — Мы — кучка сумасшедших патриотов! Мы представления не имеем, как сражаться, но нам есть что защищать. А теперь иди назад. Затрись в середину толпы и постарайся держаться так, чтобы позади оставалось свободное пространство. Иначе, когда толпа ринется бежать, она просто сомнет тебя и раздавит.

— Не пойду! — с горячностью выпалила девушка.

— Пойдешь! — Кейд рывкнул так, что горло разболелось. Еще ему не хватало сейчас, в такой момент слушать ее препирательства.

Она смущенно отступила и скрылась в толпе. Кейд продолжал шагать дальше. Тебе надо признать это, дурак! — мысленно бушевал он. —

Признайся! Ты играешь в игру, обычный детский фарс — как тогда, много лет назад, в Денвере, когда ты играл в Верховного и Новобранца. Они сковали кольцо огня вокруг тебя, а ты сам рвешься навстречу к смерти. Одинокой, бездумной, бессмысленной смерти, потому что при первых же залпах толпа повернет назад и побежит, давя и круша на своем пути все. Их охватит паника, и тогда с ними уже ничего не сделаешь. Они превратятся в перепуганное стадо баранов. И ты это прекрасно понимаешь.

Фарс? Отлично. Разыграй его как можно лучше, сказал он себе, Оружейник Кейд, опытный Воин, мастер битвы, ты должен сражаться! Пусть Гвардейцы Верховного Правителя надолго запомнят тот день, когда ты и горстка мятежников оказала им стойкое сопротивление в безликой долине Марса. Пусть эта битва заранее проиграна для него, но это будет начало конца той Империи, которая властвовала над умами людей десять тысяч лет.

Подгоняя самого себя, Кейд продолжал бежать дальше, и древние, источенные бурями холмы наступали на него, словно невиданные великаны. Гротескные картины, нарисованные ветром, песком и столетиями на бессмертных камнях. Если Оружейники в засаде откроют по нему прицельный огонь именно сейчас, то все пропало. Атака захлебнется. Эти глупцы наверняка не додумаются рассредоточиться, а собьются в одно стадо, как перепуганные овцы, и умрут все вместе, сожженные заживо одним мощным ударом. Если же им

удастся добежать до небольшой мертвой зоны под скалой, то их смерть немного отступит. Хотя и это не станет гарантом их победы.

Однако Оружейники почему-то не стреляли. Впрочем, Кейд догадывался, почему. Они вообще не представляли себе, что кучка оборванцев бросится в атаку. Они ожидают, что вся толпа сейчас рванется к пологому переходу между холмами, и тогда всем им придет конец.

Атака марсиан должна быть быстрой и сокрушительной. Их сила в неожиданности нападения. как только Оружейники придут в себя от неожиданной дерзости мещан, они откроют шквальный огонь, и тогда все кончено. Но если марсиане выполняют этот маневр легко и быстро, им удастся захватить скалу, а это будет событие, потрясающее устои Ордена!

— За Марс! За Главу Дивизиона! — слышал он их яростные вопли за спиной и только холодно ухмылялся собственным мыслям.

“Патриоты”! да они просто сумасшедшие, которые не понимают, что творят. Но может быть, именно такие сумасшедшие и смогут осуществить этот самоубийственный план.

Местность стала подниматься. Он пару раз поскользнулся на гальке. На лицо отбрасывала тень выступа скалы. Они добрались до мертвой зоны. Теперь отступать слишком поздно. Наступило время действовать.

Кейд обернулся к парню, который легко бежал в паре шагов от него:

— Брат, дай мне два твоих ружья, — бросил он парню. Тот повернулся, на ходу выхватил из мешка ружья и бросил их Кейду. Его выкаченные глаза азартно поблескивали, на тонких губах играла усмешка. Все это Кейд успел разглядеть за считанные секунды.

Он схватил ружья, сорвал с них предохранители, вскинул руку вверх и заорал, что есть силы, не оборачиваясь, через плечо:

— За мной — в атаку!

И он бросился вперед, вверх по склону холма, и сразу же почувствовал удушье. Низкое давление воздуха непривычное для земных легких стало сказываться после долгой быстрой ходьбы. Не помогала даже меньшая сила тяжести. Парень рядом с ним, по-прежнему легко дыша, вырвался вперед. Казалось, он не бежал, а летел, едва касаясь ногами земли. Но уже через секунду его полет оборвался. Яркое пламя ударило его в грудь, и он упал, продолжая все так же ухмыляться, словно презирал смерть.

Засек! — мысленно отметил про себя Кейд, как и привык это делать во время многочисленных боев. Он вскинул ружье и открыл прицельный огонь по выступу, заставив снайпера замолчать. Это было началом сражения. Обе стороны открыли шквальный огонь. Стреляли отовсюду, пламя выскакивало прямо над головой. Он надеялся только на одно, что его сзади не спалит какой-нибудь неумеха, неправильно наведя прицел. Это было бы нелепо и смешно.

Но бой начат, и теперь надо быть готовым ко всему. Надо броситься вперед, пристрелить парочку снайперов прежде, чем очередной огонь заставит толпу рассыпаться в панике. Пусть хоть немного напугают Гвардейцев, если уж большего они сделать не в состоянии. Размышлял Кейд, несясь вперед, словно безумный.

— За мной! Вверх! — заорал он, дыхание перехватило, он едва не задохнулся.

Его легко обогнал сухощавый Такер, живо карабкаясь по крутому склону. Пробежав несколько метров, он оглянулся, вскинул руку и закричал высоким пронзительным голосом:

— Вперед, за Марс!

И ринулся дальше, не сбавляя скорости. Мешок с ружьями смешно подскакивал и мотался из стороны в сторону при каждом прыжке. Но Кейду уже было совершенно на это наплевать. Он чувствовал, что изнемогает от усталости. Непривычные условия и низкое давление быстро вывели его из строя. Его обогнала какая-то истощенная женщина с перекошенным от ярости лицом. Едва взглянув на нее, Кейд вдруг понял, что какой бы огонь не открыли Оружейники, эта женщина ни за что не отступит. Если у нее кончатся заряды, она будет драться руками, ногами, зубами... Он окинул взглядом бегущую вокруг толпу, их глаза горели яростью и гневом. Никто и не собирался трусить и бежать. Никто не собирался сдаваться. Патриоты! — мелькнуло

в голове. Да, это были истинные патриоты, сумасшедшие и готовые на все...

Сражение становилось все более жестоким, когда он, задыхаясь, наконец взобрался на скалу. С холмов раздавались короткие, смертоносные очереди, которые наполняли все пространство вокруг паленой гарью. И даже резкий холодный ветер не мог разогнать стойкий запах горелого мяса. Марсиане отбивались, используя весь запас оружейных зарядов, впрочем, Кейд так и не сумел определить, каковы же были результаты первой атаки. Шум от ружей заглушал все — шипели низкоразрядные выхлопы, выплевывая короткие сгустки огня, ревели высокоразрядные очереди, бьющие на огромное расстояние. Кейд взобрался повыше и, подтянувшись на ослабевших руках, перевалился через край выступа, попав в самое сердце разыгравшегося сражения. Неорганизованное войско мятежных марсиан обстреливало Оружейников Верховного Правителя, прячась за горами мертвых тел. Они уже сообразили, что выстрелы по силе могут быть разными, с холодным удовлетворением убедился Кейд. Эти дикари довольно быстро научились воинскому искусству в ходе боя. Они уже умели перебегать от одного камня до другого, залегать в ложбинках, отстреливаться из-за из-за укрытия и загонять Оружейников в каменные ловушки. Невероятно, но несмотря на огромное количество убитых с их стороны, новоявленные вояки отступать не собирались. Они продолжали стрелять и шли вперед,

тесня Оружейников. Да, начало битвы они все-таки выиграли. Успех был на их стороне.

Теперь Кейд мог отложить оружие и взяться за тактику боя. Лежа на скале, в небольшом укрытии, он делил весь поток марсиан, поднимавшийся на вершину, на две части. Одних посылал налево, других направо. Он не хотел останавливаться. Завоеванный успех еще предстояло закрепить ударами с флангов.

— Такер! — заорал он во всю мощь голосовых связок, стараясь перекрыть грохот боя.

Сухощавый марсианин, возглавлявший атаку, вынырнул откуда-то из-за камней, подбежал к Кейду и плюхнулся на землю. Ему задело плечо, но рана была пустяковая. Он держался молодцом.

— Слушаю! — выпалил он почти в ухо Кейду. он был сосредоточен и деловит. Кажется, разворот событий воодушевил его.

— Такер, отведи эту группу направо, по склонам и постарайся пробиться на гребень. Пусть идут вперед, пусть стреляют и не жалеют зарядов, пусть кричат и вопят, сколько душе угодно. Главное — заставить Оружейников дрогнуть. Напугать их. Я же проведу остальных слева. Если увидишь, что Оружейники начали отступать для перегруппировки, то вернешься ко мне, а люди твои пусть идут дальше и стреляют. Надо не дать Гвардейцам провести в исполнение их план сражения. Не давать им покоя ни секунды. Все. Иди.

— Да, брат, — откликнулся Такер и исчез в сутолоке сражения.

Как в былые времена, подумал Кейд. Только теперь он боролся против всего того, за что раньше не задумываясь отдал бы жизнь. И еще, сейчас он сражался за собственную жизнь... и за жизнь Джослин.

Однако думать об этом он не осмеливался. После начала битвы он ни разу не видел ее, и самое забавное, что и не вспомнил о ней до этой секунды. Впрочем, это было и понятно, перед ним стояла другая, куда более важная задача. Теперь, когда они совершили первый прорыв, у него появилась надежда на победу.

Безумно непредсказуемый шквальный огонь со стороны марсиан все-таки дал свои плоды. Ближайшее полудужие холмов было полностью очищено от Оружейников. Кейд видел, как марсиане выстраиваются в первичные боевые соединения. Трудно было сказать, что это — урок, преподанный боем или все-таки наконец сказалась их трехлетняя подготовка. так или иначе, а толпа постепенно начинала превращаться в боевой отряд. Они теперь уже не галдели понапрасну и лучше слушали приказы своих командиров.

— За мной! — скомандовал Кейд своей группе.

И они охотно последовали за ним налево, круто вниз по обратному склону холма. На ходу они перегруппировались по тройкам — очень удобное соединение для атакующих, когда один из атакующих может обстреливать противника под прикрытием двух других. И именно этому, устало подумал Кейд, он посвятил свою жизнь?

Зачем? Когда все эти хитрости простые фермеры и рудокопы, с горящими от фанатизма глазами, открывают самостоятельно в ходе одного боя, ценой нескольких жизней. Разряд скользнул в сантиметре от уха. Кейд рухнул за ближайший камень и бросил свою философию. Стреляли из-за большого выступа. Кейд со своими новыми товарищами открыли по нему огонь, постепенно, выстрел за выстрелом подтачивая глыбу огнем. В конце концов она рухнула, придавив собой всех, кто прятался за ней.

Потом они снова вскочили и бросились вперед. Уже через несколько минут они оказались на кромке холмов и обнаружили, что захватили командный пост со всем оборудованием. Некоторые марсиане остановились, удивленно разглядывая радионную мачту и сетевой коммуникатор.

— Не задерживаться! — разозленно заорал Кейд на них. — Вперед! Стреляйте же, черт вас побрал!

Он прогнал их через нагромождение трупов Оружейников, туда, где из-за укрытия в расселине продолжали стрелять гвардейцы Верховного. За короткое время боя марсиане многому успели научиться.

Они уже больше не неслись на врага открыто, во весь рост, как в первые секунды сражения, а пригнувшись перебежали от одного укрытия к другому...

Они потеряли, наверное, с десятков своих товарищей, прежде чем им удалось укрепиться на

фланговых позициях и веером огня за считанные секунды уничтожить Оружейников-защитников.

Он руганью и проклятиями погнал их вперед, не давая расслабиться. Бой еще не кончился, и победа, как понимал Кейд, была еще очень далека. Конечно, марсиане при захвате каждого укрытия ликовали, но он-то, опытный Оружейник, прошедший школу боевой подготовки, хорошо понимал, какой опасной может стать невнимательность и переоценка собственных сил.

На следующем рубеже их встретили лишь разрозненные выстрелы отступавших Оружейников. Именно такого отступления Кейд больше всего и боялся. Оно может разлагающе подействовать на марсиан, и те, забыв всякую осторожность, очертя голову кинутся в атаку. В то время как для Гвардейцев это было ни что иное, как перегруппировка сил. Сейчас они разрозненны и не могут нанести мощный удар, но стоит им только собраться... Впрочем, Кейду даже и думать не хотелось, что произойдет потом. Он и сам частенько проделывал то же самое во время сражений. Такой огневой удар сплоченными силами разнесет его войска на клочки. И потому понимал, что не может бросать марсиан против такого организованного врага.

К тому моменту, когда последний защитник в тылу рухнул мертвым, сраженный шквальным огнем сразу нескольких ружей, на занятой марсианами территории оказалась мачта следующего командного поста. Он приказал своим людям

прекратить бессмысленный огонь и повел их прямо по кромке холма, вместо того, чтобы спуститься по склону и продвинуться вперед под его прикрытием. Да, это было бы безопасней, но сейчас Кейд не мог себе позволить терять ни одну лишнюю секунду. Нанести удар по гвардейцам требовалось сейчас, немедленно, пока они не до конца перегруппировались и не ждут атаки. Если они осуществят задуманный маневр, марсианам конец.

Добравшись до следующего командного поста, Кейд в упор расстрелял единственного связного, который упорно продолжал передавать сигналы. Теперь весь этот плацдарм был заполнен лишь обгорелыми трупами. Кейд жадно схватил бинокль и принялся рассматривать холмы справа от себя. Дела у Такера шли пусть и не так хорошо, как у их группы, но все-таки марсиане на правом фланге продвинулись достаточно хорошо, захватив пару командных пунктов. Сейчас там творилось что-то невообразимое, в сплошном огне и дыму трудно было что-либо разобрать. Однако Кейду удалось заметить, как отступают для перегруппировки гвардейцы Верховного. Ну что ж, это подтвердило его опасения.

Внезапно несколько выстрелов с близкого расстояния уложили Кейда плошмя на землю.

— Какие у вас, к чертям собачьим, разведчики?! — набросился он на своих людей, совершенно не стесняясь в выражениях. — Я же сказал уничтожить всех! Это значит, что убивать надо

всех до единого! А ну-ка давайте быстро, прочешите холм и очистите территорию! Они, наверняка, засели где-то поблизости!

Один из марсиан ухмыльнулся Кейду, словно волк, почуявший добычу. Оружейнику стало не по себе. Да, эти ребята не слишком искушены в боевом искусстве, но жестокости и решимости им не занимать. Несколько человек сразу же бросилось разыскивать засевших снайперов. Теперь предстояло главное — не дать гвардейцам осуществить перегруппировку.

Кейд повел своих людей вперед. В бешеном порыве они разнесли несколько шеренг тыловой группы, защищавшей основную часть. Ни на секунду не ослабевал огонь, они клином врезались в нестройные ряды гвардейцев. Завязалась настоящая рукопашная. В ход пошло все.

— Осторожно! — орал Кейд, пытаясь перекрыть грохот ружий, работавших на полном режиме. — Не дайте себя обмануть!

Он видел, как Оружейники начинают медленно отступать. Да, они были намного тренированней, чем их враги, но марсиане, привыкшие к необычным условиям, имели огромное преимущество. Они двигались легко и быстро, меньше уставали. Приспособленные к пониженной гравитации, они отлично владели собой. Гвардейцы же, казалось, хоть и применяли все свои знания, но ничего поделать не могли. Они уступали землю метр за метром, и вскоре в распоряжении Кейда и его людей оказался следующий командный

пост. Гвардейцы отступали, и теперь это уже не было просто перегруппировкой или очередной уловкой...

Кейд послал вперед несколько разведчиков, чтобы узнать положение в рядах Гвардейцев. Взобравшись на самый гребень холма, он изучал обстановку. У подножия возвышенностей стояли ровные ряды истребителей. И возле них происходило нечто невероятное. Оружейники со всех сторон бежали к своим космическим кораблям. Они все еще держали в руках ружья, но уже почти никто не помыслил отстреливаться. Они больше не собирались противостоять силам марсиан. Сломая голову, они неслись к истребителям, в надежде спастись от прицельного шквального огня, которым их угостили марсианские патриоты. Кейд мысленно улыбнулся, но тут же одернул себя. Битва еще не завершена. Пока жив хоть один Оружейник, пока гвардейские войска Верховного не будут разбиты наголову, он не может считать свою победу окончательной.

— Огонь! — заорал он своим людям, которые с ликованием следили за тем, что происходило внизу. — Передать по цепи команду стрелять! — гаркнул он во всю силу голосовых связок.

И казалось, марсиане пришли в себя. На бегущий поток, похожий на черную реку, обрушился огонь. С такого расстояния марсиане почти не попадали в цель. Но сейчас Кейду было на это плевать. Главное, дать понять Оружейникам, каким силам они пытались противостоять. Надо

окончательно сломить их волю, внести в их ряды панику, напугать их до смерти. Вот тогда дело будет сделано.

Несколько крошечных фигур внизу залегли и принялись отстреливаться. Однако основная масса продолжала бежать, стараясь как можно быстрее добраться до надежного укрытия.

Неожиданно откуда-то вынырнул Такер.

— Ты велел мне..., — он задохнулся и замолчал на секунду, — ... ты велел мне подойти, но там такое было! Я никак не мог...

Кейд не стал его упрекать. Что ни говори, а для необученной толпы они действовали совсем неплохо. Ободренный молчанием Оружейника, Такер осмелел и принялся с триумфом рассказывать:

— Оружейник, мы захватили их штаб! Это остановило их, правда?

— Не должно было, — рассеянно бросил Кейд, продолжая наблюдать за боем внизу. Однако он тут же сообразил, что произошло и расхохотался. — Да, — выдавил он, — это их и остановило...

Он не успел договорить. Грянул взрыв. Один из истребителей в одно мгновение превратился в желтый шар плазмы, в лица пахнуло жаром. Ударная волна едва не свалила их с ног. Затем взорвался второй корабль.

Кейд представления не имел, как это могло произойти. Скорее всего, кто-то из марсиан случайно выстрелил прямо в сверкающий блистер

кабины управления. Неплохо. Когда ему пришлось стрелять по истребителям там, в космосе, он делал это совершенно осознанно, зная уязвимое место этого бронированного монстра. Эти ребята действовали без всякой цели, полагаясь только на интуицию, а результатов добивались тех же. Он даже горько усмехнулся самому себе. Вот тебе и тринадцать лет подготовки, Оружейник Кейд, подумал он.

Вместе с Такером они прошли по теперь уже безопасной территории, добравшись до штабного поста. Кейд буквально упивался ревом стрелявших ружей, который смешался с грохотом запускаемых двигателей. Гвардия бежала позорно и торопливо, оставив марсианам трупы своих убитых товарищей и оружие.

Он тщательно осмотрел остатки занятого марсианами командного поста. Ошибки быть не могло. Это была удачно выбранная позиция, самый лучший в данных условиях штаб. Отсюда можно удерживать контроль за тыльными склонами холмов, где находились космические корабли, следить за местностью вокруг и простреливать ее перекрестным огнем.

Да, все было продумано до мельчайших подробностей, но ярость и фанатическая преданность своему делу пятисот необученных марсиан сломили знание стратегии, накопленное за десять тысяч лет существования Ордена. Штаб представлял собой обугленное нагромождение из сломанных радиопередатчиков, биноклей и другого

командного оборудования, которое отступающие бросили на произвол судьбы. И среди этих руин валялись полуобгоревшие трупы Оружейников.

Кейд повернулся к рядом стоявшему марсианину:

— Прекратить огонь! — рявкнул он. — Передай приказ по цепи!

Его команда, передаваемая от человека к человеку, понеслась по холмам. Огонь начал стихать.

Кейд подошел к контрольной панели центрального узла связи и взглянул на скорченный, полуобгоревший труп, уткнувшийся лицом в пульт. Он был без привычного плаща Оружейников. Кейд перевернул тело и уставился на властное лицо Верховного Правителя. Серые глаза смотрели в пустоту безжизненно и равнодушно. Даже в момент смерти этот человек не испытывал страха. Что ж, он погиб достойно. Но горечи Кейд почему-то не чувствовал. Наоборот, в душе поднялось странное ощущение — не то радости, не то злорадства. Вот перед ним человек, который не хотел расставаться с властью. Человек, который взял на себя функции и права самого императора. Он управлял Империей, замышляя козни, срамливал Дивизионы между собой, вызывая междоусобные войны. И вот теперь он мертв! Мертв! Потому что не захотел отдать победу в чужие руки. Он был уверен в своем успехе. Он ждал марсиан здесь на холме, рассчитывая уничтожить их всех, как только те сложат оружие и

отдадутся на его милость. Он и помыслить не мог, что между его войсками и этой кучкой оборванцев произойдет сражение, и уж тем более, что он проиграет его. Никто этого не ожидал. Да и что греха таить, не ожидал победы даже сам Кейд. И вот теперь патриоты Марса наголову разбили гвардию Верховного, заставив ее позорно бежать на истребителях, а ее командующий лежит здесь. Он уже никогда не станет на пути Императора, а значит, есть шанс, что и на Земле теперь многое изменится к лучшему.

Приказ прекратить огонь поступил как нельзя кстати. Раньше бы Кейда все равно никто не послушался, а чуть позже, и сами марсиане прекратили бы эту напрасную трату зарядов. Правда, даже сейчас еще находились такие непримиримые, которые не хотели мириться с отступлением противника. Некоторые продолжали стрелять по одиноким фигуркам внизу, некоторые по взлетающим космическим кораблям. Одна из женщин с яростным воплем бросилась вниз по склону, желая, как видно, сцепиться с кем-нибудь из Оружейников. Ее вовремя остановил какой-то мужчина, ухватив за руку и отобрав ружье. Оставшись безоружной, она сразу же сникла и успокоилась.

За всем этим Кейд наблюдал, не скрывая ироничной усмешки. Мещане оставались мещанами, даже если они и осмелились напасть на гвардию и одержать победу в тяжелом сражении. Он наблюдал, как Оружейники садятся в космические корабли и стартуют. Несколько истреби-

телей так и остались стоять на поле. Теперь уже они никогда не поднимутся в небо Марса. А вот остальные, с оставшимися в живых, разнесут невероятную новость по всей Империи. И все будут знать, что патриоты Марса — кучка мещан — сумела разгромить отборные соединения Оружейников Верховного Правителя. Это действительно была великая победа. потому что теперь, после таких событий, члены Ордена будут знать: мещане могут оказывать им сопротивление, если им есть за что бороться.

Патриотизм?

Он устало разглядывал марсиан, расположившихся рядом с ним. Какой-то круглолицый коротышка распевал песенку про Марс. Другие громко переговаривались и фальшиво смеялись. И Кейд нисколько не осуждал их: сейчас им нужна была определенная разрядка после такого долгого напряжения. Однако большинство сидели хмурые, обмениваясь между собой лишь короткими репликами:

— Да, конечно, — услышал Кейд, — они бежали. Но что, если они вернутся? Их наверняка будет еще больше.

— Нас тоже будет больше, — охотно откликнулся худощавый мужчина, — у меня, например, есть пять братьев, и все они готовы...

— Да! — тут же подхватила пожилая женщина, сидевшая прямо на земле, прислонясь спиной к валуну. — А у меня сыновья, и все такие рослые и крепкие для своего возраста...

— Они убили Мэнли, — угрюмо вставил щупленький парнишка, — даже не знаю, что я скажу его жене.

— Ничего, о нас обязательно позаботятся, — успокоил его мужчина, похлопав по плечу. — И о ней позаботятся тоже.

Кейд нервно расхаживал по краю холма. Еще несколько минут назад вся эта территория принадлежала войскам Верховного Правителя. Здесь стояли Гвардейцы, уверенные в собственной силе и мощи.

Патриотизм! В следующий раз, когда членов Ордена отправят сражаться против взбунтовавшихся марсиан, они будут значительно более осторожны. Легко представить с какой уверенностью они сажали истребители, а затем пятьсот с лишним воинов занимали наиболее удобные позиции по гребням холмов. Они по привычке, согласно воинскому искусству, выбирали точки обстрелов и места для организации командных пунктов. Они считали, что прибыли сюда для проведения показательной усмирительной акции, и так бы, вероятно, и произошло, если бы ни одно маленькое но. Мещане приняли решение сражаться. И когда Оружейники обнаружили, что их ряды прорваны мощной фронтальной атакой и один за другим пали несколько командных пунктов, они наконец сообразили, что бой идет нештучный. Что эти самые мещане, к которым они относились с таким презрением — впрочем, как и сам Кейд — оказались куда более умелыми и

ловкими воинами, чем можно было предположить. И тогда они предприняли перегруппировку, надеясь выиграть время и сражение. А когда мешанами был захвачен штабной пост...

В обычных условиях подобный факт не играет никакой роли. Командование передается совершенно автоматически следующему по рангу. В обычном бою этого бы никто даже не заметил из рядовых Оружейников. Но для этой ошарашенной гвардии, которая не ожидала даже элементарного возмущения собственным произволом, разгром штаба, должно быть, стал последней каплей, в нагромождении невероятных событий. Слишком уж неожиданно все это произошло.

Скорее всего именно неверие в возможность сопротивления сыграло роль в сокрушительном разгроме. Когда марсиане взобрались на эту скалу, Оружейники потеряли инициативу боя и уже заранее проиграли сражение. Т это они — члены Ордена: Оружейники, Наставники, Понтифексы, и даже сам Верховный Правитель.

И им никогда не выиграть сражения, пока марсиане настроены решительно сражаться за свой идеалы. Кейд вспомнил только что слышанный разговор: "... у меня, например, есть пять братьев, и все они готовы... а у меня сыновья, и все такие рослые и крепкие для своего возраста..." Им действительно никогда не выиграть этого сражения, потому что, если Земля пришлет сюда целое войско, то на защиту поднимется весь Марс.

Но теперь Верховный Правитель мертв. И значит Император не станет противостоять изменениям, которые грядут в ближайшем будущем. Если он сам был заинтересован в этом заговоре, то вряд ли станет принимать участие в войне против Марса. Он сам сделал возможной эту битву, он и его...

Сердце колотнулось в груди и замерло. За все время сражения Кейд не позволял себе думать о Джослин. Во-первых, это могло помешать ему выполнить до конца поставленную перед ним задачу. А во-вторых, он просто боялся расспрашивать кого-либо. Он боялся, что услышит в ответ страшную весть. И потому он гнал от себя мысли о ней, которые теперь нахлынули с новой силой. Он уже собрался идти на ее поиски, как Джослин неожиданно сама вынырнула из-за камня и подошла к нему.

Кейд так и замер на месте, не веря собственным глазам. Да, она была жива, и ее даже не ранило. От радости и ликования он ничего не видел перед собой, только ее измученное, усталое лицо. Такое любимое... дорогое...

Она подняла на него взгляд полный благодарности и восхищения.

— Спасибо тебе, Оружейник Кейд! Спасибо от моего имени и имени моего дяди.

Она говорила совершенно официально, холодным, сухим тоном, но за ним ощущалось столько чувств, что Кейд все понял. Он хотел бы ей как-то ответить, но слов не находил. Да и не существо-

вало таких слов, которыми бы он мог выразить свою радость. Больше всего на свете он боялся потерять ее, и вот теперь опасность миновала, они снова были вместе. Ему хотелось обнять ее, прижать к себе, ощутить ее всем телом... его руки и губы сказали бы ей куда больше, чем простые слова признания. Но вместо этого он холодно произнес:

— Ты должна благодарить не меня, а саму себя и своих братьев.

И в этот момент их взгляды встретились. Им ничего не нужно было говорить друг другу. Они понимали все и без слов.

— Эй. Оружейник! — окликнул Такер, бесцеремонно подходя к ним. — Я собираю всех своих людей здесь, внизу. Как ты думаешь, может нам выставить охрану? — он испытующе уставился на парочку, переводя взгляд с Кейда на Джослин, и обратно.

— Зачем? — нервно поинтересовался Кейд, чувствуя определенную неловкость. Он едва смог заставить себя вернуться к привычным насущным делам, требовавшим немедленного решения. — Твои люди могут взять еще немного дополнительного груза? Кое-что из этого оборудования не мешало бы прихватить.

Такер ткнул носком порванного ботинка мусор штабного поста.

— Вот это что ли?

— Я посмотрю и скажу, — Кейд повернулся

к Джослин. — Могу я сначала поговорить с тобой? Несколько слов...

— Конечно, — она ухватила за его руку, и он помог ей спуститься в небольшое укромное местечко между двумя огромными камнями. Они сели рядом прямо на землю.

— И что теперь? — просто спросил он, неловко покосившись на девушку.

— Теперь? К Главе марсианского Дивизиона, к его двору. Потом... может, нам и удастся вернуться. Верховный Правитель не успел назначить своего приемника, поэтому возвращение на Землю может оказаться для нас вполне безопасным. Наверняка там сейчас страшное замешательство, никто не знает, как поступить в дальнейшем. Этим можно было бы воспользоваться, но.., — она помедлила. — Глава марсианского Дивизиона наверняка захочет поставить тебя во главе своей армии.

Последние слова повисли в воздухе, наступила секундная тишина.

— А ты? — смущенно выдохнул Кейд.

— Не знаю, — она легкомысленно пожала плечами. — Может, и для меня найдется задание. Ты же сам понимаешь, я не привыкла бездельничать.

— Знаешь, мне бы не хотелось быть Верховным Понтифексом здесь, на Марсе, — медленно произнес Кейд. — Мне кажется, что когда-нибудь я вдруг надумаю жениться...

— Ой, Кейд! — неожиданно весело выпалила Джослин, и в ее глазах загорелись искорки насмешки. — Это же тебе не Земля. Здесь никогда не будет своего Ордена в том представлении, которое привычно для тебя. Многие из твоих Оружейников, если, конечно, ты так назовешь их, будут женаты. У многих и сейчас есть семья, не могут же они отказаться от своих родных.

Это простая истина неожиданно поразила Кейда. Действительно, разве семья в сущности может помешать человеку любить Императора и быть примерным Оружейником? Теперь ему казалось: наоборот. Если Оружейнику будет что защищать, он станет настоящим патриотом, как эти самоотверженные марсиане.

— Ты права, — сказал он, коротко кивнул. — Мне как-то не приходило в голову такое. Старые привычки... Джослин, я.., — ну как ему сказать ей об этом? — Ты ведь родственница Императора! — выпалил он, краснея.

— Император, — сказала она, положив ладонь ему на колено. — тоже человек. Мудрый человек, да к тому же женатый.

Теперь он знал, что вряд ли сможет ей рассказать обо всем. Ему не хватало элементарных слов. И тогда Кейд решил поступить иначе. Однажды ему уже довелось это сделать, но тогда он был в гневе, сейчас же он нежно обнял ее и притянул к себе. Он с удивлением и восторгом почувствовал, как ее губы возвращают ему поцелуй.

Некоторое время они так и сидели, прижав-

шись друг к другу, пока солнце не стало клониться к закату и тени не поднялись у них за спинами. Наконец Кейд встал и помог подняться ей.

— У нас еще много дел, — со вздохом объяснил он. В его голосе прозвучало сожаление. Они сидели долго, но это время показалось ему одним мгновением. Он бы с удовольствием вообще не выпускал леди Джослин из своих объятий.

— Да, — тихо откликнулась она, — у нас с тобой действительно еще очень много дел, дорогой.

Это слово изумило его своей новизной и нежностью. Сердце заколотилось в горле, мешая дышать.

— Любимая, — с удивлением произнес он и улыбнулся самому себе, своему смущению. Ему еще предстоит научиться многому... и любви тоже.

Сайрел Джад

ОРУЖЕЙНИК КЕЙД

Главный редактор А.Н. Игнатов
Технический редактор Г.И. Ануров
Переводчик Л.А.Гриднева
Корректор Е.И.Егорова

ЛР № 061245 от 29 мая 1992 г.

Подписано в печать 22.02.95. Формат 70х90¹/32
Гарнитура Griff. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,04. Тираж 5000 (1 з-в. 2200 экз.)
Заказ 92.

Компания ГРИФ-Ф Лтд.

127434, Москва, Ивановский пр-д., д. 18.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ИПО Профиздат, 109044, Москва, Крутицкий вал, 18.
Плр № 050003 от 19.10.94 г.

САЙРЕЛ ДЖАД

ОРУЖЕЙНИК КЕЙД

